MOONWALK.

или

лунная походка

Майкл Джексон о себе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге, впервые изданной в 1988 году и выпущенной в свет на русском языке в 1994 году, Майкл Джексон рассказывает о своем детстве, о первых успехах группы «The Jackson 5»/«The Jacksons», в которой он был солистом, о том, как записывались знаменитые альбомы Майкла Джексона «Off The Wall», «Thriller» и «Bad», а также о своем видении мира.

- Майкл Джексон
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6

Майкл Джексон
Moonwalk, или Лунная походка: Майкл Джексон о себе

Хочется прикоснуться к истине и быть в состоянии выразить эту истину через то, что ты пережил и перечувствовал — будь то радость или горе, — тогда жизнь твоя приобретет больший смысл и, может быть, тебе удастся тронуть сердца других. В этом высшее содержание искусства. Ради таких минут озарения я и живу.

Майкл Джексон

Глава 1
Просто дети с мечтой

Мне всегда хотелось научиться рассказывать истории, понимаете, истории, исходящие из моей души. Мне бы хотелось сесть у огня и рассказывать людям истории — чтобы увлечь их, вызвать у них смех и слезы, чтобы я мог повести их за собой куда угодно с помощью всего лишь обманчивых слов. Мне бы хотелось рассказывать им истории, которые волновали бы их души и преображали их. Меня всегда тянуло к этому. Вы только вообразите, как должны себя чувствовать великие писатели, зная, что обладают такой властью. Мне иногда кажется, что и я мог бы так. Эту способность мне бы хотелось в себе развить. В некотором смысле сочинение песен требует тех же навыков, создает эмоциональные взлеты и падения, но рассказ — это набросок. Это ртуть. Очень мало написано книг об искусстве рассказа, о том, как завладеть слушателями, как собрать людей вместе и позабавить их. Ни тебе костюма, ни грима, вообще ничего, — просто ты и твой голос, и твоя могучая способность повести их за собой куда угодно, преобразить их жизнь, хотя бы на несколько минут.

Начиная рассказывать мою историю, хочу повторить то, что я обычно говорю людям, когда меня спрашивают, как я начинал в группе «Пятерка Джексонов»: я был таким маленьким, когда мы начинали работать, что по сути дела ничего не помню. Большинству людей везет: они начинают свою карьеру достаточно взрослыми, когда они уже отлично понимают, что делают и зачем. Но со мной, конечно, было не так. Они помнят, как все происходило, а мне-то было всего пять лет от роду. Когда ты ребенком вступаешь на подмостки, ты еще слишком мал, чтобы понимать многое из происходящего вокруг. Большинство решений, затрагивающих твою жизнь, принимается в твое отсутствие. Итак, вот что я помню. Я помню, что пел как оглашенный, с огромным удовольствием отплясывал и чересчур выкладывался для ребенка. Многих деталей я, конечно, вообще не помню. Помню только, что «Пятерка Джексонов» начала по-настоящему завоевывать сцену, когда мне было всего лишь восемь или девять лет.

Родился я в Гэри, штат Индиана, вечером, в конце лета 1958 года — я был седьмым из девяти детей в нашей семье. Отец мой, Джо Джексон, родился в Арканзасе и в 1949 году женился на моей матери, Кэтрин Скруз, родом из Алабамы. На следующий

год родилась моя сестра Морин, которой выпала тяжкая доля быть старшим ребенком. За ней последовали Джеки, Тито, Джермэйн, Латойя и Марлон. А после меня родились Рэнди и Дженет.

Часть моих наиболее ранних воспоминаний связана с тем, что отец работал на сталелитейном заводе. Это была тяжелая, отупляющая работа, и, чтобы отвлечься, он музицировал. А мать работала в это время в универмаге. Благодаря отцу, да и потому, что мама любила музыку, она постоянно звучала у нас в доме. Мой отец и его брат создали группу «Фолконс» («Соколы»), которая исполняла у нас Р-и-Би. Отец, как и его брат, играл на гитаре. Они исполняли знаменитые песни раннего рок-н-ролла и блюзы Чака Берри, Литла Ричарда, Отиса Роддинга — перечень можете продолжать сами. Это были поразительные стили, и каждый оказывал свое влияние на Джо и на нас, хотя в то время мы были слишком малы, чтобы понимать это. Репетировали «Фолконс» в гостиной нашего дома в Гэри, так что я был воспитан на Р-и-Би. Нас в семье было девять детей, и у брата моего отца было восемь, так что все вместе мы составляли громадное семейство. Музыкой мы занимались на досуге — она сплачивала нас и как бы удерживала отца в рамках семьи. Эта традиция породила «Пятерку Джексонов» — позже мы стали «Джексонс» («Джексонами»), — и я благодаря такой тренировке и музыкальной традиции начал развиваться самостоятельно и создал свой стиль.

Почти все воспоминания детства связаны у меня с работой, хотя я любил петь. Меня не заставляли силой этим заниматься влюбленные в сцену родители, как, например, Джуди Гарлэнд. Я пел, потому что мне нравилось и потому, что петь для меня было так же естественно, как дышать. Я пел, потому что меня побуждали к этому не родители и не родственники, а моя собственная внутренняя жизнь в мире музыки. Бывало, — и я хочу, чтобы это было ясно, — я возвращался домой из школы и, едва бросив учебники, мчался в студию. Там я пел до поздней ночи, собственно, когда мне уже давно пора было спать. Через улицу от студии «Мотаун» был парк, и, помнится, я смотрел на игравших там ребят. Я глядел на них и дивился — я просто не мог представить себе такой свободы, такой беззаботной жизни — и больше всего на свете хотелось мне быть таким свободным, чтобы можно было выйти на улицу и вести себя так, как они. Так что в детстве у меня были и грустные минуты. Но так бывает со всеми детьми, ставшими «звездами». Элизабет Тэйлор говорила мне, что чувствовала то же самое. Когда ты работаешь совсем юным, то мир может показаться ужасно несправедливым. Никто

не заставлял меня быть маленьким Майклом-солистом — я сам это выбрал, и я это любил, — но работа была тяжелая. Когда мы, к примеру, делали записи для альбома, то отправлялись в студию сразу после школы, и иногда мне удавалось перекусить, а иногда и нет. Просто не было времени. Я возвращался домой измученный, в одиннадцать, а то и в двенадцать ночи, когда уже давно пора было спать.

Так что я в достаточной мере похож на любого, кто работал в детстве. Я знаю, сколько детям приходится выносить и чем они жертвуют. Знаю я, и чему учит такая жизнь. Моя жизнь научила тому, что чем старше человек становится, тем все больше требований она к нему предъявляет. Я почему-то чувствую себя старым. Я в самом деле чувствую себя стариком, человеком, который многое видел и многое испытал. Из — за того, что я столько лет вкалывал, мне трудно поверить, что мне всего лишь двадцать девять. Я работаю целых двадцать четыре года. Иногда мне кажется, что я доживаю жизнь, переваливаю за восемьдесят, и люди похлопывают меня по спине. Вот что бывает, когда начинаешь таким молодым.

Когда я в первый раз выступал с моими братьями, нас знали как «Джексонс». Позже мы станем «Пятеркой Джексонов». А еще позже, когда мы ушли из «Мотауна», снова стали «Джексонс».

Каждый из моих альбомов или альбомов группы, с тех пор как мы стали профессионалами и начали записывать собственную музыку, был посвящен нашей матери, Кэтрин Джексон. В моих ранних воспоминаниях она держит меня на руках и поет мне «Ты мое солнышко» или «Хлопковые поля». Она часто пела мне и моим братьям и сестрам. Хотя моя мама довольно долго жила в Индиане, выросла она в Алабаме, а в этих краях черные растут под мелодии кантри и вестерн, которые звучат по радио так же, как спиричуалз звучат в церкви. Она и по сей день любит слушать Уилли Нельсона. У нее всегда был красивый голос, и я думаю, что мама — и, конечно, Господь Бог — наделили меня способностью петь.

Мама играла на пианино и кларнете и учила игре на этих инструментах мою старшую сестру Латойю. Мама уже с детства знала, что никогда не будет играть любимую музыку перед другими — и не потому, что у нее не было таланта или способностей, просто в детстве ее покалечил полиомиелит. Она поборола болезнь, но не избавилась от хромоты. Ребенком она почти не ходила в школу, тем не менее считала, что ей повезло: она выздоровела в такое время, когда многие умирали от этой болезни. Я помню, какое она придавала значение тому, чтобы нам

сделали прививку против полиомиелита. Она даже заставила нас однажды пропустить представление в молодежном клубе — настолько важными считались прививки в нашей семье.

Мама знала, что полиомиелит послан ей не в наказание, что это — Господнее испытание, через которое она должна была пройти, и она привила мне любовь к Нему, которая будет жить во мне вечно. Мама внушала мне, что мой талант к пению и танцу такой же дар Божий, как прекрасный закат или метель, оставляющая после себя детям снег для игры. Хотя мы проводили много времени репетируя или путешествуя, мама выкраивала время, чтобы отвести меня — как правило, вместе с Ребби и Латойей — в храм «Свидетели Иеговы».

Через много лет после того, как мы уехали из Гэри, мы выступали в шоу Эда Салливэна, эстрадном концерте в прямом эфире, который передавали в воскресенье вечером и в котором Америка впервые увидела «Битлз», Элвиса Пресли, а также «Слайд энд Стоун». После концерта мистер Салливэн поблагодарил и поздравил каждого из нас, но я-то думал о том, что он сказал мне до концерта. Я болтался за сценой, как мальчишка из рекламы «Пепси», и натолкнулся на мистера Салливэна. Казалось, он обрадовался, пожал мне руку и, не выпуская ее, дал мне напутствие. Был 1970 год, когда среди лучших исполнителей рока были люди, которые губили себя алкоголем и наркотиками. Старшее, мудрое поколение эстрадников не хотело терять молодежь, иные уже говорили, что я напоминаю им Фрэнки Лимона, великого молодого певца 1950-х годов, расставшегося с жизнью подобным образом. Должно быть, думая об этом, Эд Салливэн и сказал мне тогда:

— Никогда не забывай, откуда у тебя талант. Твой талант — это дар Божий.

Я был благодарен ему за доброту, но я не мог бы сказать ему, что мама не дает мне об этом забыть. Я никогда не болел полиомиелитом — танцору даже страшно подумать об этом, — но я знаю, что Бог испытывал меня, моих братьев и сестер по-иному. Семейство было большое, дом крошечный, денег мало. Едва хватало, чтобы свести концы с концами. Да еще завистливые мальчишки из нашего квартала, бросавшие камни нам в окна, когда мы репетировали, злобно кричавшие, что ничего у нас не выйдет. Когда я думаю о маме и нашем детстве, то могу вам сказать: есть награды, которые не измерить ни деньгами, ни бурными аплодисментами, ни призами.

Мама была нам большим помощником. Стоило ей заметить, что кто-то из нас чем-то увлечен, она всячески развивала наш интерес в этом направлении. К примеру, когда я заинтересовался

кинозвездами, она стала приносить домой горы книг о знаменитостях. Хотя у нас было девять детей, она относилась к каждому, как к единственному. И все мы помнима, какой она была труженицей и помощницей. История эта стара как мир. Каждый ребенок думает, что его мама самая лучшая в мире, но мы, Джексоны, всегда это чувствовали. Кэтрин была с нами такая мягкая, добрая и внимательная, что я и представить себе не могу, каково расти без материнской любви.

Я знаю: если дети не получают необходимой любви от родителей, они стараются получить ее у кого-нибудь другого и прильнут к этому человеку, будь то дедушка или кто угодно. С нашей мамой нам не нужно было искать кого-то еще. Она давала нам бесценные уроки. Превыше всего она ценила доброту, любовь и внимание к людям. Не обижайте людей. Никогда не просите. Никогда не живите за чужой счет. Все это в нашем доме считалось грехом. Она хотела, чтобы мы всегда отдавали и не хотела, чтобы мы просили или клянчили. Вот какой она была.

Я помню один интересный случай. Однажды — это было еще в Гэри, я был тогда совсем маленький — рано утром какой-то человек стучался в нашей округе в двери. Он буквально истекал кровью, по следу можно было определить, где он уже побывал. Никто его не впустил. В конце концов он добрался до нашей двери и начал колотить по ней. Мама тут же его впустила. Большинство людей побоялось бы, но не такой была моя мать. Помню, я проснулся и увидел кровь у нас на полу. Хотелось, чтобы мы все были больше похожи на маму.

Мои самые ранние воспоминания об отце: помню, как он возвращается со сталелитейного завода с пакетом газированных пончиков для нас всех. Аппетит у нас с братьями был тогда что надо, и пакет в мгновение опустошался. Он водил нас всех кататься на карусели в парк, но я был слишком маленький и хорошо это не помню.

Отец для меня всегда был загадкой, он это знает. Больше всего я жалею, что мы никогда не были с ним по-настоящему близки. С годами он все глубже уходил в себя и, перестав обсуждать с нами семейные дела, понял, что ему тяжело с нами общаться. Бывало, сидим все вместе, а он возьмет и выйдет. Даже сегодня ему трудно говорить об отношениях между отцом и сыном — слишком неловко он себя чувствует. И когда я это замечаю, мне тоже становится неловко. Отец нас всегда оберегал, а это уже немало. Он всегда пытался оградить нас от обмана. И наилучшим образом заботился о наших интересах. Он, может, и допустил за все время несколько ошибок, но всегда считал, что поступает так на благо семьи. И, конечно же, многое из того, чего

мы с помощью отца достигли, было уникально и прекрасно, в особенности если взять наши связи с компаниями и людьми, работающими в шоу-бизнесе. Я бы сказал, что мы были среди тех немногих счастливчиков, которые, повзрослев, вступили в шоу-бизнес не с пустыми руками: у нас были деньги, недвижимость, различные капиталовложения. Обо всем позаботился отец. Он заботился о своей и нашей выгоде. Я по сей день благодарен ему за то, что он не пытался отобрать у нас все деньги, как это делали многие родители маленьких «звезд». Вы только представьте себе: обворовывать собственных детей! Отец ничего такого не делал. Но я до сих пор не знаю его, и это грустно, особенно, когда сын жаждет понять своего отца. Он до сих пор загадка для меня и может навсегда ею останется.

То, что отец помог мне обрести, не было дано от Бога, хотя Библия и гласит: что посеял, то и пожнешь. Как-то в минуты откровенности отец сказал это иначе, но смысл был именно такой: у тебя может быть величайший в мире талант, но если не будешь готовиться и работать по плану, все пойдет прахом.

Джо Джексон любил пение и музыку не меньше, чем мама, но он также знал, что за пределами Джексон-стрит лежит большой мир. Я был слишком мал, чтобы помнить членов его группы «Фолконс», хотя они приходили к нам домой по выходным репетировать. Музыка уносила их в иной мир, и они забывали о работе на сталелитейном Заводе, где отец был крановщиком. «Фолконс» играли по всему городу, а также выступали в клубах и колледжах северной Индианы и Чикаго. Перед началом репетиции у нас дома отец вынимал из чулана гитару и подключал к усилителю, который держал в подвале. Все настраивались, и начиналась музыка. Он всю жизнь любил Ритм-и-Блюз, и гитара была его гордостью и утехой. Чулан, где хранилась гитара, считался чуть ли не святыней. Нечего и говорить, что мы, дети, туда не допускались. Папа не водил нас в церковь, но и мама, и папа знали, что музыка может уберечь нашу семью в неспокойном квартале, где банды вербовали ребят в возрасте моих братьев. Трем старшим братьям всегда давали возможность побыть рядом, когда к нам приходили «Фолконс». Папа давал понять, что разрешение послушать — это награда для них. На самом деле ему хотелось, чтобы они не отлучались из дома.

Тито наблюдал за происходящим с величайшим интересом. В школе он брал уроки саксофона, но уже видел, что достаточно подрос и длина пальцев позволяет ему перебирать струны гитары, как делал его отец. Похоже было, что он научится, потому что Тито был очень похож на отца, и мы все считали, что он должен

унаследовать таланты отца. По мере того, как он взрослел, они до того становились похожи, что было даже не по себе. Должно быть, отец заметил рвение Тито и установил правило для всех моих братьев: никто не должен прикасаться к гитаре, когда его нет дома. Точка.

Поэтому Джеки, Тито и Джермейн внимательно следили за тем, чтобы мама не покидала кухни на то время, пока они «одалживали» гитару. Они старались не шуметь, извлекая ее. Затем они возвращались в нашу комнату, включали радио или маленький портативный проигрыватель, чтобы было чему подыграть. Тито садился на кровать и, прижав гитару к животу, держал прямо. Они играли с Джеки и Джермейном по очереди — сначала попробуют гаммы, которым их учили в школе, попытаются подобрать «Зеленый луг» — мелодию, услышанную по радио.

К этому времени я был уже достаточно большой — пробирался в комнату и смотрел, как они играют, дав обещание не проговориться. Однажды мама все же их застукала, и мы все страшно перепугались. Она отругала ребят, но пообещала не говорить отцу, если мы будем вести себя осторожно. Она понимала, что гитара удерживала мальчишек от общения со шпаной и от драк, так что она не собиралась отнимать у них то, что позволяло держать их дома.

Естественно, что-то должно было рано или поздно случиться, и вот лопнула струна. Братья были в панике. Времени на то, чтобы натянуть ее до возвращения отца, не было, вдобавок, никто из нас не знал, как это делается. Братья так и не решили, как быть, а потому положили гитару обратно в чулан, горячо надеясь, что отец решит, будто она сама порвалась. Отец, конечно, на это не клюнул и был вне себя от ярости. Сестры посоветовали мне не вмешиваться и затаиться. Я слышал, как заплакал Тито, когда отец все обнаружил, и я, естественно, пошел посмотреть. Тито лежал на кровати и плакал, когда отец вошел в комнату и жестом велел ему встать. Тито перепугался, а отец просто стоял, держа в руках свою любимую гитару. Глядя на Тито тяжелым, пронизывающим взглядом, он произнес:

— Ну-ка, покажи, что ты можешь.

Мой брат собрался с духом и взял несколько аккордов, которым сам научился. Когда отец увидел, как хорошо играет Тито, ему стало ясно, что Тито практиковался игре на гитаре. Он понял, что для Тито, да и для всех нас его любимая гитара вовсе не была игрушкой. Он прозрел: то, что произошло, вовсе не было случайностью. В этот момент вошла мама и принялась восторгаться нашими музыкальными способностями. Она сказала

отцу, что у нас есть талант и ему стоит нас послушать. Она продолжала напоминать ему об этом, и вот однажды он стал нас слушать и ему понравилось, что он услышал. Тито, Джеки и Джермейн начали всерьез репетировать. Через два года, когда мне было около пяти, мама сказала отцу, что я хорошо пою и могу играть на бонгах. Так я стал членом группы.

Примерно тогда отец решил, что дело с музыкой в его семье обстоит серьезно. Постепенно он начал все меньше времени проводить с «Фолконс» и все больше с нами. Мы просто собирались вместе, а он давал нам советы и учил технике игры на гитаре. Марлон и я были еще недостаточно взрослыми, чтобы играть, но мы наблюдали, как отец репетировал с остальными, и наблюдая, учились. Нам по-прежнему запрещалось трогать гитару в отсутствие отца, но братья обожали играть на ней, когда им разрешалось. В доме на Джексон-стрит стены дрожали от музыки. Мама с папой платили за музыкальные уроки Ребби и Джеки, когда те были маленькими, так что у них хорошая подготовка. Остальные занимались музыкой в школе и играли в школьных оркестрах Гэри, но энергия в нас била через край — нам все время хотелось играть.

«Фолконс» все еще зарабатывали деньги, хотя они выступали все реже, и без этих дополнительных средств нам пришлось бы худо. Денег этих было достаточно, чтобы прокормить все увеличивающееся семейство, но недостаточно, чтобы мы могли покупать что-либо, кроме самого необходимого. Мама работала на полставки в универмаге «Сирс», отец по-прежнему работал на сталелитейном заводе, и никто не голодал, но я думаю, оглядываясь назад, что мы чувствовали себя тогда как бы в тупике.

Однажды папа не пришел вовремя домой, и мама начала волноваться. К тому времени, когда он явился, она была готова устроить ему хорошую головомойку. Мы были не прочь понаблюдать: было интересно, сумеет ли он вывернуться. Но когда отец просунул голову в дверь, лицо у него было лукавое, и он что-то прятал за спиной. Мы были потрясены, когда он нам показал сверкающую гитару, немного меньше той, что была в чулане. Мы подумали, что, значит, мы получим старую. Но папа сказал, что новая гитара предназначается Тито, чтобы тот давал ее каждому, кто захочет попрактиковаться. Нам не разрешалось брать ее в школу и хвастаться. Это был серьезный подарок, и этот день запомнился в семье Джексонов.

Мама радовалась за нас, но она знала своего мужа. Уж она-то знала, какие грандиозные планы и намерения были у него в отношении нас. Он разговаривал с нею ночью, после того как мы,

дети, засыпали. Он лелеял мечты, эти мечты не ограничивались одной гитарой. Довольно скоро нам пришлось иметь дело не просто с инструментами, но с оборудованием. Джермейн получил бас-гитару и усилитель. Джеки — маракасы. Наша спальня и гостиная стали смахивать на музыкальный магазин. Иногда я слышал, как ссорились мама с папой, когда вставал вопрос о деньгах, так как все эти инструменты и инструменты вынуждали нас экономить на том немногом, что мы имели каждую неделю. Папе все же удавалось переубеждать маму, и он не просчитался.

У нас были дома даже микрофоны. В то время это действительно была роскошь, в особенности для женщины, пытавшейся растянуть жалкие гроши, но я понимаю, что появление микрофонов в нашем доме объяснялось не просто стремлением не отставать от «Джонсов» или еще кого-нибудь в наших вечерних любительских состязаниях. Они нужны были для работы. Я видел людей на конкурсах талантов, возможно, прекрасно звучавших дома, но тушевавшихся, как только они оказывались перед микрофоном. Другие начинали истошно орать, словно желая доказать, что не нуждаются в микрофонах. У них не было нашего преимущества, преимущества, которое дает только опыт. Я думаю, кое-кто, наверно, нам завидовал, так как раньше умение владеть микрофоном давало нам преимущество. Если это и правда, то завидовать нам было нечего: мы ведь стольким жертвовали — свободным временем, школьной жизнью и друзьями. У нас начало хорошо получаться, но работали мы, как люди вдвое старше нашего возраста.

Пока я наблюдал за игрой моих старших братьев, включая Марлона, игравшего на барабанах бонго, папа привел пару мальчишек — одного звали Джонни Джексон, а другого Рэнди Рэнсиер — и посадил их за ударные инструменты и фисгармонию.

«Мотаун» позже будет утверждать, что это были наши двоюродные братья, но сделано это исключительно для рекламы: чтобы изобразить нас одной большой семьей. Мы стали настоящей группой. Я, словно губка, впитывал в себя все, что только мог, наблюдая за каждым. Я был весь внимание, когда мои братья репетировали или играли на благотворительных концертах или в торговых центрах. Больше всего я любил наблюдать за Джермейном, потому что он в ту пору был певцом и был моим старшим братом. Марлона, как старшего, я не воспринимал: слишком маленькая разница была у нас в возрасте. В детский сад меня водил Джермейн, и его одежду донашивал я. Если он что-то делал, я старался ему подражать. Когда у меня хорошо получалось, это вызывало улыбку у папы и у братьев, а

когда я начал петь, они стали слушать. Я тогда пел дискантом — просто воспроизводил звуки. Я был настолько мал, что не знал значения большинства слов, но чем больше я пел, тем лучше у меня получалось.

Танцевать я всегда умел. Я наблюдал за движениями Марлона — Джермейну-то было не до танцев: ему приходилось держать большую бас-гитару. А за Марлоном я мог поспевать, ведь он был только на год старше меня. Довольно скоро я уже пел почти весь репертуар у нас дома и готовился вместе с братьями выступать на публике. Во время репетиций нам становились ясны наши сильные и слабые стороны, и, естественно, происходила смена ролей.

Наш домик в Гэри был небольшим — по сути дела, три комнаты, — но в то время он казался мне гораздо больше. Когда ты совсем маленький, весь мир представляется таким огромным, что небольшая комнатка кажется в четыре раза больше, чем она есть. Когда спустя несколько лет мы вернулись в Гэри, мы все были поражены, насколько крохотным был наш домик. Мне-то он помнился большим, а в действительности — сделай пять шагов от входной двери и выйдешь в противоположную дверь. На самом деле он был не больше гаража, но, когда мы там жили, нам, детям, он казался отличным. Настолько иначе видятся вещи, когда ты маленький.

У меня сохранились очень расплывчатые воспоминания о школе в Гэри. Я смутно помню, как меня привели в школу в первый день после детского сада, зато отчетливо помню, как я ненавидел ее. Естественно, я не хотел, чтобы мама оставляла меня там, не хотел там находиться.

Через какое-то время я привык, как все дети, и полюбил своих учителей, в особенности женщин. Все они были такие милые и просто обожали меня. Учителя были просто замечательные: когда я переходил в следующий класс, они плакали и обнимали меня, говорили, как им жаль, что я от них ухожу. Я до того любил своих учителей, что воровал у мамы украшения и дарил им. Они были очень тронуты, но в конце концов мама узнала об этом и положила конец моей щедрости. Мое желание как-то отблагодарить их за то, что я от них получал, доказывает, как я любил их и школу.

Однажды в первом классе я участвовал в концерте, который показывали всей школе. Каждый ученик должен был что-то приготовить. Вернувшись домой, я посоветовался с родителями. Мы решили, что мне надо одеть черные брюки с белой рубашкой и спеть «Взберусь на любую гору» из «Звуков музыки». Реакция слушателей, когда я закончил петь, потрясла меня. Зал

разразился аплодисментами, люди улыбались, некоторые встали. Учителя плакали. Я просто глазам своим не мог поверить. Я подарил им всем счастье. Это было такое замечательное чувство. Но при этом я был немного смущен: я же ничего особенного не сделал. Просто спел, как каждый вечер пел дома. Дело в том, что, когда выступаешь на сцене, не осознаешь, как ты звучишь или что у тебя получается. Просто открываешь рот и поешь.

Вскоре папа начал готовить нас к конкурсам талантов. Он оказался прекрасным наставником и потратил немало времени и денег на нашу подготовку. Талант человеку дает Бог, а отец учил нас, как его развивать. Кроме того, у нас, я думаю, был врожденный дар к выступлению на эстраде. Нам нравилось выступать, и мы все в это вкладывали. Отец сидел с нами каждый день после школы и репетировал. Мы выступали перед ним, и он давал нам советы. Кто оплошает, получал иногда ремнем, а иногда и розгой. Отец был с нами очень строг, по-настоящему строг. Марлону всегда доставалось. А меня наказывали за то, что происходило, как правило, вне репетиций. Папа так меня злил и делал так больно, что я пытался дать ему в ответ, и получал еще больше. Я снимал ботинок и швырял в него или просто начинал молотить его кулаками. Вот почему мне доставалось больше, чем всем моим братьям вместе взятым. Я никогда отцу не спускал и он готов был меня убить, разорвать на части. Мама рассказывала, что я отбивался, даже когда был совсем маленьким, но я этого не помню. Помню только, как нырял под стол и убегал от него, а это его еще больше злило. У нас были очень бурные отношения.

Так или иначе большую часть времени мы репетировали. Репетировали постоянно. Иногда поздно вечером у нас выпадало время поиграть в игры или с игрушками. Случалось, играли в прятки или прыгали через веревочку, но и только. Большую часть времени мы трудились. Я хорошо помню, как мы неслись с братьями домой, чтобы успеть к приходу отца, потому что туго нам пришлось бы, не будь мы готовы начать репетицию вовремя.

Во всем этом нам очень помогала мама. Она была первой, кто открыл наш талант, и она продолжала помогать нам его реализовывать. Едва ли мы смогли бы достичь того, чего мы достигли, без ее любви и доброжелательности. Она беспокоилась за нас: мы ведь находились в таком напряжении, по стольку часов репетировали, но хотели показать все, на что способны, и действительно любили музыку.

Музыку ценили в Гэри. У нас были собственные радиостанции и ночные клубы, и не было недостатка в людях, желавших в них выступать. Проведя с нами в субботу днем репетицию, папа отправлялся посмотреть местное музыкальное

шоу или даже ездил в Чикаго на чье-нибудь выступление. Он постоянно старался выискать что-то, что могло бы нам помочь. Вернувшись домой, он рассказывал нам, что видел и кто как выступал. Он был в курсе всех новинок, будь то в местном театре, проводившем конкурсы, в которых мы могли бы участвовать, или в «Кавалькаде Звезд» с участием знаменитых актеров, чьи костюмы и движения мы могли бы перенять. Иногда я не видел папу до воскресенья, пока не возвращался из церкви, но как только я вбегал в дом, он начинал мне рассказывать о том, что видел накануне. Он убеждал меня, что я смогу танцевать на одной ноге, как Джеймс Браун, стоит только попробовать. Вот так получалось со мной: прямиком из церкви — на эстраду.

Мы начинали получать награды за наши представления, когда мне было шесть лет. Каждый из нас теперь знал свое место: я выступал вторым слева, лицом к публике, Джермейн с краю от меня и Джеки справа. Тито со своей гитарой стоял на правом краю, рядом с ним — Марлон. Джеки вырос и возвышался надо мной и Марлоном. Так мы выступали на одном конкурсе за другим и получалось неплохо. Другие группы ссорились между собой и распадались, мы же выступали все более слаженно и набирались опыта. Жители Гэри, ходившие регулярно на конкурсы талантов, стали нас узнавать, поэтому мы старались превзойти себя и удивить их. Нам не хотелось, чтобы они скучали на нашем представлении. Мы знали: все новое всегда к лучшему, это помогает расти, поэтому мы не боялись новых элементов в нашем исполнении.

Победа на любительском вечере или конкурсе талантов с десятиминутной программой, состоящей из двух песен, требует затраты такого же количества энергии, что и полуторачасовой концерт. Я убежден: это потому, что нет места для ошибок, поскольку выкладываешься так, что за одну-две песни тебя поистине сжигает изнутри — куда больше, чем когда ты неспешно исполняешь двенадцать или пятнадцать песен подряд. Эти конкурсы талантов были нашим профессиональным образованием. Иногда мы приезжали за сотни миль, чтобы спеть пару песен, и очень надеялись, что толпа не отвергнет нас, потому что мы не местные. Мы состязались с людьми разного возраста и умения — от профессиональный групп и актеров до певцов и танцоров, как мы. Нам нужно было завладеть вниманием зала и удержать его. Ничто не предоставлялось случаю — ни костюмы, ни обувь, ни прически. Все должно быть, как задумал папа. Мы действительно выглядели поразительно профессионально. После такого планирования, если мы исполняли песни как на репетиции, награда сама шла к нам в

руки. Так было, даже когда мы выступали в Уоллес-Хай — той части города, где были свои музыканты и своя клика. Мы бросали им вызов на их собственной территории. Само собой, у местных музыкантов всегда были свои поклонники, так что, когда мы покидали свои края и приезжали в чужие, бывало очень тяжело. Когда конферансье поднимал над нами руки, «призывая» к аплодисментам, нам хотелось, чтобы публика понимала: мы выложились больше всех остальных.

Все мы — и Джермейн, и Тито, — когда играли, находились под огромным давлением. Наш менеджер был из той породы людей, которые любят напоминать: Джеймс Браун штрафовал музыкантов из своих «Знаменитых языков пламени», если кто-то опаздывал со вступлением или фальшивил во время представления. Будучи солистом, я чувствовал, что в большей мере, чем остальные, не могу позволить себе «отдохнуть вечерок». Помнится, я был на сцене вечером после того, как целый день пролежал больной в постели. В ту пору мне еще трудно было собраться с силами, и тем не менее я знал, что мы с братьями должны все делать безупречно — разбуди меня ночью, и я исполню всю программу. Когда я себя так чувствовал, я все время напоминал себе, что нельзя искать в толпе кого-нибудь знакомого или смотреть на конферансье, так как это может отвлечь. Мы исполняли песни, которые люди слышали по радио или те, которые, как считал отец, уже стали классикой. Если ты сбивался, то моментально это слышал, потому что любители музыки знали эти песни и знали, как они должны звучать. Если же у тебя возникало желание изменить аранжировку, она должна была звучать лучше оригинала.

Мы получили первое место на общегородском конкурсе талантов, когда мне было восемь лет. Мы исполняли нашу версию песни «Девочка моя». Конкурс проходил в нескольких кварталах от нас, на Рузвельт-Хай. С того момента, как Джермейн взял первые ноты на бас-гитаре, а Тито — первые аккорды на гитаре и до того, как мы исполнили припев впятером, весь зал стоя слушал всю песню. Джермейн и я пели по очереди куплеты, а в это время Марлон и Тито волчком вертелись по сцене. Чудесное это было чувство, когда мы передавали из рук в руки приз, самый большой из тех, что мы до сих пор получали. В конце концов мы водрузили его на переднее сиденье машины, как ребенка, и поехали домой, а папа приговаривал:

— Если будете выступать так, как выступали сегодня, им просто придется вручать вам призы.

Так мы стали чемпионами города Гэри.

Нашей следующей целью было завоевать Чикаго, потому что там была постоянная работа и лучшая устная реклама в округе. Мы со всем усердием начали планировать нашу стратегию. Группа отца играла в тональности чикагских групп «Мадди Уотерз» и «Хоулинг Вулф», но отец, мысливший достаточно широко, понимал, что не менее привлекательны и более звучные протяжные мелодии, нравившиеся нам, детям. Нам повезло, потому что многие люди его возраста не были так прогрессивны. В самом деле, мы знали музыкантов, считавших, что тональность шестидесятых — не для людей их возраста, но к папе это не относилось. Он умел распознать хорошее пение — даже рассказывал нам, что видел известную группу «Спэниелс» из Гэри, когда они уже стали «звездами», хотя и были не намного старше нас. Когда Смоуки Робинсон из «Мираклз» пел такие песни, как «След моих слез» или «У-у-у, крошка, крошка», он слушал с не меньшим вниманием, чем мы.

В шестидесятых Чикаго в музыкальном отношении еще не был отброшен назад. Такие великолепные исполнители, как Кэртис Мейфилд, Джерри Батлер, Мейджер Лэнс и Тайрон Дэвис выступали с группой «Импрешнс» по всему городу в тех же местах, что и мы. Тогда отец стал уже нашим постоянным менеджером, работая лишь полсмены на заводе. У мамы были кое-какие сомнения по поводу разумности подобного решения. Не потому, что она думала, будто у нас не получается — просто она не знала никого кто бы проводил большую часть времени, пытаясь пристроить своих детей в музыкальный бизнес. Еще меньше ей понравилось, когда папа рассказал, что устроил нам постоянный контракт на выступление в ночном заведении Гэри «У мистера Лакки». Нам приходилось проводить выходные в Чикаго и в других местах, где мы пытались выиграть на все возраставшем числе любительских конкурсов, а поездки эти обходились не дешево, поэтому работа «У мистера Лакки» пришлась очень кстати. Мама удивлялась тому, как нас принимали, и очень радовалась наградам и вниманию публики, но очень за нас волновалась. За меня она волновалась, потому что я был самый младший.

— Ну и жизнь для девятилетнего мальчика! — восклицала она, пристально глядя на моего отца.

Я не знаю, чего ожидали мы с братьями, но публика в ночном клубе была совсем другая, чем на Рузвельт-Хай. Мы играли, чередуясь со скверными комедиантами, таперами и девицами, демонстрировавшими стриптиз. Учитывая воспитание, полученное мною в церкви «Свидетели Иеговы», мама волновалась, зная, что я болтаюсь среди неподходящих людей и

познаю вещи, с которыми мне было бы лучше познакомиться позже. Ей не стоило волноваться. Сам вид некоторых из исполнительниц стриптиза никак не мог совратить меня и ввергнуть в беду — во всяком случае, не в девять лет! Это был ужасный образ жизни, и тем не менее он преисполнял всех нас решимостью стремиться вверх, чтобы как можно дальше уйти от этой жизни.

«У мистера Лакки» мы впервые выступали с целой программой — по пять номеров за вечер шесть раз в неделю. И если папе удавалось что-то организовать для нас вне города на седьмой вечер, он это делал. Мы старались изо всех сил, и посетители бара относились к нам неплохо. Им нравились и Джеймс Браун, и Сэм, и Дэйв так же, как мы. Вдобавок мы были чем-то вроде бесплатного приложения к выпивке и веселью. Они радовались и не жалели аплодисментов. Во время одного номера мы даже веселились вместе с ними. Это была песенка Джо Текса «Тощие ноги и все остальное». Мы начинали петь, и где-то в середине я выходил в зал, и, ползая под столами, задирал женщинам юбки. Посетители бросали мне деньги, когда я пробегал мимо, а я, пританцовывая, подбирал все доллары и мелочь, рассыпавшиеся по полу, и запихивал в карманы куртки.

В общем то я не волновался, когда мы начали играть в клубах, поскольку у меня был большой опыт общения с публикой на конкурсах талантов. Я всегда был готов выйти на сцену и выступать, понимаете, просто делать что-то — петь, танцевать, веселиться.

Мы работали в нескольких клубах, где исполнялся стриптиз. В одном из таких заведений Чикаго я обычно стоял за кулисами и наблюдал за некоей женщиной по имени Мэри Роуз. Мне, должно быть, было тогда лет девять или десять. Женщина снимала с себя одежду, затем белье и бросала все это в зал. Мужчины подбирали ее вещички, нюхали и начинали орать. Мы с братьями наблюдали это, впитывая в себя, и папа ничего не имел против. Мы многому научились тогда за время работы. В одном заведении была проделана дырочка в стене гримерной, за которой был женский туалет. Через эту дырочку можно было подглядывать, и я там видел такое, чего никогда не забуду. Ребята в той программе были такие заводные, что постоянно буравили дырочки в стенах женских туалетов. Мы с братьями дрались за то, кому смотреть в дырочку.

— А ну подвинься, моя очередь!

И отпихивали друг друга, чтобы освободить для себя место. Позже, когда мы работали в театре «Апполо» в Нью-Йорке, я видел такое, что у меня чуть крыша не поехала, — я не

представлял себе, что такое возможно. Я уже видел немало исполнительниц стриптиза, но в тот вечер выступала девица с потрясающими ресницами и длинными волосами. Выступала она здорово и вдруг в самом конце сдернула парик, достала из лифчика два апельсина и обнаружилось, что под гримом скрывался парень с грубым лицом. Я глазам своим поверить не мог. Я ведь был еще совсем ребенком и представить себе такое не мог. Но я выглянул в зрительный зал и понял, что им это нравилось, они бурно аплодировали и кричали. А я, маленький мальчик, стоял в кулисах и наблюдал за этим безумием. Как я уже говорил, я все-таки получил в детстве кое-какое образование. Получше, чем удается большинству. Возможно, это позволило мне в зрелом возрасте заняться другими сторонами моей жизни.

Однажды, вскоре после наших успешных выступлений в ночных клубах Чикаго, папа принес домой кассету с песнями, которых мы раньше не слышали. Мы привыкли исполнять популярные шлягеры, которые звучали по радио, и поэтому недоумевали, зачем папа снова и снова проигрывает эти песни — их пел какой-то парень, причем не очень хорошо, под аккомпанемент гитары. Папа сказал, что на кассете записан не певец, а автор песен, владеющий студией звукозаписи в Гэри. Звали его мистер Кейс, и он дал нам неделю на то, чтобы разучить его песни, а тогда уж он будет судить, можно ли записать их на пластинку. Естественно, мы были в восторге. Нам хотелось иметь свою пластинку — любую пластинку, какую угодно.

Мы стали работать исключительно над звуком, забросив танцы, которыми мы обычно сопровождали новую песню. Разучивать песню, совсем неизвестную, было не очень-то интересно, но к тому времени мы уже стали профессионалами и, скрыв разочарование, старались вовсю. Когда мы были готовы и почувствовали, что сделали все, что могли, папа записал нас на кассету — правда, после нескольких фальстартов. Через день или два, в течение которых мы гадали, понравилась ли мистеру Кейсу записанная нами кассета, папа вдруг принес еще несколько его песен, которые мы должны были изучить для первой записи.

Мистер Кейс, как и папа, был заводским рабочим, любившим музыку, только его больше интересовала запись и деловая сторона. На эмблеме его студии значилось: «Стилтаун». Оглядываясь назад, я понимаю, что мистер Кейс волновался не меньше нашего. Его студия находилась в центре города, куда мы и отправились одним субботним утром до начала «Приключений трясогузки», которая был в то время моей любимой передачей. Мистер Кейс встретил нас у входа в студию и отпер дверь. Он

показал нам небольшую стеклянную кабину с разнообразным оборудованием и объяснил, что для чего нужно. Было похоже, что нам не придется больше пользоваться магнитофонами, — по крайней мере, в этой студии. Я надел какие-то большие металлические наушники, доходившие мне до половины шеи, и постарался сделать вид, будто я готов.

Пока братишки соображали, куда подключить инструменты и куда встать, подъехали хористы и духовики. Сначала я решил, что они будут записываться после нас. Мы были приятно удивлены и обрадованы, узнав, что они приехали записываться с нами. Мы посмотрели на папу, но в его лице ничего не изменилось. Скорее всего, он знал об этом и не возражал. Люди уже тогда знали, что папа не любит сюрпризов. Нам велели слушать мистера Кейса — он скажет нам, что делать, пока мы будем в кабине. Если мы будем делать все, как он велит, пластинка сама запишется.

Через два-три часа мы записали первую песню мистера Кейса. Некоторые из хористов и духовиков тоже никогда прежде не записывали пластинок, и им нелегко пришлось — вдобавок их руководитель не требовал совершенства, поэтому они не привыкли, как мы, по несколько раз переделывать все заново. В такие моменты мы понимали, сколько папа вложил усилий, чтобы сделать из нас законченных профессионалов. Мы потратили на запись несколько суббот, оставляя для потомства разученную за неделю песню и каждый раз унося с собой от мистера Кейса новую пленку. В одну из суббот папа даже захватил с собой гитару, чтобы выступить вместе с нами. Это был первый и последний раз, когда он с нами записывался. Когда пластинка была готова, мистер Кейс дал нам несколько экземпляров, чтобы мы могли продавать их между номерами и после выступлений. Мы знали, что серьезные люди так не поступают, но надо было когда-то начинать, а в то время иметь пластинку с названием твоей группы кое-что значило. Мы считали, что нам очень повезло.

Первая сорокапятка фирмы «Стилтаун» — «Большой мальчик» — была записана с хватающей за душу бас гитарой. Это была милая песенка о пареньке, мечтавшем влюбиться. Конечно, для полноты картины вы должны представить себе, что исполнял ее девятилетний тощий мальчишка. В тесте говорилось, что не желаю я больше слушать сказки, но, по правде говоря, слишком я был еще мал, чтобы уловить подлинный смысл большей части слов в тех песнях. Я просто пел то, что мне давали.

Когда эту пластинку с партией бас гитары начали крутить по радио в Гэри, мы стали знаменитостями в квартале. Никому не верилось, что у нас своя пластинка. Мы сами с трудом этому

верили.

После этой первой пластинки, выпущенной «Стилтауном», мы нацелились на все крупные конкурсы талантов в Чикаго. Как правило, другие исполнители с опаской смотрели на меня, поскольку я был такой маленький, а в особенности те, кто выступал после нас. Как-то раз Джеки вдруг захохотал до колик, словно кто-то рассказал ему необычайно смешную шутку. Это было дурным знаком перед выступлением, и я увидел, что папа заволновался, как бы Джеки не сорвался на сцене. Папа подошел к нему, чтобы обменяться словом, но Джеки шепнул ему что-то на ухо, и папа так и согнулся пополам от смеха. Мне тоже захотелось узнать, в чем дело. Папа с гордостью сообщил, что Джеки услышал разговор двух ведущих исполнителей. Один из них сказал:

— Ну уж не допустим, чтобы эта «Пятерка Джексонов» с их карликом обставила нас сегодня.

Сначала я расстроился — это меня задело. Какие подлые твари. Не виноват же я в том, что я — самый маленький, но остальные братья тоже захохотали. Папа объяснил, что они не надо мной смеются. Он сказал, я должен гордиться — та группа говорит гадости, потому что думает: я взрослый, только изображаю ребенка, как в «Волшебнике из страны Оз». Папа сказал, что если эти крутые ребята говорят, как дворовые мальчишки, немало досаждавшие нам в Гэри, значит, Чикаго у наших ног.

Правда, нам для этого еще надо было немало потрудиться. После того как мы поиграли в неплохих чикагских клубах, папа подписал контракт на наше выступление на конкурсе любительских групп в городском театре «Ройял». Он ходил слушать Б. Б. Кинга в «Ригал» в тот вечер, когда тот записывал свой знаменитый «живой» альбом. Когда несколько лет назад папа подарил Тито крутую красную гитару, мы принялись над ним подтрунивать — чьим именем он ее назовет, подобно Б. Б. Кингу, который называл свою гитару «Люсиль».

Мы побеждали в том конкурсе три недели подряд, каждую неделю исполняя новую песню, чтобы поддерживать интерес у постоянной публики. Некоторые музыканты жаловались, говорили, что мы слишком жадные — не хотим пропустить ни одного вечера, но сами стремились к тому же. Было такое правило: если ты три раза подряд побеждаешь на конкурсе любителей, тебя приглашают на платный концерт с тысячной аудиторией, — это не сравнишь с несколькими десятками человек, перед которыми мы играли в барах. Нам досталась такая

возможность. Концерт открывали Глэдис Найт и «Пипсы» совершенно новой песней «Слух до меня дошел»… Вечер был потрясный.

После Чикаго был еще один большой конкурс любительских групп, который, по нашему убеждению, мы обязаны были выиграть, — он проходил в нью-йоркском театре «Аполло». В Чикаго многие считают, что победить в «Аполло» — просто приятно и только, но папа видел в этом нечто большее. Он знал, что в Нью-Йорке выступают таланты высокого класса, и он знал также, что там больше людей, связанных со звукозаписью, и профессиональных музыкантов. Если у нас получится в Нью-Йорке, то у нас получится где угодно. Вот что означало для нас победить в «Аполло».

Чикаго послало в Нью-Йорк своего рода отчет о наших выступлениях, и такова была наша репутация, что в «Аполло» нас поставили в финальную часть программы под названием «Самые лучшие», хотя мы не участвовали ни в одном предварительном конкурсе. К этому времени Глэдис Найт уже приглашала нас в «Мотаун», как и Бобби Тэйлор, один из «Ванкувера», с которым подружился отец. Отец сказал им обоим, что мы были бы счастливы прослушаться в «Мотауне», но не сейчас.

Мы приехали на Сто двадцать пятую улицу, где находился театр «Аполло», достаточно рано, так что могли совершить по нему экскурсию. Мы обошли весь театр, рассматривая фотографии выступивших там «звезд», как черных, так и белых. Под конец директор-распорядитель провел нас в гримерную, но к этому времени я уже успел отыскать фотографии всех моих кумиров.

Пока мы с братьями играли обязательные для новичков «промежуточные звенья» между выступлениями других исполнителей, я внимательно наблюдал за «звездами», стремясь как можно больше почерпнуть у них. Я следил за их ногами, за тем, как они держат руки, берут микрофон, пытаясь понять, как они это делают и почему именно так. Понаблюдав из-за кулис за Джеймсом Брауном, я запомнил каждый его шаг, каждый хрип, каждый прокрут и поворот. Должен сказать, он доводил себя до полного изнурения, до физического и морального истощения.

Казалось, из каждой его поры вырывается огонь. Физически чувствовалось, как на его лице проступает пот. Никогда я не видел, чтобы кто-либо выступал так, как он. Когда я наблюдал за кем-то, кто мне нравился, я сам становился им. Джеймс Браун, Джеки Уилсон, Сэм и Дэйв, О'Джейсы — все они выкладывались для зрителя. Пожалуй, наблюдая за Джеки Уилсоном, я набирался от него больше, чем от кого-либо другого. Все это было

очень важной частью моего образования.

Мы стояли за сценой, за кулисами, и наблюдали за каждым, кто уходил со сцены после выступления, — все они были мокрые от пота. Я просто стоял в сторонке в благоговейном трепете и смотрел, как они проходили мимо. И на всех были такие красивые лакированные туфли. Помню, как я мечтал иметь такие лакированные туфли. И как огорчался из-за того, что их не делали для детей. Я ходил из магазина в магазин, и всюду мне отвечали:

— Таких маленьких мы не производим.

Ужасно я расстраивался: уж очень мне хотелось иметь такие туфли, в каких выступают на сцене, лакированные и блестящие, отливающие красным и оранжевым в свете огней. О, до чего же мне хотелось иметь такие туфли, как у Джеки Уилсона.

Большую часть времени я стоял за сценой один. Братья находились наверху — перекусывали и болтали, а я был внизу, за кулисами — сидел на корточках, держась за пыльный вонючий занавес, и наблюдал за исполнителями. Правда, я действительно наблюдал за каждым их шагом, движением, поворотом, оборотом, как они скрежещут зубами, как выражают разные эмоции, как меняется освещение. Так я получал образование и отдыхал. Я проводил там все свободное время. Отец, братья, другие музыканты — все знали, где меня искать. Они потешались надо мной, но я был так увлечен тем, что видел, так старался запомнить только что увиденное, что не обращал на них внимания. Помню все эти театры — «Ригал», «Айтаун», «Аполло», всех не перечислишь. Таланты там рождались в поистине мифической пропорции. Лучшее в мире образование — смотреть на то, как работают мастера. Тому, что я узнал, просто стоя за кулисами и наблюдая, — научить нельзя. Некоторые музыканты — группы «Спрингстин» и «Ю-Ту», к примеру, — возможно, и считают, что получили образование на улице, я же артист от рождения. Мое образование идет со сцены.

Фото Джеки Уилсона висело на стене в «Аполло». Фотограф щелкнул его, когда он в твисте выбросил ногу в воздух, раскачивая микрофон взад-вперед. Возможно, он пел какую-нибудь грустную песню, вроде «Одиноких слез», а у зрителей захватывало дух от его танца, так что никому не было ни грустно, ни одиноко.

Фото Сэма и Дэйва висели дальше по коридору, рядом со снимками старого джаз-оркестра. Папа подружился с Сэмом Муром. Помню, когда мы впервые встретились, я был приятно удивлен его ласковым ко мне отношением. Я так давно пел его песни, что думал, он мне уши надерет, А неподалеку от них

висело фото «Короля всех и вся, Мистера Динамита, мистера Пожалуйста, Пожалуйста, Сам-Джеймса Брауна». До его появления на сцене певец был певцом, а танцовщик танцовщиком. Певец мог танцевать, а танцовщик мог петь, но если вы не Фред Астер или Джин Келли, у вас, скорее всего, что-то одно получается лучше, а другое хуже, в особенности на концерте. Но он все это изменил. Ни один прожектор не успевал за ним, когда он, скользя, пролетал через всю сцену, — надо было всю ее заливать светом! Я хотел быть таким же.

Мы победили в вечернем конкурсе любителей в «Аполло», и мне хотелось вернуться к тем фотографиям на стенах и поблагодарить моих «учителей». Папа был так счастлив, что готов был лететь в Гэри той же ночью. Он был на вершине блаженства, как и мы. Мы с братьями сразу получили высшие оценки и надеялись, что нам удастся проскочить через «класс». Я был уверен, что нам не долго придется выступать в конкурсах талантов и стриптизных программах.

Летом 1968 года мы познакомились с музыкой, исполняемой семейной группой, — она оказала большое влияние на наше звучание и наши жизни. У них не у всех была одна фамилия, были среди них и белые и черные, и мужчины и женщины, а называлась группа «Слай энд фэмили Стоун». Они выпустили несколько потрясающих хитов, в том числе «Танцуй под музыку», «Встань», «Бурное веселье летом», Братья указывали на меня, когда звучала строчка про карлика большущего роста, но на этот раз я тоже смеялся. Эти песни передавали все радиостанции рока. На всех нас, Джексонов, они оказали огромное влияние, и мы многим им обязаны.

После «Аполло» мы продолжали выступать, одним глазом косясь на карту и одним ухом прислушиваясь к телефону. Мама с папой установили правило говорить по телефону не больше пяти минут, но после нашего возвращения из «Аполло» даже пяти минут было много. Мы не должны были занимать телефон на случай, если с нами захочет связаться кто-нибудь из компании, выпускающей пластинки. Мы вечно боялись, что телефон будет занят, когда они позвонят.

Пока мы ждали, выяснилось, что кто-то, кто видел нас в «Аполло», рекомендовал нас в шоу Дэвида Фроста в Нью-Йорке. Нас покажут по телеку! Это было самое захватывающее предложение из всех, что нам делали. Я рассказал всем в школе, а тем, кто не поверил, даже рассказал дважды. Мы должны были поехать туда через несколько дней. Я считал часы. Я уже видел мысленно всю поездку, пытался представить себе, на что будет похожа студия и каково это — смотреть в камеру.

Я пришел домой с домашним заданием на время поездки, заранее подготовленным моим учителем. Мы провели еще одну генеральную репетицию и затем окончательно отобрали песни. Интересно, какие из этих песен пойдут, думал я.

А днем папа сказал, что поездка в Нью-Йорк отменяется. Мы так и застыли и уставились на него.

Мы были поражены. Я чуть не заплакал. Мы же были на волоске от большого прорыва к успеху. Как они могли так с нами обойтись? Что происходит? Почему мистер Фрост передумал? У меня голова шла кругом, и, казалось, у остальных — тоже.

— Это я отменил, — спокойно объявил папа.

В очередной раз мы уставились на него, не в силах произнести ни слова.

— Позвонили из «Мотауна».

Дрожь пробежала у меня по спине.

Я почти что с идеальной четкостью помню дни перед этой поездкой. Помню, я ждал Рэнди у дверей первого класса. Была очередь Марлона вести его домой, но в тот день мы поменялись ролями.

Учительница Рэнди пожелала мне удачи в Детройте, поскольку он рассказал ей о нашей поездке на прослушивание. Он был в таком восторге, что мне приходилось напоминать себе, что он толком не знает, что такое Детройт. Все семейство только и говорило о «Мотауне», а Рэнди ведь даже не знал, что такое город. Учительница рассказала мне, что он искал «Мотаун» на глобусе. Она считала, что мы должны исполнить «Не знаешь ты, как знаю я» — она видела, как мы ее исполняли в театре «Ригал» в Чикаго, тогда группа учителей ездила посмотреть на наше выступление. Я помог Рэнди надеть пальто и вежливо согласился учесть ее пожелание, хотя знал, что мы не можем петь песню Сэма и Дэйва на прослушивании в «Мотауне», так как они записываются у «Стэкс», на конкурирующей фирме. Папа говорил, что компании относятся к таким вещам серьезно; он предупредил нас, чтоб никакой такой ерунды не получилось, когда мы прибудем туда. Посмотрел на меня и сказал, что хотел бы, чтоб его десятилетний певец спел на все одиннадцать.

Мы вышли из здания средней школы Гэрретта, до дома было рукой подать, но надо было торопиться, Помню, я начал нервничать: одна машина промчалась мимо, потом другая. Рэнди взял меня за руку, и мы бросились к переходу. Помахали регулировщику. Я знал, что Латойе придется завтра отвести Рэнди в школу, поскольку мы с Марлоном будем ночевать в Детройте вместе с остальными.

Последний раз, когда мы играли в Детройте в театре «Фокс»,

мы уехали сразу после выступления и вернулись в Гэри к пяти утра. Я всю дорогу проспал в машине, так что мне не так уж трудно было наутро идти в школу. Но к трем часам дня, когда настало время репетировать, я еле передвигал ноги, будто мне надели на них свинцовые гири.

В ту ночь мы могли бы уехать сразу после нашего выступления, поскольку были третьими в списке, но это означало пропустить основного исполнителя — Джеки Уилсона. Я видел его на других сценах, но в «Фоксе» он выступал на приподнятой сцене, которая приходила в движение, как только он начинал петь. Хотя на другой день я и устал после школы, но, помню, на репетиции все же попробовал некоторые его движения, предварительно потренировавшись перед высоким зеркалом в школьной уборной, а собравшиеся ребята глазели на меня. Папе понравилось, и мы включили некоторые из этих движений в одну из моих программ.

Перед поворотом на Джексон-стрит мы с Рэнди оказались перед огромной лужей. Я посмотрел, нет ли машин, отпустил руку Рэнди и, прыгнув через лужу, приземлился, стараясь не замочить вельветовых брюк. Я оглянулся на Рэнди, зная, что он любит все повторять за мной. Он отошел для разбега, но я понимал, что лужа очень большая, слишком большая для него и ему не перепрыгнуть, не намокнув. Поэтому, во-первых, как старший брат и, во-вторых, как учитель танцев, я поймал его на лету, чтобы он не промок.

На другой стороне улицы ребята покупали сладости, и даже те, кто доставлял мне массу неприятностей в школе, стали спрашивать, когда мы собираемся ехать в «Мотаун». Я ответил и купил конфет — им и Рэнди — на свои деньги. Мне хотелось как-то утешить Рэнди, а то он расстроился из-за моего отъезда.

Подходя к дому, я услышал крик Марлона:

— Да кто-нибудь, закройте же дверь!

Боковая дверь нашего микроавтобуса «Фольксваген» была настежь открыта, и меня пробрала дрожь при мысли о том, как там будет холодно во время долгой дороги в Детройт. Марлон загнал нас домой и уже начал помогать Джеки загружать вещи в авто бус. Джеки и Тито, вопреки обыкновению, заблаговременно вернулись домой, они должны были бы пойти на тренировку по баскетболу, но зимой в Индиане была сплошная слякоть, и нам хотелось пораньше тронуться в путь. В этом году Джеки выступал за баскетбольную команду старшеклассников, и папа любил повторять, что в следующий раз мы поедем играть в Индианаполис, когда Рузвельт будет присутствовать на чемпионате штата. «Пятерка Джексонов» будет выступать в перерывах между

утренними и вечерними играми, а Джеки забросит решающий мяч в корзину и добьется звания чемпиона для своей команды. Папа любил подтрунивать над нами, но с Джексонами ничего заранее нельзя предугадать. Папа хотел, чтобы мы отличались не только в музыке. Я думаю, эта неутомимая энергия и напористость перешли к нему от отца, преподававшего в школе. Я же помню: мои учителя никогда так не напирали на нас, как он, хотя им за строгость и требовательность платили.

Мама вышла на крыльцо и вручила нам термос и сандвичи. Помню, она просила меня не порвать выходную рубашку, которую зашила прошлой ночью и упаковала в чемодан. Мы с Рэнди помогли уложить вещи в автобус, затем вернулись на кухню, где Ребби одним глазом приглядывала за папиным ужином, а другим следила за маленькой Дженет, сидевшей на высоком детском стуле.

Ребби была старшей, и ей приходилось нелегко. Мы знали, что как только закончится прослушивание в «Мотауне», станет ясно, нужно нам переезжать или нет. Если нужно, то Ребби отправится на Юг, вслед за своим женихом. Она всегда брала на себя все заботы по дому, когда мама ходила на занятия в вечернюю школу, — она хотела получить диплом о среднем образовании, которого была лишена из-за болезни. Я просто ушам своим не поверил, когда мама сказала, что намерена получить диплом. Помню, меня беспокоило то, что ей придется ходить в школу с детьми возраста Джеки и Тито и они будут смеяться над ней. Помню, как она расхохоталась, когда я поведал ей об этом, и как терпеливо объясняла, что будет учиться со взрослыми. Занятно было иметь маму, которая готовила домашние задания, как и мы все.

На этот раз загружать автобус было легче обычного. Как правило, с нами ездили Ронни и Джонни, обеспечивавшие музыкальный фон, но в «Мотауне» были свои музыканты, так что мы отправились одни. Джермейн еще копошился в нашей комнате, когда я туда вошел. Я знал, что он хотел избавиться от Ронни и Джонни. Он и сказал мне — поехали в «Мотаун» сами, а папу оставим тут, у Джеки ведь есть водительские права и ключи от машины. Мы рассмеялись, но в глубине души я и подумать не мог о том, чтобы ехать без отца. Даже в тех случаях, когда нашими репетициями после школы руководила мама, поскольку отец не успевал вернуться со смены, он все равно как бы находился с нами, поскольку мама была его глазами и ушами. Она всегда знала, что было хорошо вчера и не получалось сегодня. И папа вечером уделял этому главное внимание. У меня было такое впечатление, что они обмениваются невидимыми

сигналами или чем-то еще: по каким-то невидимым для нас признакам папа всегда знал, играли ли мы как надо.

В «Мотаун» мы отправлялись без долгих прощаний. Мама привыкла к тому, что мы отсутствуем по нескольку дней, а также во время школьных каникул. Латойя немного дулась, поскольку тоже хотела ехать. Она видела нас только в Чикаго, а в таких местах, как Бостон или Финикс мы никогда подолгу не задерживались, так что не могли привезти ей подарков. Наша жизнь, должно быть, представлялась ей вечным праздником — ей-то ведь приходилось оставаться дома и ходить в школу. Ребби в тот момент укладывала Дженет спать, но она крикнула нам «до свидания» и помахала на прощание. Я потрепал напоследок Рэнди по голове, и мы уехали.

Когда мы немного отъехали, папа и Джеки стали изучать карту — в основном по привычке, поскольку мы, само собой, бывали до этого в Детройте. Проезжая через центр, мы миновали возле мэрии студию мистера Кейса. Мы записали у мистера Кейса несколько демонстрационных кассет, которые папа послал в «Мотаун» после нашей пластинки, выпущенной «Стилтауном». Солнце садилось, когда мы выскочили на шоссе. Марлон объявил, что если мы услышим по радиостанции УВОН одну из наших пластинок, это принесет нам удачу. Мы кивнули. Папа спросил, помним ли мы, как расшифровывается УВОН, и пихнул Джеки, чтобы тот помалкивал. Я по-прежнему смотрел в окно, думая об открывающихся перед нами возможностях, но в мои мысли вмешался Джермейн.

— «Уорлд Войс оф зе Нигро», — «Голос негра», — сказал он. И мы стали сыпать сокращениями. «УГН»: «Уорлд грейтест ньюспейпер» — «Лучшая в мире газета» (принадлежала «Чикаго трибюн). «УЛС»; «Уорлд ларджест стор» «Самый большой универмаг» («Сирс»). «ЧФЛ…» Мы остановились, не зная, как это расшифровать.

— «Чикаго федерейшн оф лейбор» — «Чикагская федерация труда», — произнес папа, жестом показывая, чтобы ему передали термос.

Мы свернули на 94-е шоссе, и радиостанция Гэри исчезла, заглушённая Каламазу. Мы начали вертеть настройку в поисках «Битлз», которых передавала канадская радиостанция из Уиндзора, провинция Онтарио.

Дома я был большим любителем игры в «Монополию», и наша поездка в «Мотаун» чем-то походила на эту игру. В «Монополии» ходишь кругами по полю, покупая различные вещи и принимая решения, и наши разъезды были подобием игры в «Монополию», полную возможностей и скрытых опасностей.

После многочисленных остановок в пути мы в конце концов приземлились в театре «Аполло» в Гарлеме, который, безусловно, мог считаться желанным местом стоянки для всех молодых музыкантов вроде нас. Теперь мы двигались вверх по Бродуоку в направлении «Мотауна». Победим ли мы в игре или пролетим мимо клеточки «дополнительный ход» и придется снова карабкаться вверх по длинному полю, отделяющему нас от заветной цели?

Что-то менялось во мне, и я чувствовал это, несмотря на тряску в микроавтобусе. Не один год ездили мы в Чикаго, не зная, удастся ли нам вообще выбраться из Гэри. И нам это удалось. Затем мы затеяли поездку в Нью-Йорк в полной уверенности, что лишимся опоры, если не удастся хорошо выступить там. Даже памятные вечера в Филадельфии и Вашингтоне не вселили в меня достаточно уверенности, и я не переставал терзаться мыслью, что где-нибудь в Нью-Йорке появилась группа, которая играет лучше нас. Но после нашего бешеного успеха в «Аполло» мы, наконец, почувствовали, что на нашем пути нет препятствий, мы ехали теперь в «Мотаун», и никакие сюрпризы нам не грозили. А вот мы, как всегда, преподнесем им сюрприз.

Папа достал из отделения для перчаток отпечатанный на машинке маршрут, и мы свернули с трассы на авеню Вудворт. На улицах было немного народу, поскольку для всех был обыкновенный будничный вечер.

Папа немного волновался по поводу гостиницы, чего я понять не мог, пока не сообразил, что гостиницу нам заказали сотрудники «Мотауна». Мы не привыкли, чтобы что-то делали за нас. Нам нравилось самим заботиться о себе. Папа всегда сам заказывал нам гостиницы, билеты, был нашим менеджером. Если делал это не он, то мама. А потому нет ничего удивительного, что даже «Мотаун» вызывал у отца недоверие, — все-таки надо было ему самому заказать гостиницу и позаботиться об остальном.

Мы остановились в отеле «Готем». Номера были заказаны, и все было в порядке. В нашей комнате был телевизор, но ни одна станция не работала, а учитывая, что в десять нам предстояло прослушивание, мы все равно не могли бы сидеть у телевизора допоздна. Папа сразу уложил нас в постель, запер дверь и ушел. А мы с Джермейном так устали, что даже разговаривать не могли.

На следующее утро мы проснулись вовремя: папа проследил за этим. Но, по правде говоря, мы волновались не меньше, и тотчас выскочили из кровати, как только он нас позвал. Прослушивание было для нас делом непривычным, так как мы не часто играли в местах, где от нас ждали профессионализма. Мы знали, что нам сложно будет понять, хорошо ли у нас получается.

Мы привыкли к реакции публики, будь то на конкурсе или в ночном клубе, но папа сказал, чем дольше мы будем играть, тем больше им захочется нас слушать.

Позавтракав овсяными хлопьями с молоком в кафе, мы забрались в «Фольксваген». Я заметил, что на завтрак в меню стояла овсянка, из чего сделал вывод, что среди постояльцев много южан. Мы тогда еще не бывали на Юге, и нам хотелось когда-нибудь съездить на родину мамы. Хотелось знать наши корни, да и вообще корни черных американцев — в особенности после того, что случилось с Мартином Лютером Кингом. Я хорошо запомнил день его смерти. У всех все перевернулось внутри. В тот вечер мы не репетировали. Я пошел с мамой и другими людьми в храм «Свидетелей Иеговы». Люди плакали, как будто потеряли родного человека. Даже мужчины, как правило, довольно бесчувственные, были не в силах скрыть горе. Я был слишком мал, чтобы понимать весь трагизм ситуации, но теперь, оглядываясь на тот день, я чувствую, что мне хочется плакать — по доктору Кингу, по его семье, по всем нам.

Джермейн первым заметил студию, известную под названием «Хинтсвилл, США». Выглядела она довольно обшарпанной, что не соответствовало нашим представлениям. Мы гадали, кого там увидим, кто будет сегодня записывать пластинку. Папа подготовил нас к тому, что все переговоры будет вести он. Нашей задачей было сыграть, как мы никогда до этого не играли. Это было довольно сложно, потому что мы всегда выкладывались во время выступления, но знали, чего он от нас хотел.

Внутри было много людей, ожидавших своей очереди, но папа сказал что-то, и к нам вышел человек в рубашке с галстуком. Он знал всех по имени, что поразило нас. Он предложил нам раздеться и следовать за ним. Все смотрели на нас, будто мы привидения. Интересно, что это были за люди и с чем они туда пришли. Издалека ли приехали? Ожидали ли там день за Днем, надеясь прорваться без предварительной договоренности?

Когда мы вошли в студию, один и парней из «Мотауна» настраивал камеру. Огромное пространство было забито инструментами и микрофонами. Папа исчез в одной из кабин, чтобы поговорить с кем-то. Я пытался представить себе, что нахожусь в театре «Фокс», на поднимающейся сцене, и что это самое обыкновенное представление. Я решил, озираясь вокруг, что если когда-нибудь построю собственную студию, то микрофон у меня будет, как в «Аполло», выдвигаться из пола. Однажды я чуть не разбился, сбегая по подвальным ступенькам, чтобы посмотреть, куда он исчезает после того, как медленно скрывается под сценой.

Мы завершили наше выступление песней «Кто тебя любит». После того как она прозвучала, никто не зааплодировал и не произнес ни слова. Не вытерпев неизвестности, я воскликнул:

— Ну и как?

Джермейн шикнул на меня. Ребята постарше, подыгрывавшие нам, смеялись. Я покосился на них. Мужчина, провожавший нас, сказал:

— Спасибо, что приехали.

Мы посмотрели на папу, стараясь понять, но он, казалось, не был ни доволен, ни разочарован. Было еще светло, когда мы поехали назад. Мы снова выехали на шоссе 94, ведущее к Гэри, настроение было подавленное: нас ждало домашнее задание к завтрашней школе, и мы не знали, не была ли вся эта затея зряшной.

Глава 2
Земля обетованная.

Как же мы ликовали, узнав, что прошли прослушивание в «Мотауне». Помню, Берри Горди усадил нас всех перед собой и пообещал, что мы вместе войдем в историю.

— Я сделаю вас величайшими в мире, — сказал он. — О вас будут писать в книгах по истории.

Он так и сказал, А мы придвинулись поближе, чтобы лучше его слышать, и говорили: «О'кей, о'кей». Я никогда этого не забуду. Мы обошли весь его дом, слушали, как этот сильный, талантливый человек убеждал нас в том, что мы станем очень известными, — все было похоже на сказку.

— Ваша первая пластинка займет первое место, и ваша вторая пластинка займет первое место, и то же произойдет с вашей третьей пластинкой. Три лучших пластинки подряд. Для вас будут делать специальные аранжировки, как для Дайаны Росс и «Сьюпримз».

Тогда это было просто неслыханно, но он был прав — все так и случилось. Три пластинки подряд.

Дайана была не первой, кто нас откопал, но я думаю, мы никогда не сможем расплатиться с Дайаной за все то, что она тогда для нас сделала. Когда мы окончательно переехали в южную Калифорнию, то фактически жили у Дайаны и провели у нее наездами больше года. Некоторые из нас жили у Берри Горди, остальные у Дайаны, затем мы менялись местами. Она была просто чудо — заменяла нам мать и создавала домашний уют. Она по-настоящему заботилась о нас, по крайней мере полтора года, пока мои родители продавали домик в Гэри и занимались поисками дома, где мы могли бы жить все вместе в Калифорнии. Нам было удивительно удобно, поскольку Берри и Дайана жили на одной улице в Беверли-Хиллз, Мы ходили пешком к дому Берри и возвращались назад к Дайане. Большую часть времени днем я бывал у Дайаны, а ночевал у Берри. Это был очень важный период в моей жизни: Дайана любила искусство и всячески развивала во мне умение ценить его. Она немало времени уделяла моему образованию. Почти каждый день мы ездили куда-нибудь вместе, покупали карандаши и краски. Когда мы не рисовали карандашами и не писали картин, мы ходили по музеям. Она познакомила меня с работами великих мастеров, таких, как Микеланджело и др., с этого и начался мой интерес к искусству. Она по-настоящему многому научила меня. Это было

так ново и интересно. И совсем непохоже на то, чем я привык заниматься, а именно: жить и дышать музыкой, репетируя изо дня в день. Трудно представить себе, чтобы такая великая звезда, как Дайана, тратила столько времени на мальчика — учила его рисовать, знакомила с искусством, но она этим занималась, и я ее за это полюбил. И люблю до сих пор. Безумно люблю. Она была мне матерью, возлюбленной, сестрой, и все в одном потрясающем человеке.

То были поистине шальные дни для нас с братьями. Прилетев из Чикаго в Калифорнию, мы будто очутились в другой стране, другом мире. А переехав из нашей части Индианы, столь урбанизированной и зачастую серой, в южную Калифорнию, мы словно попали в мир дивной сказки. Я тогда не знал удержу, побывал всюду — Диснейленд, Сансет-Стрип, пляж. Братьям тоже все нравилось, и мы старались всего попробовать, точно дети, впервые попавшие в кондитерский магазин. Калифорния поразила нас: деревья стояли зеленые, все в апельсинах даже зимой. Там были пальмы и изумительные закаты, и очень теплая погода. Каждый день был особенным. Я чем-то увлекался, и мне хотелось заниматься этим без конца, но затем я понимал, что впереди меня ждет что-то не менее привлекательное и это что-то понравится мне ничуть не меньше. То были пьянящие дни.

Самым замечательным было то, что мы встречали в Калифорнии всех «мотаунских» звезд, которые перебрались туда вместе с Берри Горди, когда он уехал из Детройта. Помню, как я впервые пожал руку Смоуки Робинсону. Ощущение было такое, будто пожимаешь руку королю. У меня даже в глазах потемнело — помню, я сказал маме, что мне казалось, будто его рука обложена мягкими подушечками. Когда ты сам звезда, ты не понимаешь о том, какое впечатление производишь на людей, а поклонники подмечают все. По крайней мере я подмечал. Я тогда ходил и все повторял: у него рука такая мягкая.

Сейчас мне это кажется глупостью, но тогда произвело на меня огромное впечатление. Я пожал руку самому Смоуки Робинсону. Я вообще преклоняюсь перед многими художниками, музыкантами и писателями. В детстве я видел настоящих мастеров эстрады — Джеймса Брауна, Сэмми Дэвиса-младшего, Фреда Астера, Джина Келли. Искусство большого эстрадного артиста доходит до каждого — это мерило величия артиста, и каждый из них обладал этим даром. Неважно, кто ты, — это доходит до тебя, как работа Микеланджело. Я всегда волнуюсь, встречаясь с человеком, чья работа повлияла на меня каким-то образом. Я могу прочесть книгу, которая глубоко меня затронет или наведет на мысль, ранее не приходившую мне в голову.

Какая-нибудь песня или стиль исполнения могут взволновать или тронуть меня и стать настолько любимыми, что я готов их слушать бесконечно. Рисунок или картина могут открыть вселенную. Точно так же выступление какого-то актера или группы способно преобразить меня.

«Мотаун» до нас не записывал детских групп. По сути дела, они вывели в свет единственного певца-малютку — вундеркинда Стиви. В «Мотауне» были убеждены, что если и будут работать с детьми, то только с теми, кто умеет не только петь и танцевать. Им хотелось, чтобы людям нравились мы сами, а не только наши пластинки. Хотелось, чтобы мы подавали пример в учебе и дружелюбно относились к поклонникам, журналистам и всем, с кем придется сталкиваться. Нам это было нетрудно, поскольку мама вырастила нас вежливыми и привила уважение к людям, Это было у нас в крови. Единственной нашей проблемой в школе было то, что, как только мы стали известны, мы не могли туда ходить, так как люди заглядывали в окна наших классов, пытаясь получить автограф или фотографию. Я все же пытался ходить в школу и не срывать занятия, но в конце концов это стало невозможно, и учителя стали приходить к нам на дом.

В тот период огромное влияние на наши судьбы оказала женщина по имени Сюзанн де Пасс. Она работала в «Мотауне», именно она занялась нашим религиозным образованием, после того, как мы переехали в Лос-Анджелес. Она также стала менеджером «Пятерки Джексонов». Иногда мы жили у нее, ели, спали, даже вместе играли. Мы были шумной, резвой ватагой, а она — молодая и веселая. Она действительно много времени посвятила становлению «Пятерки Джексонов», и мне никогда не удастся полностью ее отблагодарить за все, что она сделала. Помню, Сюзанн показала нам наброски всех нас пятерых, сделанные углем. В каждом наброске мы были с разными прическами. А в серии цветных рисунков все мы были в разной одежде, которую можно было менять, как в детской игре «Колорформз». После того как мы выбрали себе прически, нас от вели к парикмахеру, чтобы он подстриг нас в соответствии с рисунками. Затем, после того как нам показали разные костюмы, мы отправились в костюмерную на примерку. Нас учили хорошим манерам и грамматике. Затем дали список вопросов и пояснили, что скорее всего нам будут задавать именно такие вопросы. Нас всегда спрашивали про наш родной городок, чем мы любим заниматься и как нам нравится вместе петь. Поклонники и журналисты хотели знать, сколько бы каждому из нас лет, когда мы начали выступать. Сотрудники «Мотауна» учили нас отвечать на вопросы, которые пока никто не задавал. Проверяли наше

знание грамматики и того, как себя вести за столом. Когда с этим было покончено, нам в последний раз подогнали рукава на костюмах и подровняли наши новые «африканские» прически. После всего этого мы должны были выучить новую песню «Хочу, чтоб ты вернулась». У этой песни была предыстория, которую мы постепенно узнали. Она была написана неким человеком из Чикаго по имени Фредди Перрен. Он работал пиастром у Джерри Батлера, когда мы выступали у Джерри в чикагском ночном клубе. Перрену было жаль мальчишек, которых нанял по дешевке владелец клуба, так как «настоящие» певцы были ему не по карману. Когда же он увидел нас на сцене, мнение его резко изменилось. Как выяснилось, песня «Я хочу, чтоб ты вернулась» изначально называлась «Я хочу быть свободным» и была написана для Глэдис Найт. Вместо этого он сообщил Джерри, что только что подписал контракт с группой ребят из Гэри, штат Индиана. Фредди быстро смекнул, что речь идет нас, и решил рискнуть.

Когда мы разучивали еще в Гэри песенки фирмы «Стилтаун, Тито и Джермейну приходилось быть особенно внимательным, потому что они должны были играть во время записи, слушая демонстрационную кассету.

Мы отправились на квартиру к Ричардсу прорепетировать, и он был поражен тем, как хорошо мы подготовились. Ему не пришлось особенно возиться с вокальными аранжировками, которые он придумал, и он решил, что пока мы еще не остыли, надо ехать на студию и записываться. На следующий день мы отправились на студию. Мы были так довольны тем, как у нас получилось, что повезли Берри Горди черновую запись. Когда мы приехали к нему в студию, до вечера было еще далеко. Мы считали, что Берри послушает разок и мы отправимся домой ужинать.

Но был уже час ночи, когда я, наконец, рухнул на заднее сидение машины Ричардса, всю дорогу до дома стараясь прогнать сон. Песня, записанная нами, Горди не понравилась, Мы записали заново каждый отрывок, а затем Горди стал думать, какое изменение внести в аранжировку. Он пробовал с нами новые приемы, как делает школьный хормейстер, заставляя каждого петь так, словно он поет один, хотя в общей массе никого в отдельности отчетливо не слышно. Прорепетировав с группой и переделав музыку, он отвел меня в сторону и объяснил мою партию. Он сказал, чего от меня хочет и как я должен помочь ему добиться желаемого эффекта. Затем он все объяснил Фредди Перрену, которому предстояло вести запись, Берри был непревзойденным мастером в своем деле. Как только сингл был выпущен, мы приступили к записи альбома. Особенно

запомнилась нам запись «Я хочу, чтоб ты вернулась», поскольку на одну эту песню ушло больше времени и пленки, чем на все остальные вместе взятые. Вот как работал «Мотаун» в те дни, поскольку Берри настаивал на безупречном исполнении и внимании к деталям. Я никогда не забуду его упорства, В этом был его гений, тогда да и потом — я следил за каждым мгновением записи, ели на ней был Берри, и никогда не забуду, чему научился. Я верен этим принципам до сих пор, Берри был моим учителем, великим учителем. Он умел выделить те крохотные детали, благодаря которым песня становится не просто хорошей, а просто потрясающей.

Для нас с братьями запись в «Мотауне» была увлекательным приключением. Команда авторов шлифовала музыку наших песен по ходу записи, переделывая и лепя песню, доводя ее до совершенства. Мы неделями снова и снова переписывали дорожку, пока не добивались того, чего они хотели. И я сам видел, что получалось все лучше и лучше. Они меняли слова, аранжировки, ритмы, все. Берри позволял им так работать, поскольку сам стремился к совершенству. Думаю, если бы они не занимались этим, то пришлось бы ему. Берри умел это делать. Он мог пойти в комнату, где мы работали, и сказать, как надо сделать и оказывался прав. Просто поразительно.

После того как «Я хочу, чтоб ты вернулась» была выпущена в ноябре 1969 года, за шесть недель было продано два миллиона экземпляров пластинки, и она вышла на первое место. Следующий сингл «Эй-Би-Си» вышел в марте 1970 года, и за недели было продано два миллиона экземпляров. Мне до сих пор нравится это место, где я говорю: «Садись, девчонка! я люблю тебя! Нет, встань, девчонка, покажи-ка, что ты можешь». Когда наш третий сингл «Любовь, что ты спасаешь» в июне 1970 года занял первое место, предсказание Берри сбылось.

Наш следующий сингл «Я буду там» тоже имел большой успех осенью того же года — мы поняли, что можем даже превзойти ожидания Берри и отблагодарить его за его усилия.

Мы с братьями — да и вся наша семья — очень собой гордились. Мы создали новое звучание для следующего десятилетия. Впервые в истории звукозаписи группа подростков выпустила столько хитовых пластинок. У «Пятерки Джексонов» никогда не было конкуренции со стороны ребят нашего возраста. Во времена наших любительских выступлений нам встречалась группа подростков «Пять ступенек лестницы». Они хорошо работали но, казалось, у них не было семейного единства, какое было у нас, и, к сожалению, группа распалась, После того как «Эй-Би Си» попала в списки хитов, начали появляться другие группы,

которых записывающие компании гримировали под наш стиль в музыке. Мне все эти группы нравились: «Партридж фэмили» («Семейство Партридж»), «Осмондс», «Дефранко фэмили» («Семейство Дефранко»). Группа «Осмондс» уже стала известной, но они играли музыку совершенно другого стиля — мелодичное пение с хором. Как только мы попали в хиты, остальные группы, довольно быстро перешли на негритянские песни. Мы не имели ничего против. Конкуренция, как мы уже знали, шла на пользу. Наши родные связывали представление о нас с песней «Одно плохое яблоко». Помню, я был такой маленький, что к микрофону приходилось подставлять ящик с моим именем, чтобы я мог дотянуться. Так низко микрофоны не опускались, Сколько детских лет провел я таким образом, стоя на том ящике из-под яблок, и пел, вкладывая в песню всю душу, в то время как ребята моего возраста играли на улице. Как я уже говорил, в те первые дни «Корпорация» в «Мотауне» выпускала и доводила до уровня всю нашу музыку, Помню, много раз я чувствовал, что песню надо исполнять в одном ключе, а продюсеры думали иначе. Но довольно долго я был послушен и ничего по этому поводу не говорил. Наконец настал момент, когда мне надоело слушать чужие указания. Это было в 1972 году, когда мне было четырнадцать лет и мы записывали песню «Заглядывая в окна». Продюсеры хотели, чтобы я пел определенным образом, а я понимал, что они не правы. Неважно, сколько тебе лет, но если ты обладаешь даром и в чем-то понимаешь толк, к тебе должны прислушиваться. Я разозлился на наших продюсеров и очень расстроился. Поэтому я позвонил Берри Горди и пожаловался ему. Я сказал, что мне всегда указывали, как петь и я все время соглашался, но на этот раз они требуют… чтобы я был, как автомат.

Горди приехал в студию и сказал, чтобы мне позволили спеть, как я хочу. Думаю, он посоветовал им дать мне больше свободы или что-нибудь в этом роде. После этого я начал добавлять всякие вокальные штучки, которые в конце концов понравились им. Я выдавал отсебятину — переставлял слова, подбавлял остроты.

Когда с нами в студии был Берри, он всегда давал верные советы. Он ходил из студии в студию, проверял, как идет работа, часто добавляя отдельные детали, улучшавшие пластинки. Уолт Дисней поступал так же: он наблюдал за своими художниками и говорил: «Вот этот персонаж надо сделать понахальнее». Я всегда знал, когда Берри нравится то, что я делаю: у него была привычка закладывать язык за щеку, когда он был чем-то доволен. Если что-то действительно удавалось, он, как боксер, кем он в прошлом и

был, наносил удар по воздуху.

Моими любимыми песнями тех дней остались «Я не умею прощаться», «Я буду там» и «Эй-Би-Си». Никогда не забуду, как я впервые услышал «Эй-Би-Си». Эта песня показалась мне такой прекрасной. Помню, мне ужасно хотелось спеть эту песню, попасть в студию и по-настоящему поработать. Мы по-прежнему репетировали каждый день и работали много. Некоторые вещи никогда не меняются — но мы были довольны нашим положением. Столько людей хотели нас заполучить, и мы были исполнены такой решимости преуспеть, что, казалось, могли всего достичь.

После выпуска пластинки «Я хочу, чтоб ты вернулась», все в «Мотауне» считали, что нас ждет успех. Дайане это понравилось, и она представила нас в известной голливудской дискотеке, где мы играли в приятной уютной обстановке — прямо как у Берри. Сразу вслед за выступлением, устроенным Дайаной, пришло приглашение выступить в телевизионной программе «Мисс черная Америка». Участие в шоу давало возможность прорекламировать нашу пластинку и концертную программу. Получив это приглашение, мы с братьями вспомнили, как были огорчены, когда у нас сорвалась поездка в Нью-Йорк на наше первое телешоу, потому что нам позвонили из «Мотауна».

Теперь мы собирались выступать в нашем первом телешоу, и жизнь была прекрасна.

Кроме того, Дайана собиралась вести «Голливудский дворец», большое субботнее ночное шоу. Предстояло ее последнее выступление с «Сьюпримз» и наше первое серьезное появление перед зрителями. Это было очень важно для «Мотауна», поскольку они уже решили, что наш новый альбом будет называться «Дайана Росс представляет «Пятерку Джексонов». Никогда до этого суперзвезда масштаба Дайаны не освещала путь группе подростков. «Мотаун», Дайана и пятеро мальчишек из Гэри, штат Индиана, — все были взволнованы. К тому времени уже вышла песня «Я хочу, чтоб ты вернулась», и Берри в очередной раз убедился в своей правоте: все радиостанции, передававшие «Слай» и «Битлз», давали и нас.

Как я уже говорил, мы работали с куда меньшим усердием над альбомом, чем над синглом, но мы с удовольствием брались за самые разные песенки — от «Кто тебя любит», старой песенки, которую исполняли «Мираклз» и которую мы пели еще на конкурсах талантов, и до «Зип-Эй-Ди-Ду-Да».

Этот альбом мы составили из песен, предназначавшихся для широкой публики — и детей, и подростков, и взрослых, — и мы все считали, что этим и объяснялся его большой успех. Мы знали,

что в программе «Голливудский дворец» мы будем выступать перед живой аудиторией, изощренной голливудской публикой, и волновались; но мы завладели слушателями с первых же нот. В оркестровой яме сидел оркестр, так что я впервые услышал «Я хочу, чтоб ты вернулась» не на фонограмме. После этого шоу мы почувствовали себя королями — совсем как после победы на общегородском концерте в Гэри.

Теперь, когда нам уже не нужны были чужие хиты, чтобы завоевать публику, стало очень трудно подбирать репертуар. Ребята из «Корпорации» и Хэл Дэвис засели писать специально для нас песни, а затем занимались их выпуском. Берри не хотелось снова выпускать нас из рук. Поэтому, хотя наши синглы и заняли первые места в списках, мы продолжали без передыху работать над следующими.

«Я хочу, чтоб ты вернулась» мог петь и взрослый, но «Эй-Би-Си» и «Любовь, что ты хранишь» были написаны для молодых голосов с партиями для Джермейна и для меня — еще одно заимствование у группы «Слай». «Корпорация» создала эти песни также с учетом сопровождающих танцев — того, что выделывали наши фанаты на вечеринках и мы сами на сцене. Текст же был такой, что язык сломаешь, поэтому он был поделен между мной и Джермейном.

Ни один из тех дисков не мог обойтись без «Я хочу, чтоб ты вернулась». Мы добавляли и перекраивали аранжировки, отталкиваясь от этой песни, как от материнского лона, но публике, похоже, нравилось все, что бы мы ни делали. Позже мы записали еще два диска в том же духе: «Мамин жемчуг» и «Сладкий папочка», напоминавших мне мои школьные дни: «Я даю тебе конфеты, а всю любовь получает он!»

Мы ввели в исполнение одно новшество: пели с Джермейном дуэтом, что всегда вызывало восторг публики, когда мы подходили к одному микрофону.

Профессионалы говорили нам, что ни у одной группы не было лучшего старта. Никогда.

Песня «Я буду там» завершила прорыв на большую сцену: в ней говорилось: «Мы пришли, чтобы остаться». Она занимала первое место в течение пяти недель, что случается очень редко. Это большой срок для песни, к тому же она была моей самой любимой. Как же мне нравились эти слова:

«Мы должны договориться, и пусть спасенье воцарится…»

Казалось, Уилли Хатч и Берри Горди не могли такое написать. Они всегда дурачились с нами вне студии. Но эта песня захватила меня, как только я услышал демонстрационную кассету. Я даже не знал, что такое клавесин, пока не раздались

первые ноты этой пластинки. Песня была выпущена благодаря стараниям Хэла Дэвиса, а также Сузи Икеды, моей второй половины, которая из песни в песню стояла рядом со мной, проверяя, вкладываю ли я нужные эмоции и чувства в исполнение. Это была серьезная песня, но мы подбавили задора в моей партии: «Ну-ка, оглянись, милашка». Без «милашки» получалось совсем как в знаменитой песне группы «Фор Топс» («Четыре вершины») «Протяни руку, и я тут». Так что мы все больше и больше чувствовали себя частью истории «Мотауна», как, впрочем, и ее будущего.

Первоначально я должен был делать «оживляж», а Джермейн петь текст. И хотя голос у семнадцатилетнего Джермейна был более сформировавшийся, я больше любил петь баллады — правда, тогда это еще было моим стилем. В четвертый раз наша пластинка, где мы выступали как группа, заняла первое место, и многим не меньше хитов нравилась песня Джермейна «Я нашел эту девушку», которая была записана на оборотной стороне пластинки «Любовь, что ты хранишь».

Мы создали из этих песен одно большое нечто, где было достаточно места для танцев, и исполняли это попурри в различных телешоу. Например, мы выступали в «Шоу Эдда Салливэна» трижды в разное время. В ту пору в «Мотауне» нам всегда подсказывали, что надо говорить в интервью, а мистер Салливэн раскрепостил нас, и мы почувствовали себя свободно. Оглядываясь назад, я не могу сказать, что «Мотаун» надевал на нас смирительную рубашку или превращал в роботов. И все же лично я так бы не поступал. Если бы у меня были дети, я не указывал бы им, что говорить. Но в «Мотауне» нами занимались так, как ни с кем и никогда прежде, а потому кто может знать, правильно это было или нет?

Журналисты задавали нам всевозможные вопросы, а сотрудники «Мотауна» стояли рядом, чтобы выручить нас в трудный момент или отвести вопрос. Нам и в голову не приходило сделать что-то такое, что поставило бы их в неловкое положение. Я думаю, они опасались, что мы можем прозвучать слишком воинственно, что частенько случалось в те годы. Возможно, они опасались, что с этими африканскими прическами мы станем чем-то вроде маленьких Франкенштейнов. Как-то раз репортер задал нам вопрос о движении «Власть черных», и сотрудник «Мотауна» ответил ему, что об этом мы не думаем, потому что мы «коммерческий товар». Прозвучало это странно, но мы перемигнулись и простились с репортерами приветствием, принятым у «Власти черных», что, казалось, заставило того парня сильно поволноваться.

Мы даже вновь соединились с Доном Карнелиусом в его программе «Поезд души». Вовремя наших чикагских поездок он был местным диск-жокеем, так что мы знали друг друга еще с тех пор. Нам нравилось его шоу, и мы перенимали кое-что у танцоров из нашего региона.

Безумие больших турне «Пятерки Джексонов» началось, как только наши пластинки добились успеха. Первым было турне по большим концертным площадкам осенью 1970 года; мы играли в таких залах, как «Мэдисон-Сквер-Гарден» и лос-анджелесский «Форум». После того как песня «Никогда не могу проститься» стала хитом в 1971 году, мы выступили в сорока пяти городах в то лето и потом, до конца года, еще в пятидесяти.

Это время запомнилось мне особенной близостью с братьями. Мы всегда были очень дружной и преданной друг другу группой. Много куролесили, дурачились и подтрунивали друг над другом и над теми, кто с нами работал. Но мы никогда не заходили слишком далеко — не выбрасывали телевизоров из окон отеля, а вот водой окатывали. В основном мы пытались побороть скуку, появившуюся от постоянных переездов. Когда тебе все осточертевает во время турне, ты пытаешься чем угодно себя взбодрить, Мы сидели взаперти в своих гостиничных номерах, не в состоянии выйти на улицу из-за толп вопящих девчонок, а повеселиться хотелось. Жаль, что мы ничего тогда не засняли — в особенности, некоторые наши сумасбродные проделки. Мы дожидались, пока отвечавший за нашу безопасность Билл Брэй не заснет. И тогда устраивали безумные марафонские гонки по коридорам, подушечные бои, командные матчи по борьбе, «стреляли» из тюбиков с кремом для бритья, ну и так далее. Просто с ума сходили. Швыряли вниз с гостиничных балконов воздушные шары и бумажные пакеты, наполненные водой, и наблюдали, как они лопались. А затем хохотали до упаду. Мы швыряли друг в друга чем попало и целыми часами висели на телефоне, звоня куда-нибудь наугад или заказывая безумное количество еды в чужие номера. Каждого, кто входил в одну из наших спален, почти наверняка окатывало водой из привязанного над дверью ведра.

Приезжая в новый город, мы старались посмотреть в нем все что можно. Мы путешествовали с замечательной наставницей Роз Файн, которая многому нас научила и проверяла, как мы делаем уроки. Это Роз привила мне любовь к книгам и литературе, поддерживающую меня и по сей день. Я читаю все, что попадается на глаза. Новые города означали новые магазины. Нам нравилось делать покупки, особенно в книжных и универсальных магазинах, но по мере того как росла наша слава, поклонники превратили

обычные походы за покупками в рукопашные схватки. В те дни я больше всего боялся оказаться в толпе истеричек-девчонок. Это на самом деле было тяжко. Решим мы, к примеру, забежать в какой-нибудь универсальный магазин, взглянуть, что у них есть, а поклонники узнают, где мы, и разнесут его на куски, просто разгромят. Перевернут прилавки, разобьют стекла, опрокинут кассы. А мы-то всего-навсего хотели присмотреть себе что-нибудь из одежды! Когда началось такое поклонение толпы, все это безумие, обожествление и дурная слава стали нам просто невыносимы. Если вы не наблюдали ничего подобного, то и представить себе не можете, что это такое. Девочки были настроены решительно. Они и сейчас так настроены. До их сознания не доходит, что они могут причинять боль, выражая любовь. Намерения у них самые добрые, но я могу засвидетельствовать, что толпа может сделать больно. Ощущение такое, будто тебя сейчас разорвут на куски или задушат. Тысячи рук тянутся к тебе. Одна девчонка выворачивает тебе кисть, в то время как другая стаскивает часы. Тебя хватают за волосы и больно дергают — боль такая, как от ожога. Ты натыкаешься на какие-то вещи, тебя ужасно царапают. У меня до сих пор остались шрамы, и я помню, какой из них в каком городе получил. Довольно скоро я научился продираться сквозь толпу разбушевавшихся девчонок, осаждающих театры, гостиницы и аэропорты. Важно только помнить, что надо прикрыть глаза руками, поскольку девчонки, разбушевавшись, забывают о своих острых ногтях. Я знаю, что у поклонниц самые добрые намерения, признателен им за преданность и восхищение, но толпа — это страшно.

Самую безумную толпу я наблюдал во время нашей первой поездки в Англию. Мы еще были в воздухе над Атлантикой, когда пилот объявил, что в аэропорту Хитроу нас ожидает десять тысяч человек. Мы не поверили. На нас это произвело впечатление, но если бы мы могли тотчас развернуться и возвратиться домой, мы бы так и поступили. Мы понимали, что это будет безумие, но, так как горючего на обратный путь не было, пришлось лететь. Приземлившись, мы обнаружили, что поклонники фактически оккупировали аэропорт. Это было что-то дикое. Мы с братьями считали себя счастливцами, что сумели выбраться в тот день из аэропорта живыми.

Мы с братьями ни на что не променялись бы воспоминаниями о тех днях. Часто мне хочется вернуть все назад. Мы были вроде семи гномов — все разные, у каждого свой характер. Джеки был атлетом и забиякой, Тито был сильным, по-отцовски заботливым парнем. Он увлекался автомобилями, обожал собирать и

разбирать их. С Джермейном мы росли вместе. Он был веселый и общительный и постоянно дурачился. Именно Джермейн устанавливал ведра с холодной водой на дверях наших гостиничных номеров. Марлон всегда был и так и остался самым целеустремленным из всех, кого я встречал. Он тоже был настоящим шутником и проказником. Ему всегда доставалось в детстве, потому что он то сбивался с ритма, то ошибался нотой, но потом все стало по-другому. Разница в характере моих братьев и наша близость помогали мне выдерживать изнурительные дни постоянных разъездов, все друг другу помогали. Джеки и Тито удерживали наши проказы в рамках приличия. Казалось порой, они уже с нами сладили, как вдруг раздавался крик Джермейна и Марлона: «Давайте беситься!!»

Мне действительно этого не хватает. В те времена мы по-настоящему были вместе. Мы ходили в парки отдыха, ездили на лошадях или смотрели фильмы. Все делали вместе, Как только кто-то говорил: «Я пошел плавать», все подхватывали: «И я тоже!»

Разрыв с братьями произошел значительно позже, когда они начали жениться. Понятные изменения произошли с каждым из них, им стали ближе жены, и у них появились собственные семьи. В душе мне хотелось, чтобы мы оставались прежними — братьями-друзьями, но перемены неизбежны и всегда так или иначе идут на пользу. Нам по-прежнему нравится бывать вместе. Мы по-прежнему великолепно проводим вместе время. Но разные дорожки, по которым движутся наши жизни, не позволяют нам общаться друг с другом, как в прежние времена.

В те дни во время турне с «Пятеркой Джексонов» я всегда делил комнату с Джермейном. Мы очень дружили как на сцене, так и вне ее, и у нас было много общих интересов. Поскольку Джермейна изо всех братьев больше всего интересовали девочки, охотившиеся за ним, мы с ним не раз попадали во всевозможные истории.

Мне кажется, отец достаточно рано решил следить за нами более пристально, чем за остальными братьями. Он, как правило, селился в соседней с нами комнате, так что мог через смежные двери в любое время прийти с проверкой. Я терпеть этого не мог — не только потому, что он имел возможность наблюдать за нашими проделками, но и потому, как он подшучивал над нами. Мы с Джермейном могли крепко спать, устав после представления, а отец приводил в комнату кучу девчонок; мы просыпались, а они стояли, смотрели на нас и хихикали.

Поскольку вся моя жизнь была связана с шоу-бизнесом и карьерой, мне приходилось в юности все время вести упорную борьбу, но не со студиями звукозаписи и не в связи с

выступлениями на сцене. В те времена наиболее серьезные схватки происходили перед зеркалом. Дело в том, что мой успех в значительной степени зависел от того, каким я предстану перед публикой.

А внешность моя начала серьезно меняться, когда мне было коло четырнадцати. Я вытянулся. Люди, не знавшие меня, ожидали увидеть, зайдя в комнату, хорошенького маленького Майкла Джексона и проходили мимо меня, как мимо пустого места. — Майкл это я, — говорил я, а они явно не верили. Майкл в их представлении был хорошенький малыш: я же был длинный и тощий, под пять футов и десять дюймов. Такого никто не ожидал. Взросление само по себе штука нелегкая, а представьте себе, каково это, когда собственное беспокойство по поводу происходящих в тебе перемен усиливается отрицательной реакцией со стороны. Казалось, людей удивляло, что я могу меняться, что с телом моим происходят те же естественные изменения, что и у других.

Было трудно, Долгое время все называли меня красавчиком, а у меня вместе с прочими изменениями вся кожа пошла прыщами. Однажды утром я взглянул в зеркало и чуть не вскрикнул: «Ох, нет!» Казалось, все мои сальные железы оканчивались прыщом. И чем больше это меня волновало, тем хуже становилось мое состояние. Я этого тогда не понимал, но моя диета обезжиренной пищи тоже не способствовала улучшению моего состояния.

Эта история с кожей повлияла на мою психику. Я стал очень застенчивым и стеснялся встречаться с людьми из-за своего ужасного состояния. Мне, право же, стало казаться, что чем больше я смотрюсь в зеркало, тем больше становится прыщей. Моя внешность стала угнетать меня, Так что теперь я знаю, что прыщи могут нанести человеку непоправимый урон. На меня это так сильно подействовало, что испортило мой характер. Разговаривая с людьми, я не мог на них смотреть. Смотрел вниз или в сторону. Считал, что мне нечем гордиться и даже не хотел появляться на улице. Я просто ничего не делал.

Мой брат Марлон был весь в прыщах, и ему было наплевать, мне же никого не хотелось видеть и не хотелось, чтобы кто-то видел меня таким. Иногда задумываешься, почему мы такие, почему два брата могут быть такие разные. Я по-прежнему мог гордиться нашими хитовыми пластинками и, выйдя на сцену, забывал обо всем. Все волнения уходили. Но стоило сойти со сцены, как передо мной снова было зеркало.

Со временем все изменилось, Я стал иначе относиться к своему состоянию. Я научился влиять на свой образ мыслей и стал думать лучше о себе. А главное — сменил диету. В этом был

весь фокус.

Осенью 1971 года я записал свою первую сольную пластинку «Я должен там быть». Работать над ней было очень приятно, эта песня стала одной из моих любимых. То, что я должен записать собственную пластинку, пришло в голову Берри Горди. Берри сказал также, что мне стоит записать собственный альбом. Спустя годы, последовав его совету, я понял, что он был прав.

В тот период моей жизни произошел один незначительный конфликт, типичный для борьбы, которую мне как молодому певцу приходилось вести. Когда ты молод и у тебя появляются какие-то идеи, люди часто считают это детскими глупостями. Мы ездили с концертами в 1972 году, когда песня «Я должен там быть» вышла в хиты. Однажды я сказал менеджеру поездки:

— Перед тем, как спеть эту песню, разрешите мне уйти со сцены и взять ту шляпку, в которой я снят на обложке альбома. Публика, как увидит меня в этой шляпке, с ума сойдет.

Ему это показалось невероятно взбалмошной идеей. Мне не разрешили так поступить, потому что я был совсем еще юнцом и всем эта идея показалась глупой. Вскоре после этого случая Донни Осмонд стал в похожей шляпе выступать по всей стране, и это очень нравилось публике. Я похвалил свое чутье: я ведь так и думал, что сработает. Я видел, как Марвин Гэй пел в такой шляпе «А ну, поехали» и публика с ума сводила. Стоило Марвину надеть шляпу, как они уже знали, что будет. Это создавало оживление в зале, и публика как бы чувствовала себя участником представления.

Я уже был преданным поклонником кино и мультфильмов, когда в 1971 г. в субботу по утрам по телевидению стали передавать мультяшки «Пятерка Джексонов». Дайана Росс научила меня рисовать, что еще усилило мою любовь к мультяшкам, но когда я сам стал мультипликационным героем, моя любовь к фильмам и мультипликациям, чьим пионером был Уолт Дисней, стала уже беспредельной. Я преклоняюсь перед мистером Диснеем и тем, чего он сумел достичь с помощью многих одаренных художников, Меня потрясает каждый раз, как подумаю о том, сколько радости он и его компания принесли миллионам детей и взрослых во всем мире.

Мне безумно нравилось быть мультяшкой. Было очень весело, проснувшись в субботу утром, смотреть мультяшки и ждать своего появления на экране. Перед нами будто оживала сказка.

В кино я впервые появился в 1972 г., спев заглавную песню в фильме «Бен». «Бен» много для меня значил. Какое-то особое волнение охватывало меня, когда я в студии озвучивал свою роль. Это было здорово. Потом, когда вышел фильм, я ходил в кино и

сидел до конца, до появления титров, в которых было сказано: «Бен в исполнении Майкла Джексона». На меня это производило сильное впечатление. Мне нравилась эта песня и нравился сюжет. Вообще-то сюжет во многом напоминал фильм «И. Ти». Речь шла о мальчике, подружившемся с крысой. Люди не понимали любви мальчика к этому животному. Крыса умирала от неведомой болезни, и единственным ее другом был Бен, вождь крыс в городе, где они жили. Многие считали фильм несколько странным, но я был другого мнения. Песня из него заняла первое место и до сих пор остается моей любимой. Я всю жизнь любил животных, и мне нравилось о них читать и смотреть фильмы с их участием.

Глава 3
Танцующая машина

В средствах массовой информации обо мне постоянно печатают странные вещи. Искажение правды задевает меня. Как правило, я не читаю то, что пишут, но частенько слышу об этом.

Не понимаю, почему считают нужным выдумывать обо мне всякую ерунду, Наверное, если нет ничего скандального, нужно создать что-то интересненькое. Я даже немного горжусь тем, что, учитывая все обстоятельства, неплохо сумел справиться со всеми проблемами. Много детей, занятых в зрелищном бизнесе, пристрастились к наркотикам, губя себя: Фрэнки Лимон, Бобби Дрисколл, почти все дети-«звезды». Я могу понять их пристрастие к наркотикам — ведь им с малых лет приходилось выдерживать огромное нервное напряжение. Это тяжелая жизнь, Немногим удается сохранять видимость нормального детства.

Я лично никогда не пробовал наркотиков — ни марихуаны, ни кокаина, ничего. Даже и не нюхал. Забудем об этом. Я вовсе не хочу сказать, что мы не подвергались соблазну. Мы ведь играли в такое время, когда употребление наркотиков было обычным делом. Я не хочу выступать судьей — для меня это даже не моральная проблема, — но я видел столько судеб, разрушенных наркотиками, что не мог воспринимать их как игрушку. Я, конечно, не ангел, и у меня, видимо, есть свои плохие привычки, но наркотики не в их числе. Когда вышел «Бен», мы уже понимали, что нам предстоит кругосветное путешествие. Американская «соул мьюзик» приобрела такую же популярность во всех странах, как джинсы и гамбургеры. Нам предложили стать частью большого мира, и в 1972 году мы начали наше первое заокеанское турне с поездки в Англию. И хотя раньше мы там не бывали и не появлялись на британском телевидении, люди знали слова всех наших песен. У них даже были широкие шарфы с нашими фотографиями и надписью большими буквами «Пятерка Джексонов». Площадки там были меньше, чем в Соединенных Штатах, но благодарность публики после каждой песни обнадеживала. Они не орали во время исполнения, как публика у нас дома, поэтому можно было оценить, как хорошо Тито владел гитарой — они ее слышали.

Мы взяли с собой Рэнди, чтобы он поднабрался опыта и собственными глазами увидел, что происходит. Официально он не входил в нашу группу, но стоял за нами с бонгами. У него был собственный костюм участника «Пятерки Джексонов», поэтому

ему хлопали, когда мы представляли его. В наш следующий приезд Рэнди уже станет членом нашей группы. До появления Рэнди на бонгах играл я, а до меня — Марлон, так что у нас стало чуть ли не традицией ставить новичка на эти дурацкие маленькие барабанчики.

Когда мы впервые приехали с концертами в Европу, у нас был трехлетний опыт записи хитов, так что было чем доставить удовольствие и ребятам, следившим за нашей музыкой, и королеве Англии, пришедшей на наше представление. Мы были очень взволнованы. Я видел фотографии других групп, например, «Битлз», встречавшихся с королевой после представлений в ее честь, но даже и не мечтал, что мы сами сможем выступить перед ней.

Англия стала нашей стартовой площадкой, и она была не похожа ни на что, виденное нами прежде, но чем больше мы ездили, тем удивительнее выглядел мир. Мы увидели великие музеи Парижа и замечательные горы Швейцарии. Европа была для нас книгой, приобщившей к корням западной культуры, и в известном смысле подготовкой к посещению более духовных восточных стран. Там меня поразило, что люди ценят животных и природу выше материальных благ. К примеру, Китай и Япония немало способствовали моему развитию — там я понял, что в жизни существует нечто поважнее того, что можно осязать и увидеть. И во всех этих странах люди слышали о нас, и им нравилась наша музыка.

Нашими следующими остановками были Австралия и Новая Зеландия, англоговорящие страны, но мы встречали там людей, которые сохраняют примитивный образ жизни в глубинке. Они принимали нас, как братьев, хотя и не знают нашего языка. Во время этого турне я убедился: все люди братья.

Потом была Африка. Мы знали кое-что об Африке: наша наставница мисс Файн прочитала нам специальные лекции по истории и обычаям стран, где нам предстояло побывать. Нам не удалось увидеть наиболее красивую часть Африки, но океан, побережье и люди в тех краях на берегу, где мы жили, были прекрасны. Ездили мы в заповедник и наблюдали там свободно бродивших вокруг животных. Это было для нас откровением, как и музыка. Феноменальные ритмы. Сойдя в первый раз на землю этого континента с самолета, мы увидели на рассвете длинную шеренгу африканцев, танцевавших в своих национальных костюмах под звуки барабанов и маракас. Они встречали нас танцами. И вкладывали в движения душу. Да, это было здорово. Какой прекрасный обычай. Это незабываемо.

А торговцы на рынках — это что-то невероятное. Они

мастерили у нас на глазах свои поделки, продавали. Помню, один мужчина вырезывал прекрасные фигурки — по заказу. Я попросил вырезать человеческое лицо.

Он брал кусок дерева, обтачивал его и создавал прекрасную маску. И все это происходило прямо на глазах. Я сидел и наблюдал, как люди подходили к нему и просили что-то для них сделать, и он не отказывал.

Но именно посещение Сенегала помогло нам понять, как нам повезло и в какой мере наше африканское наследие помогло нам стать теми, кем мы стали. Мы побывали в бывшем заброшенном лагере рабов на острове Гор, и увиденное потрясло нас. Своим дерзанием и терпением мы обязаны Африке, за это нам никогда не расплатиться.

Мне кажется, если бы в «Мотауне» могли выбирать нам возраст, они, наверное, предпочли бы, чтобы Джеки остался в том возрасте, когда мы стали венцом программ, а мы догнали бы его — хотя, я думаю, меня они предпочли бы видеть на год младше, чтобы я все еще мог выступать в роли ребенка-звезды. Все это, возможно, звучит полным бредом, но на деле не так уж и абсурдно, если учесть, как они продолжали верховодить нами, не давая нам стать настоящей группой со своим направлением и собственными творческими идеями. Мы росли и творчески зрели. Нам многое хотелось попробовать, но в «Мотауне» были убеждены, что не стоит рисковать удачно найденной формулой. По крайней мере, они не бросили нас, когда начал ломаться мой голос, хотя кое-кто считал это возможным.

В конце концов дело дошло до того, что в режиссерской стало больше народу, чем на сцене в студии. Все они толкались, давая советы и микшируя нашу музыку. Наши преданные фанаты принимали и такие пластинки, как «Я — любовь» и «Небесный писатель». Это были песни в стиле претенциозной поп-музыки, со сложными струнными аранжировками, но нам они не подходили. Само собой, мы не могли петь «Эй-Би-Си» всю жизнь — нам этого вовсе не хотелось, — но даже фанатам постарше «Эй-Би-Си» нравилась, нам же трудно было с этим мириться. В середине семидесятых над нами нависла угроза перехода в разряд устаревших, а мне ведь еще не было и восемнадцати.

После того как Джермейн женился на Хейзел Горди, дочери нашего босса, нам стали подмигивать, приговаривая, что теперь нам можно ни о чем не беспокоиться. И в самом деле, когда в 1973 году вышла песня «Соберись с духом», Берри уделил ей не меньше внимания, чем в свое время «Я хочу, чтоб ты вернулась». Это был наш лучший хит за два года, хотя он больше смахивал на протез, чем на резвого ребеночка, каким был наш первый хит. Но

все же «Соберись с духом» исполнялся в хорошей басовой тональности, с резким звучанием гитары «вау-вау», и струны жужжали, как мухи. Радиостанциям она понравилась, но не так, как новым танцевальным клубам — дискотекам. В «Мотауне» за это ухватились и вызвали Хэла Дэвиса, имевшего опыт работы в «Корпорации», чтобы впрыснуть жизнь в «Танцующую машину». «Пятерка Джексонов» уже не была заштатной группой для программы «101 струна» или ей подобных.

Фирма «Мотаун» проделала большой путь с тех пор, когда можно было застать хороших студийных музыкантов, подрабатывавших в кегельбанах, играя джиги. Музыка для «Танцующей машины» стала усложненной. В этой песне была лучшая партия для духовых из всех, встречавшихся нам, вперемежку с «потоком пузырьков», создававшимся при помощи синтезатора, что позволяло удержать песню в рамках стиля. Музыка для дискотек была отчасти дешевкой, но это представлялось нам своеобразным переходом во взрослый мир.

Мне нравилась «Танцующая машина», нравилось петь и чувствовать эту песню. После ее выхода в 1974 году я решил найти движения, которые дополнили бы ее и сделали более привлекательной для исполнения — и, как я надеялся, более интересной зрительно.

И вот когда мы пели «Танцующую машину» в «Поезде души», я двигался по сцене, как идя по улице, — такой стиль называется «Робот». Это выступление продемонстрировало силу телевидения. За один вечер «Танцующая машина» вышла на самый верх в списке хитов, а через несколько дней, казалось, каждый малыш в Соединенных Штатах ходил, как робот. Бесподобно.

«Мотаун» и «Пятерка Джексонов» договорились, что по мере увеличения состава наших участников должна расти и наша аудитория. На подходе были два новобранца: Рэнди уже был в поездках с нами, а Дженет на уроках пения и танца уже показала, что у нее есть талант. Мы не могли втиснуть Рэнди и Дженет в наш старый состав, как нельзя воткнуть квадратную пробку в круглое отверстие. Я ничуть не принижу их немалые способности, сказав, что шоу-бизнес был у них в крови и они просто автоматически заняли свои места, как будто мы держали эти места специально для них. Они вкалывали вовсю и заслужили свои позиции в группе. Они вошли в наш состав не потому, что делили с нами пищу и играли в наши старые игрушки.

Если исходить только из наследственности, то во мне генов крановщика столько же, сколько и певца. Это невозможно измерить.

Папа заставлял нас работать изо всех сил, не забывая при

этом о целях, которые виделись ему во сне.

Подобно тому как дискотека едва ли самое подходящее место для превращения детской группы во взрослых музыкантов, так и Лас-Вегас с его эстрадными театрами едва ли можно считать средоточием семейной атмосферы, к которой мы привыкли в «Мотауне», но мы все равно решили там играть. В Лас-Вегасе особенно нечего делать, если не ходить в игорные заведения, но мы рассматривали городские театры как большие клубы, открытые в определенные часы и для определенной клиентуры, похожей на публику в нашем родном Гэри или на Южной стороне Чикаго — ну за исключением туристов. Толпы туристов были нам на руку, потому что они помнили наши старые хиты и были готовы без устали смотреть наши новые пародии и слушать наши новые песни. Приятно было видеть, каким удовольствием загорались их лица при появлении маленькой Дженет в костюме Мей Вест для исполнения одной-двух песенок.

Мы уже исполняли пародии в 1971 году в специальной телепрограмме под названием «Возвращаясь в Индиану», отмечавшей наше возвращение домой в Гэри всем составом. Наши пластинки стали хитами во всем мире с тех пор, как мы в последний раз видели родной город.

Исполнять пародии вдевятером было даже веселее, чем впятером, да мы еще приглашали гастролеров для выступления. Наша разросшаяся группа была воплощением папиной мечты. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне никогда уже не испытать такого удовольствия от выступлений, как в Лас-Вегасе. Перед нами не было возбужденной концертной толпы, требовавшей всех наших хитов и ничего больше. На время мы были избавлены от необходимости делать то же, что делали остальные. В каждое представление мы включали одну-две баллады, чтобы опробовать мой «новый голос». В пятнадцать лет мне следовало об этом думать.

На наших представлениях в Лас-Вегасе были люди с телевидения Си-Би-Эс, и они предложили нам подготовить эстрадную программу к лету. Нас заинтересовало это предложение и порадовало то, что нас признают как нечто большее, чем просто «группа Мотауна». И такое мнение о нас сохранится. Поскольку в Лас-Вегасе мы в творческом плане были сами себе хозяева, нам трудно было вернуться в неволю в Лос-Анджелесе. Мы всегда стремились расти и развиваться в музыкальном отношении, Это же был наш хлеб с маслом, а мы чувствовали, что нас сдерживают. Иногда мне казалось, что к нам относятся, как будто мы по-прежнему живем у Берри Горди — разве что Джермейн теперь стал зятем, но это лишь усиливало

наше чувство беспомощности.

К тому времени, когда мы начали делать собственную программу, появились первые признаки того, что и в «Мотауне» дела стали меняться. Марвин Гэй создал собственную группу и выпустил блестящий альбом «Что происходит». Стиви Уандер стал понимать в электронных синтезаторах больше, чем опытные парни, работавшие в студии, — они приходили к нему за советом. Одно из наших последних приятных воспоминаний о «Мотауне» связано с тем, что Стиви предложил нам подпевать в его жесткой, вызывавшей противоречивые чувства песне «Ты не сделала ничего». И хотя Стиви и Марвин все еще были на приколе в «Мотауне», они боролись и — добились права записывать собственные пластинки и даже издавать свои песни. А для нас в «Мотауне» даже пальцем не пошевелили. Мы для них были все еще детьми, хотя они больше нас не одевали и не «опекали».

Наши проблемы с «Мотауном» начались приблизительно в 1974 году, когда мы заявили без обиняков, что сами хотим писать и выпускать свои песни. Нам в общем не нравилось, как тогда звучали наши песни. Мы хотели принять участие в состязании с другими группами и чувствовали, что группы с более современным звучанием могут оттеснить нас.

В «Мотауне» нам сказали: «Нет, сами вы песен писать не можете; вам нужны текстовики и продюсеры». Нам не только отказали в нашей просьбе, — нам заявили, что мы не должны даже упоминать о желании творить собственную музыку. Я был попросту обескуражен, и мне вообще перестало нравиться все, что готовили для нас в «Мотауне». В конце концов я так разочаровался и расстроился, что мне захотелось расстаться с «Мотауном».

А когда я чувствую, что что-то не так, мне надо выговориться. Я знаю, многие не считают меня человеком волевым и напористым, но лишь потому, что меня не знают. В конце концов наши отношения с «Мотауном» дошли до того, что мы с братьями стали чувствовать себя глубоко несчастными, но молчали. Братья ничего не говорили. И отец ничего не говорил. Так что устроить встречу с Берри Горди и поговорить с ним пришлось мне. Именно я вынужден был сказать, что мы — «Пятерка Джексонов» — уходим из «Мотауна». Я отправился на встречу с ним с глазу на глаз, и это была одна из самых сложных встреч в моей жизни. Если бы только я был недоволен, я бы смолчал, но дома только и разговору было, как мы все несчастны, поэтому я встретился с Горди и рассказал ему, как мы переживаем наше положение. Сказал, что я глубоко несчастен.

Не забывайте, я люблю Берри Горди. Я считаю его гением,

блестящим человеком, одним из столпов музыкального бизнеса. Я чувствую к нему лишь уважение, но в тот день во мне проснулся лев. Я пожаловался, что нам не дают возможности самим писать и выпускать свои песни, Он ответил, что, по его мнению, мы по-прежнему нуждаемся в продюсерах для хитовых пластинок.

Но мне-то лучше знать. В Берри говорил гнев. Встреча была трудной, но теперь мы снова друзья, и он по-прежнему мне как отец — гордится мной и счастлив моими успехами. Несмотря ни на что, я всегда буду любить Берри — ведь он научил меня многим ценным вещам в жизни. Именно он предрек, что «Пятерка Джексонов» войдет в историю, — так и случилось, «Мотаун» для многих очень многое сделал. Я считаю, нам повезло, что мы были в числе тех групп, которых Берри лично представил своей публике, и я бесконечно благодарен ему за это. Если бы не он, моя жизнь была бы совсем иной. Все мы чувствовали, что «Мотаун» дал нам толчок, поддержал в нужный момент. Но мы оставались верными выбранной профессии. Там наши корни, и все хотели там остаться. Мы благодарны за все, что для нас было сделано, но перемены неизбежны. Я человек сегодняшнего дня и не могу не спрашивать себя: «Как идут дела? Что нового? Что происходит сегодня? Как на будущем может отразиться то, что произошло?» Для артистов очень важно уметь управлять своей жизнью и работой. В прошлом серьезные проблемы возникали в связи с тем, что артистов нещадно эксплуатировали. Я понял, что этого можно избежать, отстаивая свою точку зрения и позицию и не заботясь о последствиях. Мы могли бы остаться в «Мотауне», но поступи мы так, скорее всего мы были бы обречены на застой. Я понимал, что настало время перемен; мы последовали интуиции и выиграли, решив все начать с начала под другим фирменным знаком — «Эпик». Нам стало легче от того, что мы, наконец, разобрались с собственными переживаниями и разорвали путы, связывавшие нас, но были совершенно обескуражены решением Джермейна остаться в «Мотауне». Он был зятем Берри, и его положение было сложнее нашего. Ему казалось, что надо остаться, а не уходить. Джермейн всегда поступал по совести, поэтому он покинул нас. Прекрасно помню первое выступление без него, уж очень сильно я тогда переживал. С самых первых дней на сцене — и даже во время репетиций в гостиной в Гэри — Джермейн всегда стоял слева от меня со своей бас-гитарой, Мне было необходимо чувствовать рядом Джермейна. Поэтому во время того первого представления без него, когда рядом никого не было, я впервые в жизни почувствовал себя на сцене голым, Да и работать нам пришлось с удвоенной силой, чтобы возместить потерю одной из наших звезд

— Джермейна. Мне хорошо запомнилось то представление, потому что зал трижды, стоя, вызывал нас аплодисментами. Мы поработали действительно здорово. После ухода Джермейна у Марлона появилась возможность занять его место, и он поистине блистал. А мой брат Рэнди занял мое место на бонгах и стал «крошкой» в нашей группе. Примерно в то время, когда от нас ушел Джермейн, дело осложнилось еще и тем, что мы подрядились участвовать в низкопробном летнем телесериале. Глупо было соглашаться на это, и я ненавидел каждую проведенную там минуту. А вот старая мультяшка «Пятерка Джексонов» мне очень нравилась. Помню, я просыпался утром в субботу и восклицал:

— Я мультяшка!

Работу же в сериале я терпеть не мог: я считал, что она не только не принесет пользы, но и навредит при записи пластинок. Мне кажется, для артиста, выпускающего пластинки, ничего не может быть хуже участия в сериале. Я не уставал повторять:

— Но ведь это плохо отразится на продаже наших пластинок.

— Нет, наоборот, поможет, — отвечали мне.

Они оказались совершенно неправы. Нам приходилось надевать несуразные костюмы и ломать глупую комедию под механический смех. Все было насквозь фальшиво. У нас не было времени, чтобы подучиться и овладеть приемами, нужными для телевидения. Нам приходилось изобретать по три танцевальных номера в день, чтобы уложиться в график. Компания ТВ-рейтингов «Нилсен» следила за нашими успехами из недели в неделю. Никогда больше не буду этим заниматься. Это тупик. Происходит некоторый сдвиг в сознании людей. Каждую неделю вы входите в дом к зрителям, и у них появляется ощущение, что они вас прекрасно знают. Вы ломаете дурацкую комедию под механический смех, и ваша музыка отступает на задний план. А когда вы пытаетесь снова заняться серьезным делом и вернуться к своей карьере, получается уже не то, потому что вы примелькались. В глазах публики вы — ребята, валяющие дурака. Сегодня вы — Санта-Клаус, на следующей неделе — принц из «Золушки», еще через неделю — кролик. Это безумие, потому что вы теряете свое лицо; ваш образ рок-певца исчез. Я не комедиант. Я не ведущий программы. Я музыкант. Вот почему я отказался от предложения вести церемонию вручения наград «Грэмми» и «Американ мьюзик». Неужели мне интересно выйти на сцену и отпустить пару плоских шуточек — вызвать у людей смех только потому, что я Майкл Джексон, хотя в душе я знаю, что не смешон?

После нашего выступления по телевидению мы, помнится,

выступили в театральном обозрении, где сцена не вращалась, так как если ее повернуть, мы пели бы перед пустотой. Это меня кое-чему научило, и я отказался возобновить контракт с телевидением на следующий сезон. Я просто сказал отцу и братьям, что считаю это большой ошибкой, и они меня поняли. У меня действительно были дурные предчувствия по поводу этой программы еще до того, как мы начали ее записывать, но в конце концов я согласился попробовать, так как все полагали, что это будет интересно и пойдет нам на пользу.

Проблема с телевидением состоит в том, что все должно быть втиснуто в крохотные отрезки времени. Нет времени что-либо улучшить. График работы — строгий график — управляет твоей жизнью. Если ты чем-то недоволен, лучше просто все забыть и перейти к следующему номеру. А я стремлюсь к совершенству — так уж заложено во мне природой. Мне нравится, чтобы все было как можно лучше. Мне хочется, чтобы люди, слушая или глядя на меня, чувствовали, что я весь выложился. Мне кажется, это мой долг перед публикой. В нашей телевизионной программе декорации были неряшливо выполнены, свет зачастую был плохой, а хореография поставлена на скорую руку. Тем не менее представление стало большим хитом. Параллельно с нами показывали другое шоу, и по рейтингу «Нилсена» мы их обошли. Си-Би-Эс очень хотелось сохранить нас, но я понимал, что это шоу было нашей ошибкой. Как выяснилось, оно плохо сказалось на продаже наших пластинок, и потребовалось какое-то время, чтобы оправиться от нанесенного урона. Если чувствуешь, что тебе что-то не подходит, надо принимать трудное решение, полагаясь на инстинкт. После этого я редко участвовал в телепрограммах — на ум приходит только специальное шоу «Мотаун-25». Берри попросил меня участвовать в этой программе, я долго отказывался, но в конце концов он уговорил меня. Я сказал, что хочу исполнить «Билли Джин», хотя это будет единственная песня в программе, не имеющая отношения к «Мотауну», и он охотно согласился. В то время «Билли Джин» шла первым номером в списке хитов. Мы с братьями очень серьезно готовились к выступлению. Хореографию ставил я, поэтому мне пришлось попыхтеть, зато я хорошо представлял себе, что хочу сделать с «Билли Джин». У меня такое ощущение, что все уже сложилось в моем сознании, пока я занимался другими вещами. Я попросил одного человека одолжить для меня или купить черную мягкую шляпу — в каких ходят шпионы — и в день выступления начал собирать номер. Никогда мне не забыть того вечера, потому что, открыв в конце номера глаза, я увидел, что публика аплодирует стоя. Меня захлестнули чувства. Было так хорошо.

В процессе нашего перехода из «Мотауна» в «Эпик» мы сделали всего один «перерыв» — выступили по телевидению. Тем временем до нас дошли слухи, что в «Эпик» над нашими демонстрационными кассетами работают Кении Гэмбл и Леон Хафф. Нам сообщили, что, как только мы покончим с выступлениями, нас ждет запись в Филадельфии.

Если кто-то и выигрывал от смены этикеток, то это был Рэнди, ставший теперь одним из Пятерки. Но к моменту, когда он стал наконец одним из нас, мы уже не назывались «Пятеркой Джексонов». В «Мотауне» заявили, что название группы зарегистрировано и является собственностью компании и после ухода из нее мы не имеем права это название использовать. Это, конечно, было большой потерей, так что с этого момента мы стали называться «Джексоны».

Папа встречался с филадельфийскими ребятами во время переговоров с «Эпиком». Мы всегда с большим уважением относились к пластинкам, над которыми работали Гэмбл и Хафф, а именно: «Бэкстэбберс» в исполнении «О'Джейз», «Если ты до сих пор меня не знаешь» в исполнении группы «Хэролд Мелвин и Голубые ноты» (солист Тедди Пендерграсс) и «Когда я снова увижусь с тобой» в исполнении «Трех градусов», а также ко многим другим хитам. Ребята сказали папе, что не будут вмешиваться в наше исполнение. Папа упомянул о нашем пожелании включить парочку собственных песен в новый альбом, и они пообещали по справедливости решить этот вопрос, послушав нас.

Мы встретились для разговора с Кении, Леоном и их командой, включавшей Леона Макфаддена и Джона Уайтледа. Они показали свои возможности, выпустив в 1979 году «Сейчас нас не остановишь». В эту команду входили также Декстер Уонзел, Кении Гэмбл и Леон Хафф — все классные профессионалы. Я наблюдал за ними в процессе творчества, когда они проигрывали песни для нас, и это во многом помогло мне, когда я сам стал писать песни. Одно наблюдение за Хаффом, когда он играл на рояле, а Гэмбл пел, дало мне представление об анатомии песни больше, чем что-либо другое. Кении Гэмбл — мастер по части создания мелодии. Он побудил меня обращать больше внимания на мелодию. И я наблюдал за тем, как он творит. Я сидел словно ястреб, следя за каждым его решением, прислушиваясь к каждой ноте. Они приходили к нам в отель и проигрывали для нас целый альбом. Так они знакомили нас с песнями, выбранными для нашего альбома, помимо двух песен, написанных нами самими. Присутствовать при этом было чудом.

Мы записали несколько демонстрационных кассет с нашими

песнями дома, в перерывах между съемками, но решили с ними повременить — не было нужды кого-то хватать за горло. Мы знали, что выступления в Филадельфии могут много нам дать, а потому оставили наш сюрприз на потом.

Две наши песни «Прочь тоска» и «Стиль жизни» было трудно держать в секрете, поскольку мы очень ими гордились. «Стиль жизни» был джэм, отрежиссированный Тито и сочетавшийся с настроениями ночных клубов, куда мы вошли благодаря «Танцующей машине», но мы записали его немного жестче и проще, чем это сделали бы в «Мотауне».

«Прочь тоска» была одной из моих первых песен, и хотя я больше ее не пою, мне не стыдно ее слушать. Я не мог бы заниматься своим делом, если бы после всей проделанной работы ненавидел собственные пластинки. Это светлая песня о преодолении глубокой депрессии, я прибегнул в ней к приему Джеки Уилсона в «Одиноких слезах» — смеху сквозь слезы.

Увидев рисованную обложку к альбому «Джексоны», первому, записанному на «Эпик», мы были поражены нашей схожестью. Даже Тито выглядел тощим! Я носил тогда африканскую прическу, поэтому, очевидно, не так выделялся. Тем не менее после исполнения наших новых песен «Наслаждайся жизнью» и «Я покажу тебе твой путь», люди уже знали, что я по-прежнему второй слева, на переднем плане, Рэнди занял место Тито справа от меня, а Тито перешел на место Джермейна. Я не скоро освоился, как я уже говорил, хотя Тито здесь был ни при чем.

Эти два сингла были развлекательными пластинками — под «Наслаждайся жизнью» было здорово танцевать. Мне там очень нравился ритм гитары и духовые. Вдобавок пластинка заняла первое место. Тем не менее мои симпатии больше склонялись к «Я покажу тебе твой путь» — эта песня показывала, что сотрудники «Эпика» с уважением относятся к нашему пению. Мы полностью выложились на этой пластинке, и она была лучшей из всех, что мы записали. Мне нравилось выступать в шляпе, когда звуки струн трепещут, как крылья птиц. Могу лишь удивляться, что эта песня не стала самым большим хитом, хотя мы и не говорили об этом, но в песне под названием «Живя вместе», выбранной для нас Кении и Леоном, угадывался намек на нас.

«Если мы будем вместе жить, Надо жить семьей. Веселись, сколько угодно, Только время уходит, не забудь».

Струнные звучали остро и резко, как в «Бэкстэбберс», но это было то, что хотели сказать публике Джексоны, хотя и не совсем в джексоновском стиле — пока.

Гэмбл и Хафф написали достаточно песен для нового альбома, но мы по опыту знали, что, хотя они и делают все с

максимальным мастерством, мы утрачиваем частицу своей самобытности. Нас приняли в филадельфийскую семью, но нам этого было недостаточно. Мы твердо решили исполнить все, что нам хотелось уже много лет. Вот почему мы вернулись в нашу студию «Энчино» и начали снова работать своей семьей.

Наш второй альбом, записанный в «Эпик», — «На тусовку» — отличался от первого. Там было больше песен для души, чем танцевальных. Мы понимали, что песни для души, несущие идею мира и овладения умами с помощью музыки, выполняют благородную задачу, но они больше напоминали старый «Поезд любви», исполнявшийся группой «О'Джейз», чем наш стиль.

Все же, быть может, и неплохо, что «На тусовку» не стала большим поп-хитом, так как благодаря этому «Иная женщина» пошла по клубам. Эту песню поместили посредине первой стороны пластинки, между песнями Гэмбла и Хаффа, и она стала как бы огненным ядром альбома. Это был плод подлинно совместной работы всей группы — филадельфийские духовые, как нам и хотелось, взрывались поочередно, как бы ставя восклицательные знаки один за другим. Именно этого мы добивались в демонстрационных записях с нашим старым другом Бобби Тэйлором, перед тем как перейти в «Эпик». Кении и Леон добавили тогда последние штрихи, покрыли все глазурью, но на этот раз мы испекли пирог сами.

После появления «На тусовку» в магазинах папа попросил меня пойти с ним на встречу с Роном Алексенбергом. Рон подписал за нас контракт с Си-Би-Эс и действительно верил в нас.

Мы хотели убедить его в том, что намерены сами заниматься своей музыкой. Нам казалось, что в Си-Би-Эс понимают, на что мы способны, поэтому, изложив свою точку зрения, мы пояснили, что с самого начала хотели бы, чтобы с нами работал Бобби Тэйлор. Бобби был верен нам все эти годы, и мы его считали прекрасным продюсером. В «Эпике» же хотели дать нам Гэмбла и Хаффа, поскольку они поставили рекорд успеха на звуковой дорожке, но то ли они были для нас неподходящими жокеями, то ли мы были для них неподходящими лошадьми, только сделанные с ними записи плохо расходились.

Мистер Алексенберг, безусловно, привык общаться с музыкантами, хотя я уверен, что в кругу своих деловых друзей, говоря о музыкантах, не жалел эпитетов, как и сами музыканты, когда обмениваются впечатлениями в своем кругу. Мы же с папой, когда речь заходила о музыкальном бизнесе, были настроены на одну волну. Люди, создающие музыку, и торговцы пластинками — от природы не враги. Мне дорого то, что я делаю,

не меньше чем классическому музыканту, и я хочу, чтобы моя музыка дошла до возможно более широкой аудитории. А производителей пластинок заботит, кто у них записывается, и они хотят выйти на максимально широкий рынок. Сидя в комнате правления Си-Би-Эс за прекрасно сервированным столом, мы сказали мистеру Алексенбергу, что в «Эпике» для нас делали все, что могли, но этого недостаточно. Мы чувствовали, что можем работать лучше, что стоит поставить на кон нашу репутацию.

Выйдя из небоскреба, известного под названием «Черная скала», мы с папой почти не разговаривали. По дороге в отель мы оба молчали — каждый думал о своем. Добавить к сказанному было почти нечего. Вся наша жизнь вела к этому важному противостоянию, как бы вежливо и открыто мы ни действовали. Возможно, сейчас, спустя годы, Рон Алексенберг и улыбнется, вспоминая тот день.

Когда происходила та встреча в главном здании Си-Би-Эс в Нью-Йорке, мне было всего девятнадцать лет. Для девятнадцатилетнего я нес тяжелую ношу. Мое семейство все больше и больше полагалось на меня в решении деловых и творческих вопросов, и я волновался, не будучи уверен, что правильно поступаю; зато у меня появилась возможность исполнить главное желание моей жизни — сыграть в фильме. По иронии судьбы, старые связи с «Мотауном», хоть и поздно, но принесли дивиденд.

Фирма «Мотаун» приобрела права на съемки бродвейского шоу «Волшебник», несмотря на то что мы покидали компанию. «Волшебник» был осовремененным, ориентированным на черных актеров вариантом великого и очень любимого мною фильма «Волшебник из страны Оз». Помню, когда я был маленьким, «Волшебника из страны Оз» показывали раз в год и всегда в воскресенье вечером. Сегодня дети и представить себе не могут, каким большим это было для нас событием, потому что они выросли в пору видеокассет и большого количества программ кабельного телевидения.

Видел я и бродвейское шоу, которое провалом, безусловно, не назовешь. Клянусь, я смотрел его шесть или семь раз. Позже я подружился со звездой шоу Стефанией Миллз, бродвейской Дороти. Я сказал ей тогда, что считаю трагедией то, что ее игра в этой пьесе не запечатлена на пленку. Хоть я и очень люблю бродвейскую сцену, но выступать на ней я бы не хотел. Когда выступаешь — записываешься ли на пластинку или участвуешь в фильме, — хочется знать, как ты это сделал, определить свой уровень и попытаться его улучшить. Если вещь не отснята и не записана — это сделать невозможно. Мне грустно думать, что мы

никогда не увидим великих актеров, за возможность посмотреть игру которых мы отдали бы все, поскольку их не могли записать или просто не записали.

Если бы я все-таки соблазнился и вышел на сцену, мне скорее всего пришлось бы работать со Стефанией, — правда, она так трогательно играла, что я, наверное, расплакался бы прямо перед зрителями. «Мотаун» приобрел «Волшебника» по одной единственной причине и, как я считаю, вполне убедительной: из-за Дайаны Росс.

Дайана была близка с Берри Горди и хранила верность ему и «Мотауну», но и нас она не забыла, хотя на наших пластинках и стоял теперь знак другой фирмы. Мы поддерживали с ней связь, несмотря на все перемены, и она даже встречалась с нами в Лас-Вегасе, где дала несколько советов по ходу наших выступлений. Дайана собиралась играть роль Дороти, и, поскольку это была единственная распределенная роль, она уговаривала меня пойти попробоваться на прослушивании. Она заверила, что в «Мотауне» не будут препятствовать моему участию из желания досадить мне или моей семье. Она проследит за этим, если будет нужно, но не думает, чтобы это потребовалось.

И она все сделала. Берри Горди попросил меня согласиться прослушаться для участия в «Волшебнике». Я рад, что на это пошел, так как в процессе прослушивания я почувствовал страстное желание играть на сцене. Я сказал себе — вот чем я хочу при возможности заниматься, именно этим. Снимаясь в фильме, ты запечатлеваешь нечто неуловимое и останавливаешь время. Актеры, их игра, сюжет становятся достоянием людей всего мира на многие поколения, Только представьте себе, если бы у вас не было возможности посмотреть «Отважных капитанов» или «Убить пересмешника»! Создание фильмов — дело захватывающее. Работаешь командой и получаешь большое удовлетворение. Когда-нибудь — и скоро — я займусь всерьез созданием фильмов.

Я прослушался на роль Страшилы — мне казалось, эта роль больше всего мне подходит. Я слишком подвижен для Железного Дровосека и слишком легок для Льва, так что я поставил перед собой определенную задачу и попытался продумать и чтение текста, и танцы для этой роли. Когда режиссер Сидней Лумет пригласил меня на съемки, я был горд, по и немного испуган. Процесс создания фильма был для меня в новинку, и мне предстояло на многие месяцы расстаться с моими обязанностями перед семьей и перед музыкой. Я приезжал в Нью-Йорк, где мне предстояло сниматься, чтобы почувствовать атмосферу Гарлема, служащую фоном для сюжета «Волшебника», но никогда там не

жил. Меня удивило, как быстро я привык к такому образу жизни. Мне нравилось встречаться с людьми, о которых я слышал на другом побережье, но которых собственными глазами никогда не видел.

Съемки в «Волшебнике» пошли мне на пользу во многих отношениях. Я чувствовал себя старым профессионалом в звукозаписи, но мир кино был абсолютно ново для меня. Я как можно внимательнее за всем наблюдал и многому научился.

В этот период моей жизни я сознательно и бессознательно нащупывал свой путь. Я чувствовал какое-то беспокойство и тревогу за свою дальнейшую судьбу теперь, когда стал взрослым. Я взвешивал возможности и готовился принять решения, которые могли иметь серьезные последствия. Съемки в «Волшебнике» были для меня большой школой. Кожа у меня во время съемок была все еще в ужасном состоянии, и я радовался возможности наложить грим. А гримироваться приходилось здорово. Шесть дней в неделю я гримировался по пять часов — по воскресеньям мы не снимались. Набив себе руку, я стал укладываться в четыре часа. Остальные, на кого тоже накладывали грим, поражались тому, что я высиживал так долго. Они ненавидели грим, мне же это доставляло удовольствие. Превращение в Страшилу было для меня самой чудесной штукой на свете. Мне хотелось стать кем-то другим и избавиться от своего образа. На съемки приходили дети, и мне доставляло огромное удовольствие играть с ними и изображать Страшилу.

Я всегда представлял себе, что буду играть в фильмах этакого элегантного героя, но грим, костюм и общение со съемочной группой в Нью-Йорке показали, какие чудеса может творить кинематограф. Мне всегда нравились фильмы Чарли Чаплина, а ведь за ним не замечалось ничего сверхэлегантного в дни немого кино. И мне захотелось взять что-то от его героев для моего Страшилы. В его костюме мне нравилось все — от угольно-черных ног до носа цвета помидора и устрашающего парика. Я даже сохранил белый в оранжевую полоску свитер и выступал в нем во время проката картины годы спустя.

Для фильма были поставлены прекрасные, очень сложные танцевальные номера, выучить которые не представляло труда. Но это неожиданно оказалось сложным для моих партнеров по игре.

Я с детства мог, подглядев чье-нибудь движение в танце, повторить его. Другому, быть может, пришлось бы разложить танец на составные, делать каждый шаг со счетом — ногу поставить вправо, бедро приподнять, бедро развернуть влево, шею — в другую сторону… и так далее. Мне же достаточно посмотреть

— и я могу повторить.

Во время подготовки к «Волшебнику» я разучивал хореографию вместе с партнерами — Железным Дровосеком, Львом и Дайаной Росс, — и они были в ярости на меня. Я не мог понять, в чем дело, пока Дайана не отвела меня в сторону и не сказала, что я ставлю ее в неловкое положение. Я сделал большие глаза. Я ставлю в глупое положение Дайану Росс? Я? Она сказала, что понимает, что это не нарочно, по просто я слишком быстро выучиваю движения. Это ставит в дурацкое положение ее и остальных, кто не может повторить сразу за хореографом показанные движения. Достаточно ему что-то показать, сказала она, как я тут же выхожу и повторяю. Когда же он просит остальных повторить, они еще долго разучивают па. Мы посмеялись над этим, но я постарался больше не показывать, как легко мне все дается.

Понял я также и то, что на съемках проявляются и некоторые не лучшие стороны человеческой натуры. Часто, когда я перед камерой пытался сыграть серьезную сцену, кто-нибудь из актеров начинал строить рожи, стараясь меня рассмешить. Мне всегда прививали серьезное отношение к профессионализму и подготовке, поэтому я считал такое поведение подлым. Тот актер знал, что я снимаюсь в важной сцене, и тем не менее строил дурацкие рожи, пытаясь отвлечь меня. Мне это казалось более чем неуважительным и нечестным.

Много позже Марлон Брандо скажет мне, что с ним это проделывали постоянно.

Проблем на съемках в общем-то было немного, и они редко случались, а работать так близко с Дайаной было замечательно. Она такая красивая, одаренная женщина, И сниматься в этом фильме для меня было большим удовольствием. Я очень люблю Дайану. И всегда ее любил.

Несмотря на то, что я получал удовольствие от съемок «Волшебника», это был период, полный напряжения и тревог. Очень хорошо помню 4 июля того года — я был на пляже, возле дома моего брата Джермейна, примерно в полуквартале от студии. Я нырял в прибое и вдруг почувствовал, что мне нечем дышать. Нет воздуха. Нет и все. Что со мной происходит? Стараясь не впадать в панику, я побежал домой и отыскал Джермейна — тот отвез меня в больницу. Дикость какая-то. У меня в легком лопнул кровеносный сосуд. Больше это никогда не повторялось, хотя порой я чувствовал покалывания и как бы спазмы, но скорее всего это лишь плод моего воображения. Позже я узнал, что подобное состояние бывает при плеврите. Мой доктор предложил мне сбавить темп, но расписание этого не

позволяло. По-прежнему жизнь проходила под знаком непрестанной работы. Я очень любил старый фильм «Волшебник из страны Оз», однако новый сценарий, отличавшийся от бродвейской постановки скорее по форме, чем по духу, поднимал больше вопросов, нежели первый фильм, и давал на них ответы.

Действие старого фильма разворачивалось в волшебном королевстве, это была своего рода сказка. В нашем же фильме, напротив, были элементы реальности, легко узнаваемые детьми, — такие, как школьные дворы, станции метро и квартал, откуда была родом наша Дороти. Мне и сейчас нравится смотреть «Волшебника» и заново все переживать. Особенно я любил сцену, где Дайана произносит:

— Чего я боюсь? Я же не знаю, что я такое…

Я это чувствовал много раз, даже в счастливые минуты жизни. Она поет там, что надо преодолевать страхи и шагать гордо, с высоко поднятой головой. Она знает, и публика знает, что никакая опасность не заставит ее повернуть.

Моему герою было что сказать и чему поучиться. Я висел на шесте, и стая ворон смеялась надо мной, а я пел: «Вам меня не одолеть». Это была песня об унижении и беспомощности — через такую полосу проходили многие в ту или иную пору своей жизни, — а также о том, что есть люди, которые физически не удерживают тебя, но исподволь играют на твоих слабостях, так что ты сам не можешь двигаться вперед. Сценарий был умный, и по нему я выдавал наугад сведения и цитаты из моей соломенной головы безо всякой связи с чем бы то ни было. Ответы на все вопросы у меня были готовы, а вот самих вопросов я не знал. Основная разница между двумя вариантами «Волшебника» заключалась в том, что в оригинальной версии Дороти получала все ответы от Доброй Волшебницы и ее друзей из страны Оз, тогда как наша Дороти доходит до всего своим умом. Она запоминается своей верностью троим друзьям и отвагой в сражении с Элвиной в потрясающей сцене на заводе. Я никогда не забуду пения, танцев и игры Дайаны. Она была идеальной Дороти, После победы над злом — сплошной восторг, выражающийся в нашем танце. Танцуя с Дайаной в том фильме, я словно бы прокручивал сокращенную версию собственной жизни — походочка нок-нид, вращение на вытянутой ноге были моими приемами в детские годы, а танец на столе на заводе соответствовал нашему тогдашнему уровню. Все было построено на движении вверх и вперед. Когда я рассказал братьям и папе, что получил эту роль, они решили, что я до нее еще не дорос, а получилось наоборот. «Волшебник» придал мне новые силы и вдохновение. Встал вопрос, что с этим делать. Как лучше их

использовать?

В то время как я задавался вопросом, что делать дальше, мы с одним человеком шли параллельными путями, соединившимися на съемочной площадке «Волшебника». Мы как-то репетировали в Бруклине и громко читали друг другу текст. Я думал, что самым трудным для меня будет заучивать текст, но меня ждал приятный сюрприз. Все были очень добры ко мне и убеждали, что это легче, чем я думаю. Так оно и оказалось.

В тот день мы снимали сцену с воронами. У ребят в вороньих костюмах не было видно даже головы, Казалось, они знали свои роли назубок. Я свою тоже выучил, но вслух произнес не больше двух раз.

Режиссер попросил, чтобы я вытянул из-под своей соломенной шляпы полоску бумаги и прочел, что там написано. Это была цитата. В конце стояло имя автора — Сократ. Я встречал это имя в печати, но никогда его не произносил, поэтому я сказал: «Соукратес» — мне казалось, что так его и надо произносить. В наступившей тишине кто-то прошептал: «Сок-ру-тиз», Я взглянул на суфлера — что-то в нем показалось мне знакомым. Не актер, но, похоже, из нашей команды, Помню, выглядел он очень уверенно, лицо дружелюбное.

Я улыбнулся, смутившись, что неправильно произнес имя автора цитаты, и поблагодарил его за подсказку. Лицо его было до боли знакомо, и вдруг я понял, что встречался с ним прежде. Подтверждая мое предположение, он протянул мне руку:

— Куинси Джонс. Я занимаюсь оркестровкой.

Глава 4
Я и Кью

Собственно, впервые мы встретились с Кью, или Куинси Джонсом, в Лос-Анджелесе, когда мне было около двенадцати лет. Куинси говорил мне потом, что Сэмми Дэвис-младший сказал ему тогда: «Этот малыш будет следующим великим открытием после нарезного хлеба». Или что-то в этом роде. Я тогда был совсем маленький, но смутно помню, Сэмми Дэвис познакомил меня с Кью.

По-настоящему наша дружба расцвела на съемочной площадке «Волшебника» и вскоре переросла в отношения отца с сыном. Я позвонил ему после съемок и спросил:

— Послушайте, я собираюсь записывать альбом — вы не могли бы посоветовать продюсеров?

На него самого я и не намекал. Вопрос мой был наивен, но честен. Мы немного поговорили о музыке, потом он назвал несколько имен. Помялся немного и спросил:

— А почему бы вам не взять меня?

Я как-то об этом даже не подумал, Он же в моем вопросе усмотрел намек, по это было не так. Я просто не думал, что его может заинтересовать моя музыка. Поэтому я пробормотал что-то вроде:

— Ну конечно, прекрасная идея. Я просто об этом не подумал.

Куинси, вспоминая это, до сих мор подтрунивает надо мной. Так или иначе мы сразу начали планировать альбом, который вышел под названием «Слезай со стены». Мы с братьями решили создать собственную компанию и стали подыскивать ей название.

В газетах не часто пишут о павлинах, но тогда мне попалась статья именно о них. Мне всегда очень нравились павлины, и я любовался птицей, которую держал в одним из своих домов Беррн Горди. Так что, прочтя статью с фотографией павлина, где много говорилось об особенностях этой птицы, я пришел к полный восторг. Мне показалось, чти, пожалуй, я нашел нужный символ, Это была серьезная статья, местами суховатая, но интересная, Автор писал, что павлин полностью распускает хвост только в брачный период и тогда переливается всеми цветами радуги. Меня сразу пленил этот прекрасный образ и скрытый в нем смысл. Хвост этой птицы олицетворял идею, которую я пытался выразить, чтобы показать, что такое Джексоны и как они преданы друг другу, а также, сколь многогранны наши интересы. Братьям

идея понравилась, и мы назвали нашу новую компанию «Пикок продакшнз», чтобы уйти от чрезмерного использовании фамилии Джексон. В нашем первом кругосветном турне нами владели стремление объединить людей разных рас с помощью музыки. Некоторые наши знакомые не понимали, что мы имеем в виду, говоря об объединении всех рас с помощью музыки — как-никак мы ведь черные музыканты. Ответ наш был: «Музыка цветов не различает», Мы убеждались к этом каждый вечер, в особенности, в Европе да и в других частях света, где побывали. Людям, перед которыми мы выступали, нравилась наша музыка. Им было неважно, какого цвета у нас кожа или откуда мы родом. Мы решили создать собственную компанию по выпуску пластинок, так как хотели расти и утвердиться как новое явление в мире музыки, быть не просто певцами и танцорами, а писателями, композиторами, аранжировщиками, продюсерами и даже издателями. Нас многое интересовало, и нам нужна была компания для осуществления наших замыслов. Си-Би-Эс дала нам разрешение выпустить собственный альбом — предыдущие два хорошо разошлись, а «Иная женщина» продемонстрировала наши потенциальные возможности, которые, по мнению компании, стоило развивать. Нам поставили одно условие: приставили к нам специалиста по рекламе Бобби Коломби с которым мы сотрудничали во время записи «Кровь, пот и слезы». Он должен был следить, как у нас идут дела, и оказывать необходимую помощь. Мы понимали, что впятером нам не управиться и потребуются музыканты со стороны, если мы хотим обогатить звучание. У нас было две слабости: у нас не было классного клавишника и звукоинженера. Мы загромождали нашу студию в Энчино новой аппаратурой, хотя толком в ней не разбирались. Грег Филлингейн был еще очень молод для студийного профессионала, но с нашей точки зрения это были плюсом, поскольку нам был нужен человек, открытый для новых подходов, а не заслуженный ветеран, с какими мы общались долгие годы.

Он приехал в Энчино на репетиции, и тут начались приятные сюрпризы. Наши взаимные предубеждения исчезли. С ним было очень интересно работать. Представляй Грегу наброски новых песен, мы говорили, что нам нравятся вокальные партии, к которым тяготели в «Филли интернешнл», но после сведения их воедино всегда создавалось впечатление, что наши голоса как бы пробиваются сквозь звуковую завесу, созданную струнными и тарелками. Нам хотелось более простого и чистого звучания, с более жесткой бас-гитарой и резкими трубами. Грег делал прекрасные ритмические аранжировки и облекал в музыкальную форму наши идеи и наброски. Казалось, что он читает наши

мысли.

С нами начал работать Паулини де Коста, протеже Бобби Коломби, и мы немного встревожились: нам показалось, что Рэнди может воспринять это как намек на то, что он не справляется с ударными. На самим же деле Паоло привнес бразильскую традицию самба — традицию адаптации и импровизации на примитивных, зачастую кустарных инструментах. Когда звуковая подача де Косты слилась с более традиционным подходом Рэнди, звучание стало божественным.

Образно говоря, мы очутились где-то между «роком» и «тяжелым роком». В «Мотауне» и «Филли интернэшнл» мы работали с самыми изобретательными поп-музыкантами в мире, и было бы глупо отказываться о того, что восприняли от них, но вместе с тем мы не могли заниматься подражательством. К счастью мы очень быстро стартовали с песней «Во всем виноват буги», предложенной Бобби Коломби. Она исполнялась в быстром темпе, с прищелкиваниями, что уже было неплохо для создания почерка группы, к чему мы стремились. Мне нравилось слитно произносить слова припева: «Во всем виноват буги», — это ведь можно пропеть на одном дыхании, не сжимая губ. Повеселились мы и в связи с надписью на внутренней стороне конверта пластинки: «Во всем виноват буги» — надпись сделали трое ребят из Англии, одного из которых звали Майкл Джексон. Потрясающее совпадение. Как выяснилось, мне не составило труда писать песни для дискотек, потому что во все мои главные песни я включал танцевальные перебивки.

Наше будущее представлялось нам полным неожиданностей и волнений. Многое менялось в нашем творчестве и в нас самих — менялась наша музыка, семейная жизнь, желания и цели. Все это заставило меня серьезнее задуматься над тем, как я живу — в особенности, в сравнении с моими сверстниками. Я всегда взваливал на себя ответственность, но тут вдруг оказалось, что я нужен всем. Не так уж много я мог дать, и я все-таки должен был отвечать за себя. Мне надо было оглянуться на мою жизнь и постараться понять, что от меня нужно. Мне было трудно, но следовало научиться остерегаться отдельных окружавших меня людей. Первым делом я был всем обязан Богу, затем — матери, отцу, братьям и сестрам. Мне вспомнилась старая песня Кларенса Картера под названием «Заплаты», в которой старшему сыну предлагается взять на себя заботу о ферме после смерти отца, и мать говорит, что полагается на него. Ну что же, хотя мы не были издольщиками, а я не был старшим сыном, но слишком слабыми были плечи, не которые наваливалась такая ноша. Однако мне почему-то всегда было трудно отказывать в чем-то своей семье и

людям, которых я люблю, Попросят меня что-то сделать или о ком-то позаботиться, — и я соглашаюсь, даже если знаю, что это может быть чересчур тяжело для меня.

Я все время испытывал огромный стресс и часто срывался. Стресс — ужасная штука: человек не в состоянии долго держать, свои чувства на замке. Многие недоумевали, действительно ли я так уж предан музыке, когда узнали о моем увлечении фильмами после того, как я снялся в одном из них. Мне намекали, что решение прослушаться появилось у меня не вовремя — для новой группы сейчас неподходящий момент. Людям со стороны казалось, что это решение появилось у меня лишь в самый последний момент. Но вышло все, конечно, хорошо.

Песней «Вот тебе в ответ на любезность» я хотел дать понять, что живу не в башне из слоновой кости, что меня, как и любого юношу, одолевают сомнения. Меня тревожило, что, стараясь достичь вершины в своей области, я упущу возможность познать мир со всем, что он может предложить.

У Гэмбла и Хаффа в первом альбоме, выпущенном «Эпиком», была песня «Мечтатель» на эту тему, и когда я разучивал ее, мне казалось, что ее писали с мыслью обо мне. Я всегда любил мечтать. Я ставил для себя цели. Смотрю на что-то и пытаюсь представить себе, как это достичь, а потом надеюсь превзойти намеченное.

В 1979 году мне исполнился двадцать один год, и я начал сам заботиться о собственной карьере. Мое соглашение с отцом приблизительно в это время закончилось, и, хотя мне трудно было принять такое решение, возобновлять контракт я не стал.

Уволить собственного отца нелегко.

Но мне просто не нравилось, как он вел дела. А когда в делах замешана семья, может сложиться деликатная ситуацию. Все может идти прекрасно, а может идти ужасно — это зависит от взаимоотношений.

Изменило ли это наши с отцом отношения? Не знаю, изменилось ли в душе его отношение ко мне, но мое уж точно не изменилось. Я был вынужден пойти на этот шаг, так как понял, что работаю на него, а не он работает на меня. Да и в творческом плане мы стояли на абсолютно разных позициях. Он предлагал идеи, с которыми я был совершенно не согласен, потому что это мне не подходило. Я хотел одного — самому распоряжаться своей жизнью. И я начал ею распоряжаться. Это было необходимо. Все рано или поздно подходят к этой черте, а ведь я работал уже давно. Для двадцатилетнего молодого человека я был достаточно опытен — у меня за плечами пятнадцать лет ветеранского стажа.

Мы стремились побыстрее раскрутить концепцию «Судьбы» и

оркестровку, но от частых выступлений я охрип — слишком много пел. Когда нам пришлось отменить некоторые выступления, меня никто не упрекал, но мне казалось, что я мешаю моим братьям продвигаться вперед после огромной работы, проделанной нами вместе. Мы внесли некоторые изменения, чтобы уменьшить нагрузку на мой голос. Марлон ваял на себя те места, где нужно было подолгу держать ноту. «Танцуй шейк до самой земли», песня, подготовленная ими для альбома, оказалась нашим спасительным кругом. Обидно было, что мечту о собственной музыке мы осуществили в виде шоу, а не в виде новой песни и не сумели вложить в нее все до последней капли. Впрочем, до нашего торжества недолго оставалось ждать. Оглядываясь назад, я понимаю, что был терпеливее, чем того хотели бы мои братья. При ремиксе «Судьбы» до меня дошло, что у нас «выпали» некоторые вещи, о которых я не говорил с братьями, поскольку не был уверен, что им это так же интересно, как и мне. Фирма «Эпик» оговорила к контракте, что будет выпускать все сольные альбомы, какие я решу записать. Возможно, они страховались: если, мол, у «Джексонов» самостоятельная работа не пойдет, они попробуют превратить меня в этакую дойную корову, которую можно использовать до конца моей жизни. Это можно счесть подозрительным, по я по опыту знал, что люди денежные всегда хотят знать, что происходит с их деньгами или может произойти и как вернуть вложенный капитал. Наверное, это правильно. В свете того, как все повернулось, я удивляюсь, что так думал, но тогда подобные мысли казались вполне обоснованными. Альбом под названием «Судьба» принес нам самый большой успех, и мы уже знали, что достигли той точки, когда люди покупают твои пластинки, так как знают, что это хорошая группа, и знают также, что ты выкладываешься в каждой песне и в каждом альбоме. И мне хотелось, чтобы мой первый сольный альбом был как можно лучше. Мне не хотелось, чтобы «Слезой со стены» звучал как выдержки из «Судьбы». Поэтому я решил нанять продюсера со стороны, который подошел бы к этому проекту без предубеждения. Мне также нужен был человек с хорошим слухом, который помог бы отобрать материал, так как у меня не было времени, чтобы написать для обеих сторон пластинки такие песни, которым и бы я гордился. Я понимал, что публика хочет иметь больше двух хороших синглов в альбоме, особенно в дискотеках, где берут большие куски, к тому же мне хотелось, чтобы мои фанаты остались довольны.

Вот почему Куинси Джонс оказался наилучшим продюсером, какого я только мог пожелать. Друзья Куинси звали его «Кью» из-

за его пристрастия к барбекю, или шашлыку. Когда мы закончили запись «Слезай со стены», он пригласил меня на концерт своей оркестровой музыки в «Голливудскую чашу», но я тогда был настолько стеснительным, что простоял все представление, наблюдая из-за кулис, как в детстве. Куинси сказал, что ожидал от меня большего, и с тех пор каждый из нас старался считаться с представлениями другого.

Когда я позвонил ему и спросил его совета о продюсере, он стал перечислять тех, кто этим занимается, — с кем я смогу работать и с кем у меня будут неприятности. Он знал все обо всех — кто занят, кто будет слишком вялым, кто будет «нажимать на металл». Он знал Лос-Анджелес лучше, чем мэр Брэдли, но был курсе всего. Он был неоценимым гидом по части джазовых аранжировок, оркестровок, музыки к фильмам, человеком, которого люди считали аутсайдером в отношении поп-музыки. Я был так счастлив, что этот аутсайдер оказался добрым другом и к тому же идеальным продюсером. Он мог выбирать среди уймы своих талантливых знакомых, и, будучи сам блестящим человеком, умел слушать.

Альбом «Слезай со стены» изначально должен был называться «Подружка». Пол и Линда Маккартни еще до нашего знакомства написали песню с таким названием, имея в виду меня.

Пол Маккартни всегда рассказывает, как я ему позвонил и предложил написать вместе несколько хитовых песен.

Но наша первая встреча произошла не в связи с этим.

В первый раз я увидел Пола на приеме, устроенном на «Куин Мэри», пришвартованной на Лонг-Биче. Хизер, дочь Пола, раздобыла у кого-то мой телефон, позвонила и пригласила на большой прием. Ей нравилась наша музыка, и мы разговорились. Много позже, после окончания турне «Крылья над Америкой», Пол с семьей был в Лос-Анджелесе. Они пригласили меня на вечеринку в дом Гарольда Ллойда. Вот тогда мы с Полом Маккартни впервые и встретились. Мы поздоровались в толпе, и он сказал:

— Знаете, я для вас песню написал.

Я был удивлен и поблагодарил его. И прямо там, на вечеринке, он принялся напевать мне «Подружку».

В результате мы обменялись телефонами и пообещали вскоре встретиться, но разные дела помешали это сделать, и мы года два не общались. Кончилось тем, что он записал эту песню в собственном альбоме «Город Лондон».

Самое странное произошло, когда мы создавали «Слезай со стены»; Куинси подошел ко мне и сказал:

— Майкл, у меня есть для тебя идеальная песня.

И он сыграл мне «Подружку», понятия, конечно, не имея, что изначально Пол написал ее для меня. Когда я ему об этом сказал, он был поражен. Вскоре мы ее записали и включили в альбом, Это было поразительное совпадение.

Мы с Куинси всесторонне обсуждали «Слезай со стены» и тщательно выстраивали нужное звучание. Он спросил меня, чего мне больше всего хотелось бы достичь в студии, и я ответил, что мы должны звучать иначе, чем «Джексоны». Трудно было произносить эти слова, учитывая, какого труда нам стоило стать «Джексонами», но Куинси меня понял, и мы вместе создали альбом в соответствии с поставленной целью. Популярный сингл «Рок с тобой» — вот то, к чему я стремился. Это было как раз по мне — я мог и петь, и танцевать. Род Темпертон, которого Куинси знал но работе с группой «Волна зноя» над музыкой для «Ночей буги», написал эту песню в более жесткой, убойной аранжировке, но Куинси смягчил напор и подключил синтезатор, сделавший звучание похожим на то, что слышишь в раковине, подобранной на берегу. Нам с Кью очень нравилась работа, и в конце концов мы попросили его стилизовать три его песни для меня, включая заглавную. Род во многом был мне близок. Ему, как и мне, больше нравилось петь и писать о ночной жизни, чем погружаться в нее самому. Я всегда недоумевал, как люди могут думать, что творчество артиста — всего лишь отражение каких-то реальных событий из его жизни или слепок с его или ее образа жизни. Как правило, это далеко от истины. Порой я опираюсь на свой опыт, но бывает также, что песня рождается как бы само по себе. Воображение артиста — главный его инструмент. Оно может создавать настроение, будить чувство.

Куинси поразителен — он не набирает угодливых париев, готовых делать, что он ни скажет. Я всю жизнь работал с профессионалами и могу сказать, кто просто держится на плаву, кто может творить, а кто способен вступить из-за дела и конфликт, не упуская из виду общей цели. С нами был Луис Джонсон, по прозвищу Громовые пальцы — он работал с Куинси на альбомах «Братьев Джонсон». На гитаре у нас играла команда «звезд»: Уо-Уо Уотсоп, Марло Хендерсон, Дэвид Уильямс и Ларри Карлтон из «Крестоносцев». Джирдж Дьюк, Фил Апчерч и Ричард Хит были отобраны из сливок джаз-фанка, и тем не менее они ни разу не дали понять, что эта музыка несколько отличается от того, к чему они привыкли, У нас с Куинси были хорошие рабочие отношения, поэтому мы имеете отвечали за все и постоянно со к кто вались друг с другом.

Если не считать «Братьев Джонсон», то до «Слезай со стены» Куинси почти не занимался танцевальной музыкой, так что мы с

Грегом работали над «Не останавливайся, пока не насладишься», «День и ночь тружусь» и «Выходи на танцплощадку», стремясь создать в студии Куинси более плотную стену звука. Хотя «Выходи на танцплощадку» не была синглом, исполнять ее было особенно приятно, потому что Луис Джонсон подкладывал под текст мягкую музыкальную основу и давал мне возможность набирать силу с каждым новым припевом. Брюс Суиден, работавший у Куинси звукорежиссером, добавил к этой композиции последние штрихи, и мне до сих пор доставляет удовольствие слушать ее.

«День и ночь тружусь» была персональным шоу Паулино, я лишь подпевал, стараясь поспеть за всеми его выкрутасами. Грет так настроил электропианино, что акустически оно звучало идеально, без всякого эха. В стихах преобладала та же тема, что и в «Чего я только не делаю для тебя» из альбома «Судьба», и поскольку это было парафразом того, что я уже пел, мне хотелось, чтобы текст был возможно проще и чтобы главенствовала музыка.

В «Не останавливайся, пока не насладишься» на бас-гитару накладывали голос — чтобы создать драматизм и поразить взвихриванием струнных и ударных. К тому же необычной была и моя вокальная аранжировка. В этой песне я пою с наложением звука так, что создастся ощущение, будто поет группа. Я сам написал высокую партию, какую мой голос вытянуть не может, но она сочеталась со звучавшей в моей голове музыкой, так что я решил: пусть музыка господствует над пением. Кью поразительно микширует звук, гитары рубят, как калимбасы, род африканского рояля, на котором играют большими пальцами. Эта песня много для меня значит, потому что она была первой, которую я написал от начала до конца. «Не останавливайся, пока не насладишься» была моим первым пробным шаром, и она сразу заняла первое место. Эта песня принесла мне первую премию Грэмми. Куинси верил в меня, и я высоко ценю то, что для меня одного он открыл двери студии. Уже потом он «покрыл торт глазурью», добавив струнные.

Баллады сделали «Слезай со стены» альбомом Майкла Джексона. Я исполнял баллады с братьями, по они не получали от этого большого удовольствия и исполняли их, большей частью уступая моим уговорам. В альбоме «Слезай со стены» помимо «Подружки» была записана певучая веселая мелодия под названием «Такой уж я есть», она легко запоминалась и ее приятно было петь, хоть она и была круче, чем, скажем, «Рок с тобой». Самыми большими хитами были «Слезай со стены» и «Рок с тобой». Когда слишком много быстрой музыки, под которую можно танцевать, — это ужасно; я люблю музыку ласковую,

нежную, под которую можно очаровать стыдливую девчонку, заставив ее позабыть все страхи. В «Слезай со стены» я вновь пел дискантом, но «Рок с тобой» требовал более естественного звука. Мне казалось, если исполнить эти две песни на вечеринке, люди остановятся и станут их слушать. Затем шла песня «Она ушла из моей жизни». Пожалуй, эта песня слишком лиричная для вечеринки.

Эта песня обо мне. Иногда мне трудно смотреть в глаза моим подругам, даже если и их хорошо знаю, Мои встречи и отношения с девушками не завершались счастливым концом, которого я ждал. Что-то всегда мешало. Тем, чем я делюсь с миллионами, невозможно поделиться с одной. Многим девушкам хочется знать, чем я живу, почему я живу так, а не иначе, или поступай так, как поступаю; они пытаются проникнуть в мои мысли. Хотят избавить от одиночества, ни делают это так, что у меня создается впечатление, будто они хотят разделить со мной одиночество, чего я никому не пожелаю, потому что уверен: я один из самых одиноких людей на свете.

«Она ушла из моей жизни» — эта песня о том, что я пережил; я отгорожен от других обманчиво низким барьером, который, казалось бы, легко преодолеть, но я остаюсь, словно прикованный, на месте, с отчаянием наблюдая, как исчезает вдали предмет моих вожделений. Том Бейлер соорудил дивный мостик, словно взятый из старого бродвейского мьюзикла. В реальной жизни подобные проблемы не так просто решить, да и песня об этом: проблема не решена. Мы не могли поместить эту песню ни я начале, ни в конце пластинки — слишком бы она сбивала настроение. Когда ей на смену приходит песня Стива, нежная и нерешительная, как если бы кто-то осторожно пытался приоткрыть запретную дверь, у меня до сих пор вырывается вздох облегчения. К моменту, когда песня Рода «Спали эту дискотеку» завершает пластинку, ощущение тоски исчезает.

Но песня «Она ушла из моей жизни» слишком глубоко завладела моим воображением. Я на самом деле не мог сдержать слез в конце записи — так сильно действовали на меня слова. Столько во мне накопилось чувств. Мне был двадцать один год, можно сказать, я был очень богат, но подлинной радости мне не хватало. Иногда мне кажется, что мой жизненный опыт напоминает отражение в кривом зеркале — распухший с одной стороны и усохший до предела с другой. Я боялся, что это проявится при исполнении «Она ушла из моей жизни», но если эта песня затрагивает струны в душе людей, я уже чувствую себя менее одиноким.

Когда я разволновался в тот день после записи, со мной были

только Кью и Брюс Суиден. Помню, я закрыл лицо руками и слышал лишь жужжанье аппаратуры да собственные всхлипывания. Потом я извинился, но оба поспешили меня успокоить.

Работа над «Слезай со стены» была одним из самых тяжелых периодов в моей жизни, несмотря на успех, который она принесла. У меня в то время было совсем немного близких друзей, и я жил очень изолированно. Мне было так одиноко, что я выходил прогуляться по кварталу в надежде встретить кого-нибудь, с кем я мог бы поговорить и, может быть, подружиться. Мне хотелось подружиться с людьми, не знавшими, кто я. Хотелось встретить кого-то, кто стал бы моим другом, потому что я ему понравился и потому, что ему тоже нужен друг, а не потому, что я — это я. Хотелось встретить кого-то из соседей по кварталу — уличных мальчишек, кого угодно.

Успех, безусловно, приносит одиночество. Это правда. Люди думают: тебе повезло, у тебя есть все. Им кажется, ты можешь пойти куда угодно и делать что хочешь, но не в этом суть. Человек нуждается в истинных ценностях.

Сейчас я научился мириться с этим и уже не впадаю в такую депрессию, как раньше.

В школе у меня по-настоящему не было подружек. Были симпатичные девчонки, но мне всегда было трудно подойти к ним. Я слишком стеснялся — сам не знаю почему, — глупость какая-то. С одной девочкой у меня установилась дружба. Она мне нравилась, но я стеснялся сказать ей об этом.

Мое первое свидание было с Тэйтум О'Нил. Мы познакомились В клубе под названием «Со льдом» на Сансет-стрит. Обменялись телефонами и часто перезванивались. Я говорил с ней часами: из студии, по пути домой, из дома. В наше первое свидание мы отправились на вечеринку в особняк «Плейбой» Хью Хефнера, где прекрасно провели время. В первый раз она взяла меня за руку в клубе «Со льдом». Мы познакомились, когда я сидел за столиком и вдруг почувствовал прикосновение мягкой руки. Это была Тэйтум. Возможно, для других это не так уж и важно, по для меня это было очень серьезно. Она дотронулась до меня. Вот как я это воспринял. В прошлом девчонки постоянно хватали меня во время турне, — вопили и хватали, дотягивались сквозь строй охраны. Но с Тэйтум все было иначе, мы были один на один, а это всегда самое приятное.

Отношения наши стали очень близкими. Я влюбился в нее (а она в меня), и мы долгое время были вместе. Со временем наши отношения переросли в тесную дружбу. Мы до сих пор то и дело

перезваниваемся, и мне кажется, можно сказать, что она была моей первой любовью — после Дайаны.

Когда я услышал, что Дайана Росс выходит замуж, я обрадовался, так как знал, что она будет этому очень рада. И тем не менее мне было тяжело делать вид, будто я в восторге от того, что Дайана выходит замуж за кого-то, кого я никогда не встречал. Я желал ей счастья, но должен признаться, что был задет и немного ревновал, поскольку всегда любил Дайану и всегда буду ее любить.

Еще одной моей любовью была Брук Шилдс. Какое-то время это было серьезное романтическое увлечение. Вообще в моей жизни было много чудесных женщин, чьи имена ничего не скажут читателям этой книги, да и нехорошо упоминать о них, поскольку они не знаменитости и не привыкли, чтобы их имена появлялись в печати. Я ценю свою личную жизнь и потому уважаю их право на личную жизнь тоже.

Дружбой с Лайзой Минелли я буду всегда дорожить. Она мне как сестра в шоу-бизнесе. Мм встречаемся и говорим о делах — это просто само собой получается, Мы оба во время еды, сна и за бокалом вина думаем о движениях, песнях и танцах. Нам замечательно вместе. Я ее обожаю.

Как только мы кончили запись «Слезай со стены», я погрузился в создание вместе с братьями альбома «Триумф». Мы хотели объединить лучшие песни из обоих альбомов для нашего турне. Первой песней в альбоме была «Ты чувствуешь?», и она была ближе всего к року из всего, что делали Джексоны. И это была вовсе не танцевальная музыка. Видео этой песни мы планировали пустить к началу турне, что-то вроде нашего «Так сказал Заратустра», тема из фильма «2001». Мы с Джеки задумали совместить джаз с подобием хора мальчиков. В известном смысле песня воспевала победу любви, очищающей грехи мира, Рэнди поет очень хорошо, пусть даже его вокальный диапазон не столь широк, как бы ему хотелось. Он так вздыхает и так подаст слова, что я весь вытягиваюсь и стою на цыпочках, когда мы поем. Часами я работал на прекрасном синтезаторе, завывавшем, как звуковой маяк, пука не настроил его так, как мне хотелось. Мы записали шесть минут, и ни одна секунда не кажется мне лишней.

Песня «Симпатичная» была продолжением «Танцуй шейк до самой земли» — мы только добавили более легко звучащий фрагмент из альбома «Слезай со стены». В песне Джеки «Будь по-твоему» я попробовал придать голосу новое, почти бесплотное звучание, а синтезаторы растягивали звук, как бы отдаляя его. Паулино включил всю артиллерию: треугольники, черепа, гонги. Эго песня о странной девушке, которая такова как есть, и ничего с

этим не поделаешь — получай удовольствие, когда можешь.

Песня «Все» — более живая, чем танцевальные мелодии из альбома «Слезай со пены». Майкл Маккиней подает ее с завываниями, какие издает самолет, штопором падающий вниз.

«Время никого не ждет» была написана Джеки и Рэнди с расчетом на мой голос и мою манеру исполнения. Они понимали, что должны быть на уровне авторов альбома «Слезай со стены», и неплохо поработали. В песне «Оставь это занятие» каждый из нас получил возможность солировать, в особенности Марлон. Мы немного отошли от привычного звучания группы, — пожалуй, вернулись к тому, что делали в Филадельфии, когда позволяли музыкальному сопровождению заглушать нас, «Иди прямо сейчас» и «Интересно, кто?» были по звучанию ближе к альбому «Судьба», но по большей части страдали от «избытка супа и недостатка гущи».

Было, правда, одно исключение: «Отель разбитого сердца». Клянусь, это название я сам придумал и, когда написал ее, мне это не напоминало ни о какой другой песне. Компания, выпускавшая пластинку, поместило на обложке: «Тот самый отель», по аналогии с Элвисом Пресли. Невзирая на все его значение как для белой, так и для черной музыки, он не оказал на меня никакого влияния. Мне кажется, слишком много лет отделяет нас. Пожалуй, время тут сыграло наибольшую роль. К моменту выхода нашей песни люди считали, что если я по-прежнему буду вести все такой же уединенный образ жизни, то и умру, как он. Ко мне эти параллели неприменимы, и жить с опаской никогда не входило в мои привычки. Тем не менее меня интересует то, как погубил себя Элвис, поскольку мне не хотелось бы повторить его судьбу.

Латойю попросили внести свой к клад воплем, открывающим песню, — не самое благоприятное начало для эстрадной карьеры, должен заметить, но она делала только первые шаги в студии. С тех пор она записала несколько хороших пластинок и вполне сложилась как эстрадная певица. С таким криком обычно просыпаются от кошмарного сна, мы же хотели создать впечатление, что сон только начинается, чтобы слушатель не знал, сон это или явь. Мне кажется, этого эффекта мы добились. Три подпевавшие нам певицы от души забавлялись, издавая звуки, которые я от них требовал; они производили жутковатое впечатление, — но лишь до тех пор, пока сами не прослушивали сведенную запись.

«Отель разбитого сердца» была самой сложной песней из всех, что я сочинил. Я работал, преследуя сразу несколько целей: песня должна была получиться такой, чтобы под нее можно было

танцевать, подпевать, поражаться или просто слушать. Она была сделана на замедленных звуках рояля и виолончели и оканчивалась на уверенной ноте, чтобы успокоить слушателя: нет смысла пугать человека, если ничто не способно вернуть его назад в целости и сохранности. В «Отеле разбитого сердца» была месть, а меня завораживает концепции мщения. Это что-то, чего я не понимаю. Мне глубоко чуждо представление, что человек должен «заплатить» за что-то плохое, что он тебе сделал, или тебе кажется, что он сделал. Атмосфера этой песни выдавала мои собственные страхи и в то же время помогала мне перебороть их. В этом бизнесе столько акул, выискивающих кровь в воде.

Если в этой песне, а потом в «Билли Джин», женщины представлены в неблагоприятном свете, то это не следствие моей личной позиции. Само собой, мне нравится единение полов — это естественная сторона жизни, и женщин я люблю. Я просто считаю, что когда секс используют для шантажа или достижения власти, это отвратительно, нельзя так использовать дар Божий.

«Триумф» вызвал у нас тот прилив энергии, какой нужен был для создания идеального представления, без сучка и задоринки. Мы начали репетировать с нашим гастрольным составом, включающим бас-гитару Майкла Маккинея. Дэвид Уильямс тоже был с нами, но на этот раз как постоянный участник группы.

Близившиеся гастроли должны были стать грандиозным зрелищем. Специальные световые эффекты были подготовлены великим волшебником Дагом Хеннингом. Я хотел сразу после «Не останавливайся» исчезнуть и клубе дыма. Даг должен был координировать специальные эффекты с людьми из компании «Шоукс», которые занимались всеми декорациями. Мне было интересно с ним разговаривать, пока мы репетировали. Казалось, что он поступает чуть ли не во вред себе, раскрывая свои секреты — я ведь ничего не мог предложить ему взамен, кроме денег. Мне было из-за этого немного неловко, тем не менее мне хотелось, чтобы у нас было грандиозное шоу, а я понимал, что Хеннинг может внести потрясающий вклад. Мы конкурировали с такими группами, как «Эрф, уинд энд файер» («Земля, ветер и огонь») и «Коммодорз», за первое место среди эстрадных оркестров страны, и знали, что есть люди, которые считают, что братья Джексоны уже десять лет выступают на сцене и исчерпали себя.

Я много работал над концепцией декораций для близившегося турне, В них было что-то от атмосферы «Стычек». Мне хотелось сказать ими, что за пределами пространства и времени есть жизнь и смысл и павлин с еще большей гордостью распускает свой яркий хвост. Мне хотелось, чтобы и наш фильм отражал эту идею.

Моя гордость за наши ритмы, технические новшества и успех альбома «Слезай со стены» пострадали от удара, каким явилось для меня объявление премий Грэмми за 1979 год. Несмотря на то, что «Слезай со стены» была одной из самых популярных пластинок года, она получила только одну премию — за лучшее вокальное исполнение ритма и блюза, Помню в точности, где я находился, когда эта новость настигла меня. Я чувствовал, что мои духовные отцы проигнорировали меня, и это было обидно. Позже мне говорили, что производители пластинок тоже были удивлены.

Я расстроился, а потом меня захватила мысль о следующем альбоме. Я сказал себе: «Дождусь следующего раза» — следующий альбом они уже не смогут проигнорировать. Я смотрел церемонию вручения по телевидению, и мне было приятно победить в моей категории, но все равно я был расстроен таким неприятием, как мне казалось, со стороны моих духовных отцов. Я продолжал твердить себе: «В следующий раз, в следующий раз», Во многих отношениях артист — это то, что он делает. Трудно отделить одно от другого. Мне кажется, я могу предельно объективно относиться к тому, что создаю. Я вижу любую шероховатость, так что когда я выдаю законченный альбом — или песню — можете быть уверены, что я вложил в нее всю энергию и Богом мне данный талант без остатка. «Слезай со стены» была хорошо принята фанатами, поэтому, наверно, мне и было так обидно по поводу премий Грэмми. Этот случай зажег в моей душе огонь. Теперь я думал только о следующем альбоме. Мне хотелось, чтобы он получился по-настоящему отличным.

Глава 5
Лунная походка

Альбом «Слезай со стены» увидел свет в августе 1979 года — в том же месяце мне исполнился двадцать один, и я сам стал вести свои дела, что, безусловно, стало одной из серьезных вех в моей жизни. Для меня это много значило: успех, выпавший на мою долю, со всей несомненностью доказал, что бывший «мальчик-звезда» вырос в эстрадного артиста, нравящегося современной публике. «Слезай со стены» был также шагом вперед по сравнению с танцевальными мелодиями, которые мы создавали раньше. Приступая к осуществлению этого проекта, мы с Куинси договорились о том, как валено суметь передать и записи страсть и сильные чувства. Мне до сих пор кажется, что мы этого достигли в балладе «Она ушла из моей жизни» и в меньшей мере — в «Роке с тобой».

Оглядываясь назад, я вижу всю картину и то, как «Слезай со стены» подготовил меня к работе над альбомом, получившим название «Триллер». Куинси, Род Темпертон и многие музыканты, игравшие для «Слезай со стены», помогали мне осуществить мечту, которую я лелеял много лет. «Слезай со стены» разошелся почти в шести миллионах экземпляров в нашей стране, но мне хотелось создать альбом, который купило бы еще больше народу. С самого начала моих выступлений на эстраде я мечтал записать такую пластинку, которая по продаже побила бы все рекорды. Помню, в детстве я ходил купаться к перед тем, как прыгнуть в воду, загадывал желание. Учтите, что я рос, так сказать, в недрах ремесла, понимал, какие стоят перед ним задачи, и знал пределы возможного. Мне хотелось сделать что-то особенное. Я возносил над собой руки, словно посылал мысли в космос, нагадывал желание и нырял. Но прежде чем прыгнуть в воду, всякий раз говорил себе: «Вот это моя мечта. Это мое желание». Я верю, что если загадать желание и очень хотеть, — все обязательно сбудется. Действительно верю. Каждый раз, наблюдая заход солнца, я молча загадываю желание так, чтобы успеть его загадать, пока солнце не скрылось за горизонтом, Мне казалось тогда, что солнце унесло бы с собой мое желание. И я успеваю его загадать до того, как растет последний луч. И желание у меня — не просто желание, это цель. Нечто такое, что твое сознание и подсознание способны превратить в реальность. Помню, как-то раз во время работы над «Триллером» мы с Куинси и Родом Темпертоном были в студии. Я забавлялся с игральным

автоматом, и один из них спросил меня:

— Если этот альбом разойдется не так хорошо, как «Слезай со стены», ты будешь расстроен?

Я помню, что огорчился, — меня обидело, что такой вопрос даже мог возникнуть. Я им ответил, что «Триллер» должен быть лучше, чем «Слезай со стены». И признался, что хочу, чтобы этот альбом стал самым раскупаемым в мире. Они рассмеялись. Желание это представлялось просто нереальным.

В ходе записи «Триллера» я, случалось, нервничал или огорчался, потому что не мог заставить работавших со мной людей смотреть на вещи моими глазами. Такое и сейчас иногда со мной случается. Люди часто просто не видят того, что вижу я. Их слишком снедают сомнения. А если ты неуверен в себе, ничего хорошего никогда ни получится. Ведь если ты в себя не веришь, кто же поверит? Показать себя так, как в прошлый раз, уже недостаточно. Я считаю это философией: «добивайся того, что можешь».

Я считаю, что человек может многое, но мы не используем всего потенциала разума. Разум может помочь достигнуть желаемого. Я знал, чего можно достичь этой пластинкой. У нас была прекрасная команда, много талантливых людей с хорошими идеями, и я знал, на что мы способны. Успех «Триллера» претворил многие мои мечты в реальность. Он действительно побил все рекорды продажи альбомов в истории — этот факт отмечен на обложке «Книги рекордов Гиннесса».

Нам пришлось изрядно потрудиться над созданием альбома «Триллер», но, как говорится, сколько вложишь, столько и получишь. Я стараюсь все довести до идеального состояния — работаю до упаду. И с такой же отдачей я работал и над этим альбомом. Куинси помогал нам, а он верил в успех того, что мы делали. Мне кажется, в ходе нашей работы над «Слезай со степы» я уже доказал ему, на что способен. Он выслушивал меня, когда мы записывали тот альбом, и помогал добиться того, чего я хотел, но во время записи «Триллера», он высказал еще большую веру в меня. Он понял, что у меня есть опыт и знания, необходимые для создания этого альбома, и потому порой даже уходил из студии, Я действительно очень уверен в себе, когда дело касается работы. Если я берусь за какой-то проект, я верю в него на все 100 процентов. Я всю душу в него вкладываю. Такой уж я есть.

Куинси блестяще умеет уравновесить альбом, создавая правильное сочетание быстрых и медленных песен. Вначале мы работали над песнями для альбома «Триллер», который назывался тогда «Свет звезды», с Родом Темпертоном. Я сам писал песни, а Куинси прослушивал чужие, надеясь найти

подходящие для альбома. Он прекрасно знает, что мне понравится и что будет работать на меня. У нас с ним одинаковый подход к созданию альбомов: мы не считаем, что существуют специальные песни для альбомов или для оборотной стороны. Каждая песня должна иметь право на самостоятельное существование, и мы всегда к этому стремимся.

Я написал несколько песен, но не стал показывать их Куинси, пока не увидел, что написали другие авторы, Моя первая песня была «Начнем с чего-то» — я написал ее еще во время записи «Слезай со стены», но для того альбома я ее Куинси не дал. Иногда написанная песня мне настолько нравится, что я просто не могу заставить себя показать ее другим. Пока мы записывали «Триллер», я даже «Надо победить» долгое время держал втуне и лишь потом сыграл ее Куинси. Он все время говорил мне, что нам нужна хорошая рок-песня для альбома. Он говорил: — Ну где же она? Я ведь знаю, что она у тебя есть. Мне нравятся мои песни, но я стесняюсь играть их на публике — боюсь, что они не понравятся, а это всегда больно.

В конце концов Куинси уговорил меня дать послушать, что у меня было, Я принес «Надо победить» и исполнил ему, — он пришел в полный восторг. Я был на верху блаженства.

Когда, мы приступали к работе над «Триллером», я позвонил в Лондон Полу Маккартни, и на этот раз он сказал мне:

— Давайте встретимся и напишем несколько хитовых песен. Наше сотрудничество вылилось в «Скажи, скажи, скажи» и «Эта девушка — моя». Мы с Куинси в конце концов отобрали из «Триллера» песню «Эта девушка — моя» для сингла. Иного выбора, собственно, и быть не могло. Когда песни подписана двумя такими известными именами, она либо должна быть выпущена отдельно, либо ее до смерти заиграют и она приестся.

Я связался с Полом, чтобы отблагодарить его за то, что он дал мне «Подружку» для альбома «Слезай со степы». Я написал «Эта девушка — моя» — я знал, что она подойдет для нас обоих, а кроме того, мы поработали над «Скажи, скажи, скажи», но закончили ее позже с великим продюсером группы «Битлз» Джорджем Мартином.

«Скажи, скажи, скажи» была написана нами в соавторстве с Полом, который в отличие от меня умел играть на всех инструментах, какие есть в студии, и мог исполнить любую партию. И тем не менее мы работали на равных и получали от работы удовольствие. Полу не приходилось тянуть меня за собой. Это сотрудничество по-настоящему помогло мне обрести большую уверенность в себе — рядом ведь не было Куинси Джонса, который мог бы исправить ошибки. У нас с Полом было

одинаковое представление о том, как должна звучать поп-песня, и работать с ним было подлинным наслаждением. Мне кажется, что после смерти Джона Леннона ему приходится изо всех сил тянуться, чтобы оправдывать надежды, которые люди ни могли не связывать с ним, — Пол Маккартни так много дал индустрии музыки и своим поклонникам.

Как-то раз я приобрел музыкальный каталог Эй-Ти-Ви, в котором много прекрасных песен Леннона-Маккартни. А ведь немало людей понятия не имеют, что именно Пол предложил мне заняться изданием нот. Я гостил у Линды и Пола за городом, и Пол рассказал мне о своем участии в нотном бизнесе. Он дал мне книжку с надписью «МПЛ» на обложке. Когда я раскрыл ее, он улыбнулся: он знал, что я сразу заинтересуюсь. В книжке есть перечень всех песен, на которые у Пола есть права, а он уже давно стал их приобретать. Мне мысль о приобретении права на песни до этого не приходила в голову. Когда музыкальный каталог Эй-Ти-Ви, содержавший песни Леннона-Маккартни, появился в продаже, я решил тоже этим заняться.

Я считаю себя музыкантом и по совместительству бизнесменом; нам с Полом нелегко далась паука бизнеса, и мы не сразу поняли нее значение издательского дела и авторских прав, а также того, как престижно быть автором песен. Песенное творение — это ведь кровь популярной музыки. В творческом процессе отсутствуют временные рамки и всевозможные ограничения, он требует вдохновения и желания работать. Когда кто-то, о ком я никогда не слышал, подал на меня в суд из-за песни «Эта девушка — моя», я было всерьез вознамерился защищать свою репутацию. Я заявил, что много моих мыслей рождается во сне. Многие расценили это как ловкую попытку выкрутиться, но я говорил чистую правду. В нашем деле так часто общаешься с адвокатами, что тяжба из-за того, чего ты не делал, кажется таким же этапом возмужания, как раньше победа на любительском конкурсе. «Чужая возлюбленная» (так мы чуть было не назвали «Билли Джин», поскольку Кью был почему-то против того, чтобы называть песню «Билли Джин») — название, придуманное мною с самого начала. Ему казалось, что люди могут в первую очередь подумать о теннисистке Билли Джин Кинг.

Меня много спрашивали об этой песне. Ответ прост. Это ситуация, когда девушка настаивает на том, что я отец ее ребенка, я же доказываю свою непричастность, поскольку «этот малыш не мой сын».

В реальности же Билли Джин не существовало (за исключением появившейся после песни). Девушка в песне —

прообраз разных людей, с которыми я был связан на протяжении многих лет. Подобное происходило и с некоторыми моими братьями, и меня это действительно поражало. Я не понимал, как могут эти девушки утверждать, что беременны от кого-то, когда это не так. Я не представляю, как можно лгать в таких случаях. Даже сегодня есть девушки, которые приходят к воротам нашего дома и говорят странные вещи, к примеру: «Ой, а я жена Майкла» или «Да вот, просто потеряла ключи от нашей квартиры». Помню, одна девушка ужасно нам досаждала. Я действительно верю, что в глубине души она отождествляла себя со мной. Была еще одна, утверждавшая, что я спал с ней, она засыпала меня угрозами. Было несколько серьезных стычек перед воротами «Хэйнен-херст», а это бывает опасно. Люди орут в переговорное устройство, что Иисус послал их поговорить со мной и Бог сказал им прийти — все это необычно и неприятно.

Музыкант знает, какой материал хитовый. Он должен его хорошо чувствовать. Все должно быть на своих местах. Это состояние все заполняет и способствует хорошему самочувствию. Определить это можно, прослушав пение. Все это я чувствовал в отношении «Билли Джин». Я предчувствовал, что она станет популярной. Я растворился в этой песне. Однажды в перерыве между записями я ехал с Нельсоном Хайсом, работавшим со мной в то время, по скоростному шоссе Вентура. В голове моей звучала «Билли Джин», и я думал только о ней. Мы съехали с шоссе, когда нас догнал парень на мотоцикле и сказал: — У вас горит машина.

Неожиданно мы почувствовали запах дыма, свернули на обочину, и оказалось, что все днище «Роллс-Ройса» полыхает. Этот парень, наверное, спас нам жизнь. Если бы машина взорвалась, мы могли бы погибнуть. Но мною так завладела мелодия, звучавшая в голове, что только потом я задумался об ужасных последствиях. Даже пока нам оказывали помощь и мы искали иной способ добраться до места назначения, про себя я продолжал сочинять, вот как я был поглощен «Билли Джин».

Еще до «Надо победить» я задумал написать такую рок-песню, которую слушателю захотелось бы немедленно купить, но которая вместе с тем совершенно отличалась бы от рок музыки из программы «Лучшие песни», передававшейся по радио в то время.

«Надо победить» была написана с расчетом на школьников, Мне всегда нравилось создавать музыку, обращенную к подросткам. Для них приятно писать, поскольку это очень требовательная аудитория. Их не надуешь. До сих пор эта аудитория для меня самая важная, поскольку они мне не безразличны. Если песня им нравится, то она обязательно становится хитом — независимо от того, попадет ли она в списки

хитов.

Слова «Надо победить» выражают то, как я поступил бы в беде. Их смысл — мы должны испытать отвращение к насилию. В это я глубоко верю. Песня советует подросткам быть благоразумными и избегать неприятностей. Речь не о том, чтобы подставлять другую щеку, когда кто-то бьет тебя по физиономии. Если нет другого выхода, надо просто уйти, прежде чем пойдут в ход кулаки. Если ты погибнешь в драке, то не получишь ничего, а потеряешь все. Проигрываешь ты, а также те, кто тебя любит. Вот на какие мысли должна наводить «Надо победить». Для меня истинная отвага — решить спор без драки, быть достаточно мудрым, чтобы осуществить это решение.

Самым новым участником нашей команды была группа «Тото», выпустившая хитовые пластинки «Розанна» и «Африка». До создания группы они были известны как сольные студийные музыканты. Имея опыт, они знали все тонкости работы в студии, когда надо проявить самостоятельность, а когда пойти на сотрудничество и следовать указаниям продюсера. Стив Поркаро, игравший на клавишах у Тото, работал у нас на записи «Слезай со стены». Он привел своих друзей по команде. Музыковеды знают, что лидер группы Дэвид Пэйч — сын Марти Пэйча, работавшего над великими пластинками Рэя Чарлза, такими, как «Я не могу перестать любить тебя».

Мне нравится «Симпатичная малышка», написанная Куинси и Джеймсом Ингрэмом. «Не останавливайся, пока не насладишься» удовлетворила мой аппетит к речитативным вставкам, поскольку мне кажется отчасти, что мое пение не должно скрывать мой обыкновенный голос. У меня всегда был мягкий голос. Я не добивался этого специально и не изменял его при помощи препаратов: такой у меня голос — нравится он кому-то или нет. Представьте, каково подвергаться критике за то, что для вас естественно и дано Богом. Представьте обиду от распространяемой прессой лжи, от людей, сомневающихся в том, что вы говорите правду — от необходимости защищать себя потому, что кто-то вознамерился сделать из этого сенсацию. Он заставляет вас отрицать сказанное, и на основе этого готовит новый материал, В прошлом я старался не отвечать на столь нелепые обвинения, поскольку я как бы подтверждал их, равно как и давал оправдание людям, их выдвигающим. Не забывайте, пресса — это бизнес: газеты и журналы выпускаются, чтобы приносить доход — иногда пусть даже ценой ущерба для точности, объективности и даже правды.

Так или иначе в «Симпатичной малышке» я звучал немного откровеннее, чем в предыдущем альбоме. Среди слов песни мне

нравились «код», «нежнуля» и «сахарная мука», — такие рок-н-ролльные словечки, которых не найдешь в словаре. На эту песню я пригласил Дженет и Латойю в студию, и они записали «настоящие» подпевки. Мы с Джеймсом Ингрэмом запрограммировали устройство под названием «Вокодер» на воспроизведение голоса персонажа из фильма «И.Ти».

Ребята Тото принесли Кью песню «Человеческая природа», и мы оба согласились, что мелодия песни самая забавная из тех, что мы уже слышали, даже симпатичнее «Африки». Это окрыленная музыка. Многие заинтригованы словами:

«Почему он так со мной поступает… Мне нравится такая любовь…»

Часто людям кажется, что слова, которые ты поешь, имеют какое-то личное для тебя значение. Зачастую это не так. Важно достучаться до сердец людей, затронуть их души. Кто-то добивается этого при помощи мозаики музыки, аранжировки мелодий и слов, иногда через смысл текстовки. Меня часто спрашивали о песне «Мускулы», написанной и спродюсированной для Дайаны Росс. Песня воплощала мечту всей жизни: оказать небольшую любезность в ответ на то многое, что она сделала для меня. Я всегда любил и глубоко уважал Дайану. Кроме того, моего змея зовут Мускул.

«Леди в моей жизни» — одна из наиболее сложных для записи песен. Мы привыкли переписывать по много раз, чтобы довести до совершенства вокал, но Куинси на сей риз был недоволен моей работой, даже после буквально десятков проб. Однажды в конце записи он отозвал меня в сторонку и сказал, что хочет услышать от меня мольбу. Так и сказал. Он хотел, чтобы я вернулся в студию и попытался по-настоящему обратиться к кому-то с мольбой. Так что я снова зашел внутрь, заставил их выключить свет и накрыть занавеску между студией и аппаратной, чтобы не стесняться. Кью включил запись, и я стал умолять. В результате появилось то, что вы можете услышать.

В конце концов компания стала на нас ужасно давить, чтобы мы заканчивали «Триллер». Компании шутить не любят, и в случае с «Триллером» на нас нажали очень сильно. Нам сказали, что альбом должен быть готов к определенному числу, хоть умри.

Нам пришлось ужасно помучиться, чтобы подготовить альбом к поставленному сроку. На многие огрехи закрыли глаза во время записи, некоторые песни не попали на пластинку, Мы столь многим пожертвовали, что чуть было не потеряли весь альбом.

Я прослушал подготовленные к представлениям песни, и у меня потемнело в глазах — настолько ужасно звучал «Триллер». Мы были в цейтноте, к тому же одновременно с попытками

закончить «Триллер» мы также работали над книгой «Рассказы об И. Ти», и там на нас тоже давили сроки. Все мы перессорились и, наконец, признали начальную правду, что свести «Триллер» не удалось.

Мы сидели в студни «Уэст-лейк Стьюдиос» в Голливуде и слушали альбом целиком. Я был опустошен. Все накопившиеся эмоции выплеснулись наружу. Я разозлился и покинул комнату. Я сказал своим людям:

— Хватит, — мы не будем выпускать этот альбом. Звоните в Си-Би-Эс и скажите, что этот альбом они не получат. Мы его выпускать не будем.

Я понимал, что альбом плох. Если бы мы не остановились и не прослушали работу, пластинка получилась бы ужасной. Как мы хорошо знали, можно загубить прекрасный альбом во время сведения, Это все равно что взять прекрасный фильм и загубить его при монтаже. Вам просто необходимо иметь достаточно времени. Некоторые вещи нельзя делать в спешке.

Люди из компании, как водится, покричали, но потом успокоились. Они тоже все понимали; просто я первый об этом заговорил. В конце концов я понял, что придется переделывать все и сводить альбом заново.

Мы взяли несколько выходных, отдышались и вновь принялись за работу. Мы освежились, прочистили уши и начали прорабатывать по две песни в неделю. Когда все было закончено — мы поразились. В Си-Би-Эс разницу тоже уловили. «Триллер» был очень сложным предприятием.

Я был на седьмом небе, когда мы закончили. Я сгорал от нетерпения и не мог дождаться выхода пластинки. Никакого торжества по случаю окончания работы не было. Мы не отправились на дискотеку и не стали устраивать ничего в таком роде. Просто отдыхали. В любом случае, мне нравится быть в окружении людей, которых я действительно люблю. Для меня это лучший праздник. Три видеоклипа «Билли Джин», «Надо победить» и «Триллер», появившиеся после «Триллера», были частью моей концепции альбома. Я стремился представить музыку как можно более визуально. В то время я следил за тем, что делалось в области видео, и не понимал, почему там так много примитивности и серости. Я видел, что подростки смотрят и воспринимают скучные видеоклипы, поскольку у них нет выбора. Моя же цель — делать самое лучшее, на что я способен во всех областях, Какой смысл отдавать все силы работе над альбомом, чтобы выпустить потом ужасный видеоклип? Мне хотелось, чтобы мой видеоклип приклеил зрителя к телевизору, чтобы ему хотелось просматривать его еще и еще. Изначально

идея была дать качественную продукцию. Мне хотелось стать первооткрывателем в этой относительно новой области, сделать самые лучшие короткие видеофильмы, на которые мы способны. Я даже не хочу их называть видеоклипами. На съемочной площадке я объяснил, что мы снимаем фильм, именно такой был подход. Мне хотелось собрать самых талантливых в этом деле людей — лучшего кинематографиста, лучшего режиссера, лучших осветителей. Мы снимали не на видеокассету, а на 35-миллиметровую пленку. Мы были настроены серьезно.

Перед съемками первого видеоклипа «Билли Джин» я поговорил с несколькими режиссерами. Большинство из них не предложили ничего по-настоящему нового. Пока я гнался за совершенством, компания ограничила меня в бюджете, Поэтому в итоге я решил сам финансировать запись «Надо победить» и «Триллер», поскольку не хотел ни с кем спорить из-за денег. В результате оба фильма принадлежат мне.

«Билли Джин» была снята на деньги Си-Би-Эс — приблизительно за 250 000 долларов. В то время это было очень дорого, но мне особенно приятно, что они в меня поверили. Стив Бэйрои, режиссер «Билли Джин», был полон творческих идей, хотя сначала он не был согласен с тем, чтобы включить в клип танцы. Я считал по-другому. Это был прекрасный танец для видео. Чего стоит леденящий душу момент, когда я застыл на кончиках пальцев. Это получилось спонтанно; как и многие другие движения.

Клип «Билли Джин» произвел сильное впечатление на зрителей музыкального телевидения Эм-Ти-Ви и стал выдающимся хитом.

Режиссером «Надо победить» был Боб Джиральди, снявший много рекламных роликов. Помню, я был в Англии, когда было решено, что «Надо победить» станет следующим синглом, выбранным из «Триллера». Нам нужен был режиссер.

Мне казалось, что «Надо победить» должна восприниматься буквально по текстовке: помню рассказ о том, как одна уличная банда жестоко сражается с другой. Это следовало сделать без прикрас. В этом суть песни «Надо победить».

Вернувшись в Лос-Анджелес, я просмотрел демонстрационную кассету Боба Джиральди. И понял, что именно такой режиссер мне нужен. Мне нравилось, как он закручивает сюжет, и я поделился своими планами о «Надо победить», Мы поговорили, обменялись мнениями и приступили к съемкам. Мы обыгрывали сюжет, придумывали новые сценки, и в итоге получился совершенно новый замысел.

Мы собрали самых крутых бандитов со всего Лос-Анджелиса

и подключили их к работе над видеоклипом. Это была хорошая идея. Ребята были действительно крутые, здоровые, и им не нужен был грим и костюмы. Они были настроены решительно. Они не были актерами. Все было настоящее.

Не так уж часто я встречался с по-настоящему крутыми людьми и поначалу эти парни внушали мне страх. Но рядом были агенты службы безопасности, и мы были готовы ко всему. Конечно, вскоре мы поняли, что все это лишнее, что «бандиты» на самом деле застенчивые, приятные в общении и добрые ребята. В перерывах мы их кормили, а они все убирали и уносили на подносах. Я понял, что, стремясь казаться «плохими» и «крутыми», они на самом деле хотят лишь самоутвердиться. Они хотели, чтобы их заметили и уважили, а ведь мы собирались показать их по телевидении. Они были в восторге. — Эй, взгляни на меня, я что-то значу!

Мне кажется, вот в чем причина вызывающего поведения большинства банд. Это мятежники — но мятежники, добивающиеся внимания и уважения. Как и все мы, они хотят, чтобы их заметили. И я им этот шанс предоставил.

Они ко мне великолепно относились — вежливые, тихие, готовые помочь. После танцевальных номеров они хвалили мою работу, и я видел, что они говорят от всего сердца. Они охотились за автографами и часто стояли около моего вагончика. Я давал им, что бы они ни попросили: фотографии, автографы, билеты на турне «Победа». Это были очень милые ребята.

Суть этой работы особенно ярко проявилась на экране. Видеоклип «Переплюнь-ка» источал тревогу, явственно исходящую от этих персонажей. Чувствовалось, что это настоящие дети улицы, а не актеры. Вы ни минуты не сомневаетесь, что перед вами крутые парни. Они настоящие, и это сразу было видно.

Когда впервые появился «Триллер», компания предполагала продать пару миллионов пластинок. Как правило, компании не верят, что новый альбом разойдется намного лучше, чем предыдущий. Им кажется, что либо вам в прошлый раз повезло, либо проданное количество пластинок представляет собой предельный размер вашей аудитории. Обычно в магазины отправляются несколько миллионов дисков в надежде, что вам случайно опять повезет.

Так это обычно и происходит, но мне хотелось изменить их отношение к «Триллеру».

Один из людей, помогавших мне с «Триллером», был Фрэнк Дилео. Фрэнк, когда я с ним познакомился, был вице-президентом по рекламе в «Эпике». Наряду с Роном Вейнэром и

Фредом Деманном Фрэнк превратил воплощение моей мечты о «Триллере» в реальность. Впервые Фрэнк услышал отрывки из «Триллера» в «Уэст-лейк Стьюдиос» в Голливуде, где была записана большая часть альбома. Он там был с Фредди Деманном, одним из моих менеджеров, и Куинси, и я играл для них «Надо победить» и небольшой отрывок из «Триллера», над которым мы все еще работали. На них это произвело большое впечатление, и мы начали серьезно говорить о возможности широкой раскрутки альбома.

Фрэнк трудился в поте лица и на многие годы стал моей правой рукой, Его потрясающее знание индустрии пластинок оказалось бесценным. К примеру, мы выпустили «Надо победить» как сингл в то самое время, когда «Билли Джин» все еще занимала первое место. В Си-Би-Эс вскричали: — Вы сошли с ума. Это погубит «Билли Джин». Но Фрэнк попросил их не беспокоиться, заверив, что обе песни займут первые места и обе попадут в 10 лучших песен одновременно. Так и случилось.

К весне 1983 года стало очевидно, что альбом ожидает бешеный успех, превосходящий все расчеты. После выпуска каждого очередного сингла, уровень продажи альбома поднимался все выше.

Затем появился видеоклип «Надо победить». 16 мая 1983 года я исполнял «Билли Джин» в телеконцерте в честь двадцатипятилетия «Мотаун». Это шоу смотрели почти пятьдесят миллионов зрителей. После этого многое изменилось.

Представление «Двадцать пять лет «Мотаун» на самом деле было записано месяцем раньше, в апреле. Полностью название звучало как «Двадцать пять лет «Мотаун»: вчера, сегодня и навсегда». Надо заметить, что меня пришлось уговаривать участвовать в нем. Я рад, что в конечном итоге выступил в шоу, поскольку с ним связаны одни из самых счастливых моментов в моей жизни.

Как я уже упоминал раньше, я первоначально сказал «нет» самой затее. Меня попросили появиться в составе «Джексонов», а затем исполнить собственный танцевальный помер. Но никто из нас уже не был артистом «Мотаун». Потянулись бесконечные споры между мной и моими менеджерами, Вейнэром и Деманном. Я знал, сколько Берри Горди сделал для меня и для группы, но сообщил своим менеджерам и в «Мотаун», что не хочу появляться на телевидении. У меня в целом отрицательное отношение к телевидению. В конце концов Берри пришел ко мне, чтобы все обсудить. Я сводил «Надо победить» в студии «Мотаун», и, должно быть, кто-то ему сказал, что я нахожусь в здании. Он спустился в студию и рассказал мне о всех подробностях. Я

сказал:

— Ну ладно, но если я выступлю, то хочу исполнить «Билли Джин».

Во всем шоу это была единственная песня, не имевшая отношения к «Мотаун». Он мне ответил, что именно это от меня и ожидал услышать. Так мы договорились сделать попурри «Джексонов» с участием Джермейна.

Я собрал братьев и начал репетиции, Я серьезно с ними поработал, и это было приятно, поскольку напоминало былые дни «Пятерки Джексонов». Я поставил для них хореографию и несколько дней репетировал и нашем доме в Энчино, записывая на видео каждую репетицию, чтобы потом посмотреть на «свежий взгляд». Джермейн и Марлон также внесли свой вклад. Затем мы отправились в отделение «Мотаун на репетиции. Мы исполнили наш номер, и хотя берегли силы и полностью не выкладывались, всем нам аплодировали. Затем я репетировал «Билли Джин». Я просто прошелся вскользь, поскольку ничего еще не придумал. У меня не было времени, так как я был очень занят репетициями с группой.

На следующий день я позвонил своим менеджерам и попросил:

— Пожалуйста, закажите мне шпионскую шляпу, что-нибудь вроде «федоры» — что-нибудь, что носят тайные агенты.

Мне хотелось чего-нибудь зловещего и особенного, шляпу с низко опущенными полями, Я до сих пор плохо представлял себе, что собираюсь сделать с «Билли Джип».

Во время записи «Триллера» я как-то нашел черный пиджак и сказал:

— Знаете, когда-нибудь я надену его на концерт.

Это был замечательный и очень эффектный пиджак, так что я надел его на двадцатипятилетие «Мотаун».

За ночь до записи я все еще не знал, что собираюсь делать со своим сольным номером. И вот я спустился на кухню нашего дома и стал напевать «Билли Джин». Громко. Я был там один за ночь до представления, просо стоял, прислушиваясь к тому, что мне подскажет песня. В некотором роде танец создавался сам по себе. У меня было подлинное общение с музыкой; под зарождающийся ритм я надел шпионскую шляпу и начал изображать позы и па, позволяя «Билли Джин» диктовать движения. Практически я позволил танцу родиться самому. Я некотором роде уступил песне дорогу и пропустил танец вперед — мне оставалось лишь пуститься за ним вдогонку.

Я тем не менее репетировал некоторые па и движения, хотя большая часть концерта были фактически спонтанной. Уже

некоторое время я репетировал «мунуок», и на нашей кухне меня осенило, что я, наконец, смогу продемонстрировать это движение публике на праздновании двадцатипятилетия «Мотаун».

К этому времени мунуок уже появился на улицах, но в моем исполнении немного усложнен. Он родился как движение брейк-данса, этакая «ломкая» штучка, созданная черными ребятишками, танцевавшими на перекрестках улиц в гетто. Чернокожие поистине изобретательные танцоры; они создают много новых танцев, чистых и простых. И вот я сказал;

— Вот мой шанс станцевать мунуок, — и я станцевал. Меня ему научили три парня. Они мне показали основу — и я продолжал заниматься самостоятельно. Я его репетировал наряду с другими движениями. В чем я был точно уверен, так это в том, что буду двигаться одновременно вперед и назад, как бы гуляя по Луне.

В день записи в «Мотаун» не укладывались в расписание. Опаздывали. Так что я отошел в сторону и стал репетировать сам. К тому времени у меня уже была шпионская шляпа. Братьям хотелось узнать, зачем она нужна, но я им посоветовал подождать до поры до времени. Но Нельсона Ханса я попросил об одолжении.

— Нельсон, после номера с братьями, когда погаснут огни, подбрось мне тихонько в темноте шляпу. Я буду в углу, рядом с кулисами, общаться с публикой, а ты просунь шляпу туда и вложи мне в руку.

И вот после нашего с братьями выступления я подошел к углу сцены и сказал:

— Вы прекрасны! Хотелось бы мне, чтобы прошлое вернулось. С моими братьями у нас были волшебные моменты, и с Джермейном тоже. Но что мне по-настоящему нравится (и тут Нельсон просовывает мне в руку шляпу) — так это новые песни.

Я резко повернулся, схватил шляпу и начал двигаться в жестком ритме «Билли Джин»; я видел, что зрителям очень нравится. Братья сказали, что они толпились в кулисах, наблюдая за мной с открытыми ртами, а родители и сестры сидели в зале. Но я только помню, как открыл глаза в конце и увидел поднимающееся, аплодирующее море народа. Меня переполняли противоречивые чувства. Я знал, что выложился целиком, и мне было хорошо, очень хорошо. Но в то же время я чувствовал внутреннее разочарование. Мне хотелось просто стоять, замереть там, но получилось не совсем так, как я задумывал. Когда я зашел за кулисы, меня бросились поздравлять. Я так старался, и мне всегда хочется все сделать лучше. В то же время я знаю, что это было одно из самых счастливых мгновении в моей жизни. Я знал,

что впервые братья смогли увидеть меня и посмотреть, чем я занимаюсь, чего я достиг. После выступления каждый из них обнял и расцеловал меня за кулисами. Они никогда этого не делали, и я был счастлив за всех нас. Было так замечательно, когда они меня вот так расцеловали. Мне очень понравилось! Ну, я имею в виду, мы постоянно обнимаемся, Все мы в семье часто целуем друг друга, за исключением отца. Он единственный не целуется. Когда бы мы ни встречались, мы целуемся, но когда они меня целовали в тот вечер, у меня было такое чувство, будто меня благословляли.

Выступление все еще угнетало меня, и я не чувствовал себя удовлетворенным до тех пор, пока один малыш не подошел ко мне за кулисами. Ему было около десяти лет, и он был одет во фрак. Когда он смотрел на меня, его глаза блестели. Застыв на месте, он произнес:

— Ну и ну, кто же тебя так научил танцевать?

Я рассмеялся и сказал:

— Наверное, тренировка.

Этот парнишка смотрел на меня заворожено. Я ушел и впервые за вечер почувствовал настоящее удовлетворение. Я сказал себе, должно быть, я в самом деле неплохо выступил, потому что дети не врут. Когда мальчик это сказал, я реально ощутил, что хорошо поработал. Меня все так поразило, что я отправился сразу домой и записал происшедшее той ночью.

На следующий день после двадцатипятилетия «Мотаун» мне позвонил Фред Астер, Он сказал — это его точные слова: «Ну, эта твоя походка — вчера ты всю публику с ног свалил». Вот что мне сказал Фред Астер. Я поблагодарил его. Тогда он произнес:

— Ты злой танцовщик, и я такой же. В свое время я проделывал то же самое со своей тросточкой.

Я встречал его пару раз до этого, но в этот раз он впервые позвонил мне. Он продолжал:

— Я смотрел вчера передачу; я записал ее на кассету и просмотрел снова сегодня утром. О, эта твоя походка!

Это самый замечательный комплимент, который мне когда-либо делали. Такие слова Фреда Астера, обращенные ко мне, значили для меня больше, чем что-либо другое. Позже мое выступление выдвинули к награде «Эмми» в категории музыки, но я проиграл Леонтину Прайсу. Фред Астер сказал мне то, чего я никогда не забуду — это было моей высшей наградой. Позже он пригласил меня к себе домой и продолжал награждать меня комплиментами, пока не смутил меня окончательно. Он разобрал мое выступление «Билли Джин» шаг за шагом. Великий хореограф Гермес Пен, ставивший танцы Фреда в фильмах.

Присоединился к нам, и я им показал, как танцевать мунуок.

Вскоре после этого ко мне домой пришел Джин Келли и также сказал, что ему нравится, как я танцую. Удивительное событие это шоу, так как я почувствовал, что принят в неофициальное братство танцовщиков, это было для меня тем более высокой честью, что этими людьми я восхищался больше всего на свете.

Сразу после двадцатипятилетия «Мотаун» моя семья прочла к газетах о там, что я «второй Синатра» и «могу трогать сердца, как Элвис», — ну и так далее. Это было приятно слышать, но я знал, что пресса переменчива. Сегодня они тебя любят, а завтра не будут замечать тебя.

Позже я подарил блестящий черный пиджак, в котором выступал на двадцатипятилетии «Мотаун», Сэмми Дэвису. Он сказал, что собирается сфотографировать меня на сцене, а я ответил:

— Вот, накинь, пока будешь снимать.

Он был так счастлив. Я люблю Сэмми. Он хороший человек и настоящий эстрадник. Один из лучших.

Я носил одну перчатку уже несколько лет до появлении «Триллера». Носить две перчатки казалось заурядным, а одна перчатка — это были необычно и, безусловно, создавало образ. Я был долго убежден, что слишком много думать о собственной внешности — одна из самых больших ошибок, поскольку стиль артиста должен разнизаться естественно, спонтанно. Нельзя думать об этом; нужно почувствовать свое направление в моде.

На самом деле я носил перчатку довольно давно, но она не привлекала особого внимания до ее внезапного появления к «Триллере» в 1983 году. Я надевал ее во время нескольких ранних турне еще в 70-е годы и был в одной перчатке во время турне «Слезай со стены» и на обложке вышедшего потом концертного альбома.

Одна перчатка очень типична для шоу-бизнеса. Мне очень нравится носить ее. Однажды, по совпадению, я надел черную перчатку на церемонию вручения награды «Американ Мьюзик», случайно наложившуюся на годовщину со дня рождения Мартина Лютера Кинга. Забавно как иногда случается.

Должен заметить, что мне нравится быть родоначальником новых направлении, но я не мог представить, что приживутся мои белые носки. Не так давно носить белые носки считалось крайне неприличным. Они были к моде в пятидесятые годы, но в шестидесятых и семидесятых в белых носках даже в гроб не клали. Даже думать об этом считалось слишком примитивным — для большинства людей.

Но я так и не перестал их носить. Мне было все равно. Мой брат Джермейн расстраивался и звонил маме:

— Мама, Майкл опять в своих белых носках. Ты можешь что-нибудь сделать? Поговори с ним.

Он горько сожалел. Все они говорили, что и болван. Но я продолжал носить белые носки, и теперь они снова в моде, Эти белые носки ужасно злили Джермейна. Я очень веселюсь, вспоминая об этом. После выхода «Триллера» в порядке вещей стало даже закатывать штанины.

Я преисполнен решимости носить то, что запрещено модой.

Дома я не люблю наряжаться. Я ношу все удобное. Раньше я целыми днями ходил в пижаме. Мне нравятся фланелевые рубашки, старые свитера и слаксы, простая одежда.

Когда я выхожу в свет, я одеваюсь модно, ярко, в более фасонную одежду, но дома и но студии все сойдет. Я не ношу много драгоценностей — как правило, никаких, — поскольку они мне мешают. Зачастую люди дарят мне драгоценности, и я храню их как знак внимания, но обычно просто куда-нибудь убираю. Что-то уже пропало. Джеки Глизпи подарил мне прекрасное кольцо. Он снял его с пальца и отдал мне. Его украли, и мне его не хватает, но я особенно не волнуюсь, поскольку сам жест значил больше, чем что-либо другое, а этого у меня не отнимут. Кольцо ведь только вещь.

Подлинную радость доставляет мне работа на сцене и творчество. И меня вовсе не волнуют материальные вещи. Мне нравится вкладывать душу во что-то, что люди воспринимают и любят. Это замечательное чувство.

За это я люблю искусство. Я великий почитатель Микеланджело и того, как он вкладывал душу в свою работу. Он знал, что смертен, но что его работа будет жить вечно. Сразу видно, что своды Сикстинской капеллы он расписывал своим сердцем. Однажды он все уничтожил, чтобы начать заново, потому что стремился к совершенству. Он сказал:

— Если вино прокисло, вылейте вино.

Я могу смотреть на картину и забываться. Пафос и драма затягивают тебя внутрь. Она общается с тобой. Тоже я чувствую в отношении фотографии. Проницательный и талантливый фотограф может многое выразить.

Как я уже говорил, в моей жизни после «Мотаун-25» произошло много перемен. Нам сказали, что сорок пять миллионов человек видели это шоу, и, наверное, многие купили после этого «Триллер». С осени 1983 года было продано восемь миллионов экземпляров этого альбома, что значительно превысило ожидания Си-Би-Эс, рассчитывавшей на определенный

успех после выхода «Слезай со стены». Вот тогда Фрэнк Дилео сказал, что хотел бы сделать вместе еще одно видео или короткометражку. Нам было ясно, что следующей пластинкой должен быть «Триллер», который дает достаточно материала талантливому режиссеру для постановки. Как только решение было принято, я уже знал, с кем из режиссеров мне хотелось бы работать. За год до того я видел фильм ужасов под названием «Американский оборотень и Лондоне», и я понимал, что Джон Лендис, поставивший его, отлично подойдет для «Триллера»: мы считали, что такого же рода трансформации, какие претерпевает его герой, должны происходить и в нашем фильме.

Итак, мы связались с Джоном Лендисом и попросили его быть режиссером. Он согласился, и мы приступили к работе. Однако техническая сторона съемок потребовала таких затрат, что мне вскоре позвонил Джон Бранка, мой поверенный и один из самых близких и наиболее ценимых мною советчиков. Джон работал со мной со времен съемок «Слезай со стены» — собственно, он выручал меня и когда вышел «Триллер», выступая во многих ипостасях. Он из тех способных, даже талантливых людей, мастер на все руки. Словом, Джон был в панике, так как ему стало ясно, что первоначальный бюджет для «Триллера» придется удвоить. Я оплачивал эту антрепризу сам, так что удваивать бюджет мне надо было из своего кармана.

Но тут у Джона возникла замечательная идея. Он предложил сделать видеофильм о съемках «Триллера», который финансировал бы кто-то другой. Это звучало странно: до сих пор такого никто не делал. Мы уже решили, что это будет интересный документальный фильм, который в то же время поможет нам покрыть затраты на съемки основного фильма. Джону не потребовалось много времени, чтобы все утрясти. Он договорился с Эм-Ти-Ви и с кабельным телевидением «Шоутайм» о финансировании, и видео было выпушено Вестерном вслед за «Триллером».

Успех «Снимаем «Триллер» был для нас полной неожиданностью. Видео разошлось в количестве около миллиона экземпляров. И по сей день «Снимаем «Триллер» бьет все рекорды по спросу.

Фильм «Триллер» был готов в конце 1983 года. Мы выпустили его в феврале, премьера состоялась на телестанции Эм-Ти-Ви. «Эпик» выпустила отдельные пластинки «Триллер», а также альбом, который шел буквально «с колес». Судя по статистике, фильм «Триллер» и пластинки были распроданы на полгода в количестве четырнадцати миллионов экземпляров. Был такой период в 1984 году, когда наши пластинки расходились по

миллиону в неделю.

Я до сих пор не могу опомниться от такого успеха. К тому времени, когда мы годом позже свернули кампанию по продаже «Триллера», альбом разошелся в количестве тридцати двух миллионов экземпляров. Сейчас распродано уже сорок миллионов. Мечта сбылась.

В ту пору я сменил и своего импресарио. Мой контракт с Уайзнером и Деманном истек в начале 1983 года. Отец больше не представлял моих интересов, и я стал искать подходящего человека. Однажды я был у Фрэнка Дилео в отеле «Беверли-Хиллз» и спросил его, не хотел бы он расстаться с «Эпиком» и стать моим импресарио.

Фрэнк попросил меня подумать и, если я не передумаю, позвонить ему в пятницу.

Само собой, я ему позвонил. Успех «Триллера» пришелся на 1984 год, когда альбом был выдвинут на несколько премий «Американской музыки» и премию «Грэмми». Помню, меня захлестнула волна счастья. Я вопил от радости и кружился в пляске по всему дому. Когда подтвердилось, что такой широкой продажи не знал еще ни один альбом, я просто не мог этому поверить. Куинси Джонс воскликнул: «Откройте шампанское!» Мы все точно рехнулись. Ух ты! До чего же здорово! Хорошенько над чем-то поработать, выложиться и — преуспеть! Все, кто имел хоть какое-то отношение к «Триллеру», буквально ходили по воздуху. Это было чудесно. Я не думал, что так, видимо, чувствует себя марафонец, когда разрывает ленточку финиша. Я представлял себя атлетом, бегущим изо всех сил — так быстро, как только можно. Наконец ты у финишной ленточки, грудь твоя касается этой ленточки, и толпа ревет, приветствуя тебя. А ведь я даже не спортсмен! Но я сравниваю себя с бегуном, потому что знаю, как упорно он тренировался, и знаю, что значит для него это мгновение. Возможно, он всю жизнь принес в жертву этому мигу, этому движению. И выиграл. Это значит — сбылась мечта. Это очень сильное чувство, И я могу разделить его, потому что знаю, что это такое.

Одним из последствий успеха «Триллера» было то, что я устал от постоянного внимания публики. Это привело к тому, что и решил вести более спокойную, уединенную жизнь. Я все еще стеснялся своей внешности. Нельзя забывать, я ведь был «ребенком-звездой», а когда ты растешь на глазах у публики, люди не хотят, чтобы ты менялся, становился старше и выглядел иначе. Когда я только стал известен, я был еще по-детски пухлым, и у меня было очень круглое толстощекое лицо. Я оставался таким, пока несколько лет тому назад не изменил диету и не

перестал есть говядину, курятину, свинину и рыбу, а также пищу, способствующую ожирению. Мне просто захотелось лучше выглядеть, лучше жить и чувствовать себя здоровее. Постепенно я начал терять к весе, мое лицо приняло нынешние очертания, и пресса стала нападать на меня за то, что я-де сделал себе косметическую операцию, хотя я изменил только нос, что делают многие актеры и кинозвезды. Журналисты же брали какую-нибудь мою старую фотографию юношеских лет или школьного возраста и сравнивали с сегодняшней. На старой фотографии у меня круглое пухлое лицо, Причесан я в африканском стиле, и снята фотография, как правило, при плохом освещении. А на новой фотографии лицо у меня гораздо старше, более зрелое. Я ношу другую прическу, и у меня другой нос. Да и освещение на последних фотографиях — идеальное. Так что не очень честно делать подобные сравнения. Журналисты утверждают, что я переделал всю костную структуру лица. Странно, как это люди могут прийти к такому заключению, да и потом — очень это несправедливо.

Операцию на носу делали себе и Джуди Гарланд, и Джим Харлоу, и многие другие. Моя беда в том, что люди привыкли видеть меня другим — таким, каким я был «ребенком-звездой». Мне хотелось бы раз и навсегда покончить с этими разговорами, Я никогда ничего не делал ни со своими щеками, ни со своими глазами. Я не утончал губы и не сводил кожу. Утверждения об обратном просто нелепы. Если бы это было правдой, я бы так и сказал, но это неправда. Я дважды менял форму носа и недавно добавил ямочку на подбородке, но это все, точка. И мне наплевать, что говорят, — это мое лицо, и я сам знаю, какое оно.

Я стал вегетарианцем и значительно похудел. Уже многие годы я придерживаюсь строжайшей диеты. И чувствую себя как никогда хорошо, гораздо более здоровым и полным сил. Я просто не понимаю, почему прессе так нравится судачить о моей внешности, Ну какое отношение имеет мое лицо к моей музыке и танцам?

На днях кто-то спросил меня, счастлив ли я. И я ответил: «По-моему, я никогда не бываю вполне счастлив». Я принадлежу к людям, которых трудно удовлетворить, но в то же время я понимаю, за сколь многое я должен быть благодарен судьбе, и я действительно ценю то, что я здоров, что меня любят мои родные и друзья.

Меня легко смутить. В тот вечер, когда я получал восемь премий «Американской музыки», я принимал их в темных очках, и церемония передавалась по телевидению. Кэтрин Хепберн позвонила мне и поздравила, но отругала за очки. «Ваши

поклонники хотят видеть ваши глаза, — выговаривала она мне. — Вы обманываете их ожидания». В следующем месяце — феврале 1984 года — «Триллер» получил семь премий «Грэмми», и похоже, что должен был получить и восьмую. Весь вечер я выходил на сцену за премиями в темных очках, А под конец, когда «Триллер» получил премию «За лучший альбом», я поднялся на сцену, снял очки и посмотрел прямо к камеру.

— Катрин Хепберн, — сказал я, — это — для вас.

Я знал, что она смотрит меня по телевизору, и она действительно смотрела. Надо же иногда и развлечься.

Глава 6
Тебе нужна только любовь

Я предполагал провести большую часть 1984 года, работая для кино, но от этих планов пришлось отказаться. Для начала в январе, снимаясь с братьями в рекламе пепси-колы, я чуть не сгорел. Пожар начался по чистой глупости. Мы снимались ночью, и я должен был спускаться по лестнице, держа в руках магниевые вспышки, которые должны были вспыхнуть по обе стороны от меня, чуть за спиной. Все казалось очень просто. Я иду вниз по лестнице, а огонь вспыхивает позади меня. Мы сделали несколько проб, на редкость удачных. Световой эффект от вспышек был отличный. Только позже я обнаружил, что магний — вопреки правилам безопасности — вспыхивал всего в двух футах от моей головы. И я должен был стоять между этих огней.

Тут Боб Джиральди, режиссер, подходит ко мне и говорит: — Майкл, ты слишком рано начинаешь спускаться. Мы хотим видеть тебя там, наверху лестницы. И запечатлеть тебя там, когда вспыхивают огни, так что задержись немножко.

Я и задержался, огни вспыхнули с обеих сторон, и от искр загорелись волосы. Я же, пританцовывая, спускался по лестнице, кружился и крутился, понятия не имея, что горю. Потом я, видно, что-то почувствовал, потому что руки сами поднялись к голове. Я понял, что горю, и упал, пытаясь сбить пламя. Тут Джермейн обернулся и увидел, что я лежу на земле. А так как перед этим раздался треск вспышек, он решил, что в меня кто-то выстрелил из толпы, потому что мы снимались перед большим скоплением публики. Во всяком случае, так ему показалось.

Мой охранник, Мико Брандо, первым подскочил ко мне. И тут начался кошмар. Все словно с ума посходили. Никаким фильмом невозможно воспроизвести то, что творилось в ту ночь. Публика вопила, кто-то кричал: «Тащите лед!» Кто-то куда-то бежал. Люди орали: «Нет, нет!» Примчалась машина «скорой помощи», И когда меня в нее несли, я увидел чиновников компании «Пепси», сгрудившихся в углу, — вид у них был перепуганный. Помню, медики укладывали меня на носилки, а ребята из «Пепси» даже не подошли, до тот они были перепуганы.

Сам я находился в какой-то прострации, несмотря на ужасную боль. Смотрел на все будто со стороны. Мне сказали потом, что я был в шоке, но я отлично помню, как ехал в больницу, потому что в жизни не думал, что когда-нибудь меня повезут в машине «скорой помощи» с воющими сиренами. В

юности мне всегда хотелось прокатиться таким образом. Когда мы подъехали к больнице, мне сказали, что у дверей уже собрались корреспонденты, и я попросил дать мне перчатку. Есть фотография, как я лежу на носилках и машу перчаткой.

Потом один из врачей сказал мне, что я чудом остался жив. Один из пожарных заметил в больнице, что в подобных случаях нередко загорается одежда. Может обгореть лицо, и человек вообще может сгореть заживо. Вот так-то. У меня были ожоги третьей степени — кожу прожгло почти до костей, так что заживление проходило нелегко, но мне, конечно, повезло очень.

Теперь-то мы знаем, что этот инцидент создал огромную рекламу компании «Пепси». Продажа пепси сразу пошла в гору. Представители компании пришли ко мне и предложили самое большое вознаграждение за всю историю рекламного дела. Гонорар был настолько велик, что вошел в «Книгу рекордов Гиннесса». Я сделал для «Пепси» еще одну рекламу под названием «Малыш» и немного досадил им, отказавшись участвовать в съемках, на которых они настаивали, так как считал, что они не сработают. Впоследствии, когда реклама оказалась очень удачной, представители компании сказали, что я был прав.

Я до сих пор помню, как были напуганы сотрудники «Пепси» в ночь пожара. Они думали, что теперь, когда американские ребята будут пить пепси, они будут вспоминать, как я горел, и им это отравит все удовольствие. Кроме того, сотрудники «Пепси» понимали, что я могу подать на них в суд, да и я мог бы — просто оказался шляпой. Самой настоящей шляпой. Мне тогда заплатили 1 500 000 долларов, которые я тут же передал Центру для обожженных имени Майкла Джексона, Мне хотелось что-то сделать для других обожженных, которых я видел в больнице, — так мне было их жаль.

За этим последовало турне «Виктори». За пять месяцев мы с братьями выступили пятьдесят раз.

Мне не хотелось ехать в это турне, и я сопротивлялся. Я считал, что разумнее остаться дома, но братья настаивали, и я поехал ради них. И сказал себе, что раз уж я в это ввязался, то должен вложить в исполнение всю душу.

В начале турнира многие мои предложения были отклонены, но когда ты выходишь на сцену, то уже не думаешь, как надо играть, — играешь и все, а я решил в этом турне вкладывать в каждое выступление всего себя. Я надеялся, что на меня придут смотреть даже те, кому я не нравлюсь. Я надеялся, что они услышат о нашем шоу и захотят его посмотреть. Мне хотелось, чтобы разговоры о шоу пошли как можно шире, и как можно

больше народу пришло нас смотреть. Разговоры — лучшая реклама. Ничто с ними не сравнится если кто-то, кому я доверяю, приходит ко мне и что-то хвалит, — я покупаюсь. Я чувствовал свою власть над публикой. Я был словно на вершине мира. Я был преисполнен решимости. Этим турне я как бы говорил: «Мы — высокая гора. И мы пришли приобщить вас к нашей музыке. У нас есть что сказать». В начале шоу нас поднимали на трапе из-под сцены, и мы потом спускались на нее по ступеням. Увертюра была волнующей и яркой, и мы сразу завладевали вниманием публики. Когда вспыхивали огни и зрители видели нас, поднимался такой шум, что казалось, рухнет крыша.

Мне приятно было снова выступать с братьями. Мы как бы заново переживали те дни, когда выступали группой «Пятерка Джексонов» и «Джексоны». Мы снова были все вместе. Вернулся Джермейн, и мы были на гребне популярности. Такого большого турне еще не было ни у одной группы, причем мы выступали на открытых стадионах. Но я с самого начала был разочарован. Мне хотелось взволновать мир так, как это еще никто никогда не делал, мне хотелось поковать что-то такое, чтобы люди сказали: «У-у! Вот здорово!»

В нашем шоу в этом турне я делал речитатив, и публика вторила мне. Я говорил: «Да-ди, да-ди», и зрители повторяли: «Да-ди, да-ди». Случалось, я это говорил, а они начинали топать. А когда весь зал топает, кажется, будто началось землетрясение. Ох, до чего же здорово, когда ты можешь так завести всех этих людей — целый стадион, и они делают то же, что делаешь ты. Ничего сильнее этого чувства в мире нет. Ты смотришь в публику и видишь совсем маленьких ребятишек, подростков, дедушек с бабушками, двадцатилетних, тридцатилетних. И все раскачиваются, все подняли руки, все поют. Ты просишь, чтобы включили счет, и ты видишь все эти лица, и ты говоришь: «Возьмитесь за руки», и они берутся за руки, и ты говоришь: «Встаньте» или «Хлопайте» и они делают то, что ты говоришь. Им хорошо, и они сделают все, что бы ты ни сказал. Им это нравится, и это так прекрасно, когда люди разных народов делают что-то вместе. В такие минуты я говорю себе: «Посмотри вокруг. А теперь посмотри на себя. Смотри. Смотри вокруг. Смотри, что ты сделал». О, это так прекрасно. Такая в этом сила. Незабываемые минуты.

Во время турне «Виктори» я появился перед аудиторией впервые со времен «Триллера», который вышел за два года до этого. Реакция бывала самая странная. Скажем, я сталкивался с людьми в коридоре, и они говорили: «Нет, это не он. Он же не может здесь оказаться». Меня это огорошивало, и я спрашивал

себя: «А почему, собственно? Я же тут, на земле. Я ведь должен где-то быть. Почему не здесь?» Есть фанаты, которые считают тебя чуть ли не фантомом, чем-то бесплотным. И когда они тебя видят, им кажется, что это призрак или мираж. Мне случалось встречать поклонников, которые спрашивали, хожу ли я в уборную. Меня это смущает. Зрители приходит в такое возбуждение, что перестают сознавать, что ты такой же, как они. Правда, я могу это понять, потому что и у меня, наверное, было бы такое же чувство, если бы я встретил Уолта Диснея или Чарли Чаплина. Турне «Виктори» начиналось в Канзас-Сити. Там было наше первое выступление. Вечером мы шли мимо бассейна нашего отеля, и Франк Дилео поскользнулся и свалился туда. Все, видевшие это, переполошились. Кое-кто смутился, а я захохотал. Дилео не ушибся, и вид у него был такой удивленный. Мы перепрыгнули через низкую ограду и безо всякой охраны пошли по улице. Люди, казалось, не могли поверить, что мы вот так гуляем среди них.

Потом, когда мы вернулись в отель, Билл Брэй, неизменный начальник нашей охраны, только покачал головой и посмеялся, послушав рассказ о наших приключениях.

Билл — человек очень осторожный и настоящий профессионал, он никогда поволнуется по поводу того, что уже произошло. Он сопровождает меня всюду и порою бывает моим единственным спутником в кратковременных поездках. Я не могу представить себе жизнь без Билла — он теплый и смешной и обожает жизнь. Он великий человек.

В Вашингтоне но время турне мы с Фрэнком стояли как-то на балконе, а он, надо сказать, отличается большим чувством юмора и обожает всякие проделки. Мы поддразнивали друг друга, и я стал вытаскивать из его кармана сотенные банкноты и кидать их вниз прохожим. Внизу началось столпотворение. Фрэнк пытался остановить меня, но мы оба хохотали при этом до упаду. Мне вспомнились наши проделки с братьями ко время турне. А Фрэнк послал вниз наших охранников, чтобы они попытались найти банкноты, которые затерялись в кустах.

В Джексонвилле местная полиция чуть не убили нас — мы столкнулись, когда ехали на стадион, находившийся всего в четырех кварталах от нашего отеля. Когда мы перебрались в другую часть Флориды, на меня неожиданно напала хандра, что, как я писал раньше, бывает со мной во время турне, и я решил подшутить над Фрэнком, Я предложил ему зайти ко мне в номер, а когда он вошел, предложил угоститься дыней, которая лежала на столике в противоположном конце комнаты. Фрэнк пошел взять себе кусочек и споткнулся о моего удава по имени Мускул,

который был тогда со мной. Мускул совершенно безобиден, но Франк терпеть не может змей и заорал, как резаный. Я схватил удава и стал гоняться за ним по комнате. Фрэнк запаниковал, выскочил из комнаты и выхватил у охранника пистолет с намерением пристрелить Мускула. Охранник с трудом утихомирил его. Потом Фрэнк сказал мне, что всерьез намеревался прикончить змею. Я обнаружил, что многие крутые ребята боятся змей.

Во время поездки по Америке мы сидели взаперти в наших отелях — совсем как в прошлом. Мы с Джермейном и Рэнди брались за старые фокусы — наполняли ведра водой и выливали ее с балконов на людей, сидевших в открытых кафе далеко внизу. Мы жили так высоко, что вода, не долетая до земли, превращалась в туман. Все было, как в старые дни — мы изнывали от скуки, запирались в отелях от поклонников и никуда не могли выйти из-за усиленной охраны.

Но бывали и такие дни, когда мы очень веселились. В этом турне у нас было довольно много свободного времени, и мы пять раз устраивали вылазки в Диснейленд. Однажды мы остановились там в отеле, и произошло нечто поразительное. Я этого никогда не забуду. Я стоял на балконе, откуда открывался прекрасный вид. Народу внизу была уйма. Такая густая толпа — не протолкнешься. И вдруг кто-то в этой толпе узнал меня и начал выкрикивать мое имя. И тысячи людей принялись скандировать; «Майкл! Майкл!», эхо разносило это по всему парку. Они скандировали и скандировали, так, что мне пришлось приветствовать их, иначе было бы невежливо. Тогда поднялся настоящий рев, и я сказал: «Ох, до чего же здорово! Как прекрасно!» Это вознаградило меня за все усилия, которые я вложил в «Триллер», за все мои слезы, и мечты, и работу над песнями, за такую усталость, что и чуть не засыпал у микрофона, — вознаградило за все.

Случилось, я приходил в театр посмотреть какую-нибудь пьесу, и все начинали аплодировать. Просто показывали, как рады меня видеть. Я понимаю, что люди ценят меня, и чувствую себя в такие минуты очень счастливым. Значит, недаром я трудился.

Турне «Виктори» первоначально должно было называться «Последний занавес», так как мы понимали, что это будет наше последнее турне вместе. И потом мы решили не делать на этом акцента.

Я получил большое удовольствие от этого турне. Я знал, что оно будет длинным, по под конец оно показалось мне уж слишком затянутым, Самым для меня приятным было то, что

среди публики бывали дети. Каждый вечер я видел шикарно разодетых детишек. И все они были ужасно взволнованы. Дети действительно вдохновляли меня во время турне, — дети всех национальностей и возрастов. Я с детских лет мечтал объединить людей всего мира при помощи музыки и любви. У меня до сих пор мурашки идут по коже, когда я слышу: «Все, что тебе нужно, — это любовь» в исполнении «Битлз». Я всегда мечтал, чтобы эта песня стала гимном всего мира.

Мне понравилось, как мы выступали в Майами, да и вообще все время, что мы там провели. Отлично было и в Колорадо. Некоторое время мы отдыхали на «Карибском ранчо», но совсем недолго. Ну а потом был Нью-Йорк, и это, как всегда, нечто бесподобное. На наши выступления пришел Эммануэл Льюис, а также Йоко, Шин Леннон, Брук и много наших добрых друзей. Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что встречи вне сцены запомнились не меньше, чем сами концерты. Во время этих представлений и обнаружил, что способен вести себя предельно раскованно. Помню, я сбрасывал с свой пиджак, размахивал им и швырял в публику. Костюмеры возмущались, а я вполне откровенно говорил: «Извините, но я просто ничего не могу с этим поделать, не могу сладить с собой, что-то на меня накатывает, и хотя я знаю, что не должен так поступать, но просто не могу с собой сладить. Такая радость, такое чувство общения переполняет тебя, что хочется поделиться всем, что имеешь».

Во время турне «Виктори» мы узнали, что моя сестра Дженет вышла замуж. Все боялись мне об этом сказать, потому что мы с Дженет были очень близки. Я был потрясен, я ведь всегда опекал ее. Маленькая дочка Куинси Джонса сообщила мне эту весть.

У меня всегда были на редкость близкие отношения со всеми тремя моими красавицами сестрами. Латойя поистине удивительный человек. С ней очень легко, и она презабавная. Войдешь к ней в комнату — а сесть на диван нельзя, на кровать — нельзя, по ковру ходить нельзя. Это правда. Иначе она тут же выставит тебя из комнаты. Она хочет, чтобы у нее царил идеальный порядок, Я ей говорю: «Но приходится же иной раз ходить по ковру», а она не хочет, чтобы на нем остались следы. Если ты за столом кашлянул, она тут же прикроет свою тарелку. Если чихнул, — лучше и не думать, что будет. Такая уж она есть. Мама говорит, она сама была такой.

А Дженет — наоборот, заправский мальчишка. Долгое время она была моим лучшим другом в семье. Вот почему меня прямо убила весть о том, что она выходит замуж и уезжает от нас. Нас многое объединяло. У нас были одинаковые интересы,

одинаковое чувство юмора. Когда мы были помоложе, в свободные дни мы, не успев проснуться, составляли программу на день. Обычно это выглядело так: ОДЕТЬСЯ, НАКОРМИТЬ ЖИВОТНЫХ, ПОЗАВТРАКАТЬ, ПОСМОТРЕТЬ МУЛЬТЯШКИ, СХОДИТЬ В КИНО, ПОЙТИ В РЕСТОРАН, СНОВА СХОДИТЬ В КИНО, ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ И ПОЙТИ КУПАТЬСЯ. Это было в нашем представлении прекрасным времяпрепровождением. А вечером мы, бывало, просмотрим список и вспоминаем, сколько мы за день получили удовольствия.

Хорошо было с Дженет: все, что нравилось одному, нравилось другому. Вкусы у нас были одинаковые. Иногда мы читали друг другу. Словом, она была как бы моя двойняшка.

А вот с Латойей мы были совсем разные. Она даже не желала кормить животных — от одного их запаха ей становилось дурно. И никакого кино. Она не понимала, чем меня могли привлекать «Звездные войны» или «Рукопашные схватки», или «Челюсти». Нам нравились прямо противоположные фильмы.

С Дженет же, если она была рядом, а я в этот момент не работал над чем-то, мы не разлучались. Но я понимал, что со временем у нас появятся разные интересы и привязанности. Это неизбежно.

Ее брак, к несчастью, длился недолго, но сейчас она снова счастлива. Я думаю, брак может быть чем-то чудесным, если люди правильно выбирают себе пару. Я верю в любовь — очень даже верю. Как можно в нее не верить, если сам ее испытал? Я верю в человеческие отношения. Я знаю, настанет день, я найду нужную женщину и женюсь. Я часто думаю о том, как хорошо иметь детей, — приятно ведь, когда у тебя большая семья, тем более что я сам вышел из такой. Раздумывая о будущей семье, я хочу, чтобы у меня было тринадцать детей.

А пока работа занимает почти все мое время и требует затраты большей части моих сил. Я все время работаю. Я люблю творить и выдавать новые идеи. Что же до будущего, — «Que sera, sera», — время покажет. Трудно мне будет от кого-то зависеть, но я могу себе это представить. А пока еще столько хочется сделать, и впереди еще столько работы.

Я не могу совсем уж не обращать внимания на критику, которая порой раздается в мой адрес. Журналисты, похоже, готовы сказать что угодно, лишь бы продать свою газету, Они говорят, что я сделал операцию на глазах, чтобы они стали больше и что я хочу стать почти белым. Почти белым? Что за странное заявление! А пластическую хирургию не я выдумал. Она уже давно существует. И много отличных, премилых людей делали пластические операции. Никто не пишет об этом и не

критикует их за это. А потому такая критика несправедлива. Большая часть того, что печатают, сплошной вымысел. Прямо-таки хочется иной раз спросить: «Что произошло с правдой? Она вышла из моды?»

В конечном счете главное — остаться верным себе и тем, кого ты любишь, и работать вовсю. Я хочу сказать: работать так, будто завтра не настанет. Тренироваться. Добиваться. Я имею в виду тренироваться по-настоящему и максимально разрабатывать свой талант. Быть лучшим в том, что ты делаешь. Знать больше в своей области, чем кто-либо другой, живущий на земле, использовать орудие своего ремесла, будь то книги или сцена, на которой ты танцуешь, или вода, в которой плаваешь. Это — твое. И я всегда стараюсь об этом помнить. Много думал я об этом и во время турне «Виктори».

Под конец я почувствовал, что во время этого турне затронул сердца многих. Не вполне в той мере, в какой хотелось бы, но я чувствовал, что это придет потом, когда я стану выступать самостоятельно и сниматься. Все деньги, которые я зарабатывал, я отдавал на благотворительность, включая Фонд для обожженных, созданный мной после пожара на съемках рекламы Пепси-Колы. В тот год мы пожертвовали свыше четырех миллионов долларов. В этом был для меня смысл турне «Виктори» — дать больше людям.

После турне «Виктори» я начал задумываться о своей дальнейшей карьере, продумывая все тщательнее обычного. Из более раннего турне я вынес один урок и все время помнил о нем, когда встречались трудности.

Много лет тому назад у нас было турне, где менеджером был один малый, который обобрал нас, но в то же время кое-чему меня научил. Он сказал мне тогда: «Слушай, те, кто тебя окружает, работают на тебя, а не ты на них. Ведь ты же им платишь».

Он повторял это не раз. И под конец я начал понимать, что он имеет в виду. Это было для меня нечто совершенно новое, потому что в «Мотауне» мы были не хозяева — все делалось за нас. Другие принимали за нас решения. И это давило на психику. «Ты должен быть так-то одет. Ты должен исполнять такие-то песни. Ты идешь сюда. Ты даешь такое-то интервью и выступаешь с таким-то шоу на телевидении». Так было. Нас никто не спрашивал. А когда тот парень сказал мне, что решаю все я, я наконец проснулся. И понял, что он прав.

Словом, несмотря на все, я должен быть благодарным тому парню.

Идеи снять меня в «Капитане Эо» родилась в студии Диснея,

пожелавшей выпустить картину с моим участием для своего парка. Они сказали, им все равно, что я буду делать, лишь бы это было что-то оригинальное. У нас состоялся подробный разговор, и я сказал им, что Уолт Дисней — мой герой и что я очень интересуюсь историей и философией Диснейленда. Мне хотелось сделать с ними что-то такое, что понравилось бы самому мистеру Диснею. Я прочел не одну книгу об Уолте Диснее и его творческой империи, и мне было очень важно сделать что-то в его стиле.

В общем, они предложили мне сняться, и я согласился. Я сказал, что хотел бы работать с Джорджем Лукасом и Стивеном Спилбергом. Стивен оказался занят, так что Джордж привлек к работе Фрэнсиса Форда Копполу, и так сложилась съемочная группа «Капитана Эо».

Я раза два летал в Сан-Франциско к Джорджу на его «Поднебесное ранчо», и постепенно мы написали сценарий для небольшого фильма, в котором должны были использовать последние достижения стереотехники. У зрителей, когда они будут смотреть «Капитана Эо», должно возникать такое впечатление и ощущение, будто они летят на космическом корабле. «Капитан Эо» — это фильм о том, как музыка может изменить и переделать мир. Название придумал Джордж (Эо по-гречески — «заря»). Молодой парень отправляется с поручением на нашу несчастную планету, где правит злобная королева. Ему поручено принести обитателям этой планеты свет и красоту. В апофеозе фильма — победа добра над злом.

Работа над «Капитаном Эо» укрепила мое положительное отношение к работе в кино, и я понял отчетливее, чем прежде, что мое будущее, по всей вероятности, связано со съемками и фильмах. Я люблю кино, всегда любил его — с самых малых лет. Ты можешь перенестись в совсем иной мир и в течение двух часов находиться там. Фильмы могут увести тебя куда угодно. Это мне в них и нравится. Я могу сесть и сказать себе: «О'кей, все остальное перестает для меня существовать, уведи меня в какое-нибудь чудесное место и заставь забыть все мои тревоги и заботы, и повседневные дела».

Я люблю также находиться перед 35-миллиметровой камерой. Я часто слышал от братьев: «До чего же я буду рад, когда кончится эта съемка», и никак не мог понять, почему они не любят сниматься. А мне было интересно все, я старался научиться, глядя на то, чего добивается режиссер, что делает осветитель. Мне хотелось знать, как ставят свет и почему режиссер по многу раз снимает одну и ту же сцену. Интересно было слышать, какие изменения делаются в сценарии. Все это

было частью моего образования в области кинопроизводства. Рождение новых идей волнует меня, а кино, похоже, страдает сейчас от отсутствия таковых — столь многие люди делают одно и то же. Большие студии напоминают мне нашу работу в «Мотауне», которая так нас раздражала: от вас ждут простейших решений, хотят, чтобы все делалось по установленным канонам, наверняка — только публике, конечно, от этого скучно. Сколько людей заняты тем, что делают одни и те же банальные картины, а вот Джордж Лукас и Стивен Спилберг — исключение.

Я попытаюсь внести в это что-то новое. Когда-нибудь я постараюсь все изменить.

Я очень сдружился с Марлоном Брандо и всецело доверяю ему. Не могу и перечислить, сколь многому он меня научил. Мы часами сидели с ним за беседой. Он много всего рассказал мне про кино. Актер он изумительный, работал со многими великими людьми, актерами и операторами. Меня поражало, с каким уважением он относится к художественной стороне фильма. Он для меня, как отец.

Так что делать фильмы — моя мечта номер один, но есть у меня и другие мечты.

В начале 1995 года мы выступили с песней «Мы — это весь мир» на вечере «звезд», проходившем после вручения мне премии «Американской музыки». Я написал эту песню с Лайонелом Ричи после того, кик увидел жуткий документальный фильм о голодающих в Эфиопии и Судане.

В ту пору я обычно просил мою сестру Дженет зайти со мной в какое-нибудь помещение с интересной акустикой, например, в чулан или в ванную, и там пел ей — брал всего одну ноту. Это была песня без слов, да и вообще не песня, — я просто напевал с закрытым ртом. И спрашивал:

— Дженет, вот ты слушаешь меня и что тебе представляется? Что тебе представляется, когда ты слышишь этот звук?

И в тот раз она сказала:

— Дети, умирающие в Африке.

— Правильно, именно это и было моим посылом.

И она сказала:

— Ты создаешь представление об Африке. Создаешь представление об умирающих детях.

Так родилась песня «Мы — это весь мир». Мы заходили с Дженет в темную комнату, и я пел. Мне кажется, именно так должны поступать певцы. Надо уметь выступать и доводить наше искусство до публики даже в темной комнате. Мы многое утратили из-за телевидения. А мы должны трогать сердца людей без всей этой изощренной техники, без картинки, с помощью

одного только звука.

Я ведь выступал перед публикой с тех пор, как себя помню. И я знал много секретов, много всяких хитростей.

«Мы — это весь мир» я считаю песней с большим внутренним содержанием, но содержанием особым. И я горжусь тем, что принимал участие в ее исполнении и был одним из выступавших в тот вечер. Нас объединяло желание сделать что-то особенное. А такая песни помогали сделать мир лучше для тех, кто в нем живет, и показать голодающим, что мы небезразличны к их судьбе и хотим помочь.

Мы получили несколько премий «Грэмми», а «Мы — это весь мир» наряду с «Билли Джин» стала в облегченном варианте звучать в лифтах. С тех пор, как я написал эту песню, я всегда считал, что ее должны петь дети. И когда я наконец услышал ее в исполнении детей в версии Джорджа Дьюка, я чуть не расплакался. Это была лучшая версия из всех, какие я слышал.

После «Мы — это весь мир» я опять решил исчезнуть с глаз публики. Два с половиной года я почти все время занимался записями того, что исполнял в «Триллере»: В результате вышел альбом под названием «Плохой».

Почему понадобилось столько времени, чтобы записать пластинки для этого альбома? Дело в том, что мы с Куинси решили сделать действительно идеальный альбом — насколько это в человеческих силах. А человеку, стремящемуся к идеалу, нужно время: он кроит и перекраивает, и лепит, пока произведение не принимает идеальную форму. Он не выпускает его из рук, пока не будет удовлетворен, — иначе просто не может.

Если не получается, выбрасываешь материал и начинаешь делать заново, работаешь, пока не получится как надо. А когда приближение к идеалу достигнуто, откладываешь готовый материал. Просто необходимо доводить все до конца — в этом секрет успеха. В этом разница между пластинкой, занимающей в списке хитов тридцатое место, и пластинкой, которая, заняв первое место, удерживает его в течение недель, она должна быть хорошей. Если она хороша, то держится в списке, и весь мир, поражаясь этому, лишь гадает, когда она сойдет.

Мне трудно объяснить, как мы с Куинси Джонсом работаем над альбомом. Я пишу песни и музыку, затем является Куинси и вытягивает из меня все, на что я способен. Вот и все. Куинси слушает меня и вносит поправки. Скажет: «Майкл, здесь надо изменить», и я вношу в текст изменение. Он наставляет меня и помогает творить, помогает выдумывать, работает со мной над новым звучанием, новым видом музыки.

И мы с ним ссоримся. Во время записи альбома «Плохой» о

некоторых вещах нам так и не удалось договориться. Вообще, если мы спорим, то спорим по поводу последних достижений в технике. Я говорю: «Куинси, понимаешь, музыка ведь не стоит на месте. Я хочу, чтобы ударные звучали так, как играют сейчас, и я хочу идти в их звучании дальше». После чего мы продолжаем запись и создаем такую пластинку, какую только в состоянии создать.

Мы никогда не пытались потворствовать вкусам толпы. Главной нашей заботой всегда было качество. Люди не станут покупать подделку, они покупают лишь то, что им нравится. Если ты тратишь время на то, чтобы сесть в машину, поехать в музыкальный магазин и выложить свои деньги на прилавок, тебе должно действительно нравиться то, что ты покупаешь. Ты не говоришь: «Я сделаю песню в стиле кантри для рынка кантри, а песню в стиле рока для другого рынка» или что-то подобное. Мне, к примеру, близки все стили в музыке. Я люблю некоторые песни в стиле рока и некоторые песни в стиле кантри, и некоторые — в стиле поп, и все пластинки старого рок-н-ролла.

Мы исполняли песню в стиле рока под названием «Надо победить». Мы пригласили Эдди ван Халлена играть на гитаре, так как знали, что он лучший гитарист. Альбомы надо создавать для людей всех национальностей и всех вкусов в музыке.

В общем-то многие песни складываются сами собой. Ты вдруг скажешь: «Вот то, что нужно. Так оно и будет». Конечно, не у каждой песни есть танцевальный ритм. К примеру, «Рок с тобой» не отличается хорошим танцевальным ритмом. Она была создана для старомодного исполнения рока. У нее не тот ритм, что у «Не останавливайся» или «Трудись день и ночь», или хотя бы «Начнем с чего-то» — такие песни вгоняют тебя в пот, когда ты исполняешь их перед танцующими.

Мы долго работали над «Плохим». Не один год. В конечном счете наш труд оказался не напрасным, и мы довольны тем, чего сумели достичь, но потрудиться пришлось изрядно. Напряжение было огромное, потому что мы состязались сами с собой. А очень трудно создать что-то, когда знаешь, что состязаешься сам с собой, потому что, каково бы ни было твое собственное отношение, люди-то всегда будут сравнивать альбом «Плохой» с фильмом «Триллер». Ты, конечно, можешь сказать: «О, забудем про «Триллер», но ведь другим не прикажешь.

Я лично от этого только выигрывал, потому что я всегда лучше выкладываюсь, когда на меня что-то давит.

«Плохой» — это песни об улице. Песня о мальчишке из плохого района, которого отправляют учиться в частную школу. Он возвращается на свою улицу во время каникул, и местные

ребята начинают его задирать. Он поет: «Я плохой, вы плохие, кто же плохой, а кто хороший?» И говорит — когда ты сильный и добрый, вот тогда ТЫ ПЛОХОЙ.

«Человек в зеркале» несет в себе глубокую мысль. Я люблю эту песню. Если бы Джон Леннон был жив, эта песня могла бы относиться к нему; в ней говорится, что если хочешь сделать мир лучше, то прежде всего должен совершенствоваться и меняться сам. Об этом же говорил и Кеннеди: «Не спрашивайте, что может сделать для вас страна, — спрашивайте себя, что можете сделать для страны вы». Если хочешь, чтобы мир стал лучше, посмотри на себя и меняйся. Начни с человека в зеркале. Начни с самого себя. Не оглядывайся на других. Начинай с себя.

Это действительно так. Именно это хотел сказать Мартин Лютер Кинг — и Ганди тоже. И в это я верю. Слава может стать тяжким грузом. И стоит ли слава того, чтобы платить за нее такую цену? Если учесть, что ты действительно всегда на виду. Ты и шагу не можешь ступить, не приняв предварительно определенных мер. Средства массовой информации печатают все, что бы ты ни сказал. Они сообщают обо всем, что бы ты ни сделал. Они знают о малейшей твоей покупке, о том, какие фильмы ты смотришь, — знают все. В какую я иду библиотеку, они потом напечатают названия книг, которые я смотрел. Однажды во Флориде газета напечатала весь график моего дня — все, что я делал с десяти утра до шести утра следующего дня: «После этого он сделал это, а после этого — вот это, ом поехал туда, потом ходил по домам, потом он…».

Помню, я подумал тогда: а что, если бы я попытался сделать такое, чего не хотел бы видеть потом напечатанным в газете? Вот она — цена славы.

Мне кажется, публика имеет обо мне искаженное представление. Хотя пресса и бдительно следит за мной, у читателей нет ясного или полного представления о том, что я такое. Случается, полуправду выдают за факт, и часто происшедшее излагают лишь наполовину. То же, что опущено, как раз и бросает иной раз свет на напечатанные факты и делает их менее сенсационными. В результате некоторые люди, видимо, считают, что я не сам принимаю решения о своей дальнейшей карьере. Ничто не может быть дальше от истины.

Меня обвиняли в том, что я помешан на скрытности, и это правда. Если ты известен, на тебя вечно пялятся. За тобой наблюдают. Это можно понять, но это далеко не всегда приятно. Вы можете спросить, почему я часто появляюсь в темных очках, и я скажу — лишь потому, что мне неприятно все время видеть, как на меня пялятся. Это уловка, позволяющая хоть немного скрыться

от праздного любопытства. Когда мне вырвали зуб мудрости, дантист надел на меня повязку, чтобы я по пути домой не наглотался микробов. Мне понравилась эта повязка. Это было здорово — куда лучше, чем темные очки, — и я какое-то время смеха ради ходил в ней. Я так мало принадлежу себе в жизни, что мне хочется скрыть хоть частицу себя, хоть немного отдохнуть от людей. Это может показаться странным, я знаю, но я люблю уединение.

Не могу сказать, нравится мне или не нравится быть знаменитым, но я, безусловно, люблю достигать намеченной цели. Люблю не только дойти до отметки, которую себе установил, но и превзойти ее. Это так здорово, когда делаешь больше, чем задумал. Лучше ничего быть не может. Я считаю, что очень важно ставить себе цель. Тогда ты знаешь, к чему стремишься и каким образом хочешь этого добиться. Если же ты себе не ставишь цели, то никогда и не будишь знать, достиг ты отметки или нет.

Я иногда шучу, что ни у кого не просил разрешения петь или танцевать, и это правда. Мне повезло, что у меня есть такие способности. Я каждый день благодарю за это Бога. И стараюсь развить в себе то, что Он мне дал. Я считаю, что обязан это делать.

Вокруг столько всего, за что мы должны быть благодарны. Не Роберт ли Фрост написал, что в каждом листочке можно увидеть целый мир? Я думаю, это правда. Это и притягивает меня к детям. Они все подмечают. Они не пресыщены. Их волнует то, что нас уже давно оставляет равнодушными. Он и естественные, раскованные. Я люблю быть с ними. В доме у нас всегда полно детей, и мы им всегда рады. Они как бы подзаряжают меня энергией — уже самим своим присутствием. У них на все такой свежий взгляд, они так открыты всему. Это и делает детей творчески активными. Они не стеснены правилами. Рисунок вовсе не должен быть в центре листа бумаги, небо необязательно должно быть голубым. Они и людей приемлют как они есть. Единственное, чего они требуют — это чтобы с ними хорошо обращались и любили их. Да я думаю, все мы этого хотим.

Мне хотелось бы думать, что и дети, с которыми я встречаюсь, черпают во мне вдохновение. Я хочу, чтобы дети любили мою музыку. Их одобрение значит дли меня очень много. Дети всегда знают, какая песня станет хитом. Встречаются детишки, которые еще и говорить-то не умеют, а уже чувствуют ритм. Чудно. Но они — публика крутая, собственно, самая крутая. Сколько родителей подходили ко мне и говорили, что их малыш знает «Надо победить» и обожает «Триллер». А Джордж Лукас

сказал, что первыми словами его дочки были «Майкл Джексон». Я почувствовал себя на вершине блаженства, когда он это сказал.

Я провожу много свободного времени — и в Калифорнии, и во время поездок, — посещая детские больницы. Я счастлив, что могу хоть немного скрасить детишкам день, просто наведавшись к ним и поговорив с ними, послушав, что они хотят мне сказать. — это им помогает, и они чувствуют себя лучше. Детишкам так тяжело болеть. И меньше всего они этого заслуживают. Они часто даже не могут понять, что с ними происходит. Мне это переворачивает всю душу. Мне всегда хочется их обнять и постараться сделать так, чтобы все у них было хорошо. Случается, больные дети приходят ко мне домой или в мой номер в отеле, когда я в поездках. Кто-нибудь из родителей связывается со мной и спрашивает, не может ли его ребенок побыть со мной несколько минут. Жизнь — штука слишком ценная и слишком короткая, и надо протягивать людям руку, если можешь.

Знаете, когда в юности у меня были проблемы с кожей и я ходил в прыщах, именно дети не отворачивались от меня. Только они понимали, — даже если и не узнавали меня, — что я уже не крошка Майкл. Я этого никогда не забуду. Дети — чудесные существа. Если бы моя жизнь состояла лишь в том, чтобы помогать детям и радовать их, этого было бы для меня вполне достаточно, Дети — народ удивительный. Удивительный.

Моя жизнь хорошо организована. У меня совершенно исключительные помощники, и они поставляют мне всю информацию о том, что происходит в «Эм-Джи-Джи продакшн», а я уже делаю выбор и принимаю решение. Что до моего творчества, то в эту область я никого не допускаю и получаю от этой стороны своей жизни не меньшее удовольствие, чем от других.

По-моему, пресса сделала из меня этакого пай-мальчика, и мне это не нравится. Бороться с этим трудно, так как обычно я избегаю говорить о себе. Я человек застенчивый. Это правда. Я не люблю давать интервью или выступать на «круглых столах». Когда издательство «Даблдэй» предложило мне написать эту книгу, я сразу заинтересовался: это дало мне возможность рассказать о моих чувствах в собственной книге, своими словами и своим голосом. Надеюсь, это поможет прояснить некоторые неверные представления обо мне.

Каждый человек многогранен, и я не исключение. На публике я часто стесняюсь и замыкаюсь в себе. Конечно, вдали от камер и пристальных взглядов я другой. Мои друзья, такие люди, которые работают со мной, знают другого Майкла, которого мне трудно

вытащить «на публику».

А вот когда я на сцене, я преображаюсь. Во время выступлении я раскрепощаюсь. Я полностью владею сценой. И ни о чем больше не думаю. Стоит мне выйти на сцену, — и я уже знаю, что хочу делать, и наслаждаюсь каждой минутой. Там я бываю по-настоящему раскован. Совершенно раскован. И это приятно. Так же раскованно я чувствую себя и в студии. Я знаю, когда у меня получается. А если не получается, — знаю, как поправить дело. Все должно быть к месту, и если это так, тебе хорошо, ты чувствуешь, что чего-то достиг. Никто не думал, что я смогу писать тексты для песен. Поэтому, когда начали появляться мои песни, все смотрели на меня с таким видом, будто хотели спросить: «Кто на самом-то деле это написал?» Не знаю, как они себе это представляли, — может, считали, что кто-то сидит у меня в гараже и пишет за меня песни? Но время все прояснило, ведь приходится доказывать людям, что ты что-то можешь, а столь многие не хотят верить. Я слышал рассказы о том, как Уолт Дисней в самом начале ходил из студии в студию, безуспешно пытаясь продать свои работы — всюду ему отказывали. А когда ему, наконец, дали возможность попробовать себя, все увидели, что он — величайший талант на земле.

Если с тобой поступают несправедливо, это иногда только придает тебе силы и решимости. Рабство — страшная вещь, но когда черные в Америке наконец избавились от него, они вышли из этих испытаний более сильными. Они знали, каково это, когда твой дух сломлен и другие люди распоряжаются твоей судьбой. Они никогда этого больше не допустят. Вот такой силой я восхищаюсь. Люди, обладающие ею, могут постоять за себя и вкладывают в нее свою душу и все физические силы в то, во что верят. Меня спрашивают, какой я. Надеюсь, эта книга ответит на некоторые вопросы, но может помочь и следующее. Мой вкус в музыке — эклектическая машина. К примеру, я люблю классическую музыку. Я обожаю Дебюсси. Прелюдию к «Послеполуденному отдыху фавна» и «Лунный свет». И люблю Прокофьева. Я могу слушать «Петю и волка» снова и снова — без конца. Во все времена одним из моих любимых композиторов был Копленд. «Парень Билли» — изумительный балет. Я много слушаю Чайковского. Сюита из «Щелкунчика» — любимое мое произведение. У меня большая коллекция пластинок с песнями из разных шоу — Ирвинга Берлина, Джонни Мерсера, Лернера и Лови, Гарольда Арлена, Роджерса и Хачмерстейна и великого Холланд-Донье-Холланда, Я, право же, восхищаюсь всеми ими. Из еды я люблю мексиканскую пищу. Я вегетарианец, а потому, по счастью, больше всего люблю свежие фрукты и овощи. Я люблю

игрушки и побрякушки. Люблю быть в курсе всех новинок. И если вижу что-то действительно замечательное, — покупаю.

Я обожаю обезьян, особенно шимпанзе. Мой шимпанзе Плевака доставляет мне уйму удовольствии. Я люблю брать его с собой в турне и поездки. Он замечательно развлекает меня и большой мой любимец.

Я люблю Элизабет Тэйлор. Меня вдохновляет ее мужество. Она столько всего перенесла — и выстояла. Многое выпало на ее долю, и она вышла ни всех испытаний с высоко поднятой головой, она особенно близка мне потому, что оба мы с детства стали «звездами». Во время нашего первого разговора по телефону она сказала, что у нее такое чувство, будто она уже много лег знает меня. Такое же чувство было и у меня. Близким моим другом является также Кэтрин Хепберн. Сначала я боялся с ней встретиться. Впервые мы обменялись с ней несколькими фразами, когда я приехал на съемки «У золотого пруда», куда меня пригласила Джейн Фонда. Кэтрин Хепберн предложила мне поужинать вместе на следующий вечер. Я считаю, что мне очень повезло. С тех пор мы часто ездим друг к другу в гости и поддерживаем тесные отношения. Вспомните, ведь Кэтрин Хепберн заставила меня снять темные очки при вручении премии «Грэмми». Она имеет на меня большое влияние. Это тоже человек сильный и любящий уединение.

Я убежден, что актеры должны стараться быть сильными, чтобы подавать пример публике. Можно только поражаться тому, что способен сделать человек, стоит ему только постараться. Если на тебя что-то давит, используй это чтобы выступить еще лучше. Актеров делает сильными и хорошими публика.

В прошлом среди актеров часто встречались трагические фигуры. Многие по-настоящему великие таланты страдали от гнета обстоятельств и от наркотиков, а в особенности, от пьянства — иные даже умирали. Это так грустно. Ты чувствуешь себя обманутым, когда твой кумир вместо того, чтобы расти на твоих глазах, — исчезает. Можно только догадываться, что могли бы нам дать Мэрилин Монро или Джимми Хендрикс, будь они живы в восьмидесятые годы.

Многие знаменитости творят, что не хотят видеть своих детей в шоу-бизнесе. Я могу понять их чувства, но я с ними не согласен. Будь у меня сын или дочь, я бы сказал: «Непременно будь гостем моей программы. Давай, выступай со мной. Если хочешь этим заниматься, — занимайся».

Самое для меня важное — делать людей счастливыми, чтобы они отдыхали от своих проблем и забот и забывали о бремени», которое несут. Я хочу, чтобы, уходя с моего выступления, они

говорили: «Здорово было. Хочу посмотреть еще раз. Великолепно я провел время». Для меня в этом вся суть. Это замечательно. Вот почему я не понимаю тех знаменитостей, кто говорит, что не хотели бы видеть своих детей в шоу-бизнесе.

Я думаю, они так говорят, потому что им самим пришлось несладко. Это я могу понять. Со мной тоже так было.

Майкл Джексон
Энчино, Калифорния
1988